

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СОВЕТ ИСТОРИКОВ ПРИ АССОЦИАЦИИ
“АЭРОКОСМИЧЕСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ”
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АЭРОКОСМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени академика С.П.КОРОЛЕВА

Н.Ф.Банникова, С.И.Журавлев

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Очерки по отечественной истории конца XIX – начала XX вв.

САМАРА 2000

ББК ТЗ (2) 52

Банникова Н.Ф., Журавлев С.И.

Россия на переломе: Очерки по отечественной истории конца XIX –начала XX вв. / Под общ. ред. Банниковой Н.Ф. Самар. гос. аэрокосм. ун-т. Самара, 2000. 183 с.:ил.

ISBN 5-7883-0115-7

В очерках авторами предпринята попытка по-новому рассмотреть основные вехи российского общества в один из самых сложных и драматических периодов истории Российского государства – на рубеже XIX-XX вв. Трехсотлетняя династия Романовых уходила с исторической сцены под гром пушек русско-японской и первой мировой войны, в зареве пожаров первой и второй русской революций. Это была трагедия уходящей эпохи.

Материалы очерков могут быть использованы студентами при изучении курса отечественной истории, а также будут интересны всем, увлекающимся историей.

Печатаются по решению редакционно-издательского совета Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П.Королева.

Рецензент д-р историч. наук Э.Л.Дубман

ISBN 5-7883-0115-7

© Н.Ф.Банникова,

С.И.Журавлев, 2000

© Самарский государственный
аэрокосмический университет, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда погребают эпоху...

А.А.Ахматова

Богатство каждой нации - ее история. Политика, которая привела к отрицанию своего прошлого, привела к разрушению исторической памяти. Появление в настоящее время «национальных историй», по-разному трактующих прошлое Российского государства, требует серьезного анализа проблем истории.

Это тем более важно, так как в периоды кризисов проблемы прошлого становятся более актуальными для настоящего, что и определяет приоритетность исторических проблем в тот или иной период. Перемены оценок иногда играют отрицательную роль, поэтому историкам-профессионалам, да и политикам, нужно бережно относиться к прошлому.

Развитие исторического знания в последнее время часто носит сиюминутный и конъюнктурный характер. Интерес к прошлому в нашем обществе подогревается разочарованием в настоящем. Происходит эволюция системы исторических ценностей. Задача ученых-историков - давать объективные, научные материалы на актуальные темы. К сожалению, российская властная элита до сих пор не обозначила отношения к национальной русской истории, хотя о вопросах патриотического воспитания заявляет часто и весьма охотно. Но без исторического знания и сознания решить эти проблемы невозможно.

Вопрос исторической преемственности и сейчас имеет важнейшее значение, чтобы в очередной раз не отречься от прошлого. Государственная идеология делает ставку всегда на те или иные исторические персонажи - и к этому тоже нужно подходить очень осторожно, поскольку заимствование идей прошлого часто происходит без должной оценки.

Иногда в работах, посвященных истории России начала XX века, слишком много говорится об экономическом процветании и величии Российской империи. То, что в советское время чаще всего служило нижней планкой для оценки достижений новых вождей, сегодня кардинально, поменяв знак, превратилось в «славный тринадцатый год». В массовом сознании, таким образом, один миф - о «проклятом прошлом» - вытесняется другим, - о своеобразном «золотом веке». И в лучших мифологических традициях нам предлагается соблазнительная идея обрести «потерянный рай».

Однако положение России на рубеже XIX-XX вв. представляло собой отнюдь не идиллическую картину. В один сложный узел были связаны политические, экономические и социальные противоречия. Для разрешения их требовались люди, обладающие государственным умом и сильной волей. Россия была всегда богата на таланты. И люди, способные приложить

свои силы и таланты для блага Отечества, у нее были. Но, как говорил один из героев Веннамина Каверина, пусть бы им не помогали, но хотя бы пусть не мешали.

Трагедия таких представителей российской властной элиты как Сергей Юльевич Витте или Петр Аркадьевич Столыпин и состояла в том, что им приходилось сражаться не только с объективными трудностями, но и влиянием так называемого субъективного фактора. И зачастую борьба с последним оборачивалась для них поражением. Ситуацию усугубляло и то, что на вершине государственного управления Российской империи болею судьбы оказался человек, в силу своих качеств не способный ответить на тяжелейшие вызовы своей эпохи.

Начиная с 1894 года, когда на российский престол вззошел Николай Александрович Романов, он делает буквально все возможное для того, чтобы усугубить и без того не простую ситуацию. Как бы своими собственными руками последний русский царь и его ближайшее окружение подталкивали страну к катастрофе. А когда находились люди, способные увести Россию от губительной пропасти, им, в конечном счете, не давали работать. Слово сговорившись, царь и его окружение «погребали эпоху», доставшуюся им в наследство.

Обращаясь к российскому историческому прошлому, следует учитывать совокупность различных факторов, поскольку общественное сознание всегда превосходит все реально существующие пути исторического развития.

Модернизация российского общества в конце XIX в. внесла раскол в общественное сознание, а также нарушила традиционные представления о жизни общества, расколола его по идейно-политическому принципу.

Представляя собой органическую часть общемирового процесса, модернизация в России способствовала ее включенности в единую мировую народнохозяйственную систему. Но она и обнажала противоречия.

Изучая опыт модернизации России в конце XIX – начале XX вв., в настоящее время следует учитывать совокупность исторических особенностей, традиций, культуры и ментальности. Только в этом случае Россия сумеет обрести свой собственный национальный путь развития.

Историки и в начале века XX много внимания уделяли осмыслению рубежа XIX-XX вв., так и в настоящее время исследователи современных процессов преобразования России снова бросают взгляд на проблемы переходного периода от одного века к другому. Так, рассматривая любую локальную тему, они неосознанно возвращаются к необходимости понимания уже прошедших процессов в истории.

И еще одно необходимое замечание. Есть две возможности оценить ту или иную историческую эпоху. Первый путь – длительная и кропотливая работа с историческими источниками. Когда историк-профессионал уподобляется золотоискателю, который в поисках

песчинок драгоценного металла вынужден перерабатывать тонны пустой породы. Но даже эта порода становится доступной для него по истечении довольно значительного времени – в обозримом будущем такое понятие как «срок давности» для исторических документов вряд ли кто отменит. Но человеку свойственно задумываться о том, что происходит с ним, с его страной, со всем миром не только по прошествии ряда лет. И есть люди, способные путем творческого озарения постичь суть происходящего, являясь современниками событий.

Поэтому не случайно в качестве эпитафии для нашей работы мы выбрали строчку из стихотворения Анны Ахматовой «1 августа 1940».

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Краливе, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она вышльвывает,
Как труп на весенней реке, -
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот -- над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

Говорят, что в истории все повторяется. И эти строки, написанные в начале второй мировой войны, как нельзя более точно описывали ситуацию в России в начале царствования Николая II. Никто словно бы не замечал бесслышный ход времени. Никто не слышал траурную музыку надгробных псалмов. Никто не видел всходы крапивы и чертополоха, которым предстояло взойти на руинах Российской империи. А между тем уже шла лихая работа могильщиков, погребавших целую эпоху нашей истории.

Есть почему на пороге двадцать первого века мы вновь с пристальным интересом взглядываемся в то, что происходило в России на рубеже XIX – XX вв. ...

РУССКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв. И ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ САМОДЕРЖЕЦ

История России за тысячу лет знала немало трагических и драматических моментов, но, пожалуй, самый трагический поворот она приняла на рубеже XIX-XX вв. Конечно, это можно объяснить aberrацией близости - ведь события начала века к нам куда ближе чем, например, татаро-монгольское иго. И по сей день наше общество сотрясают яростные споры об альтернативе тому пути, по которому пошло развитие России в XX в. При этом различные политические силы в этом споре стремятся опереться на «неопровержимые» исторические аргументы. Все это еще раз заставляет нас вернуться к переломному моменту рубежа веков. А разговор мы начнем с рассмотрения феномена русского самодержавия и фигуры последнего самодержца.

Последним русским царем из династии Романовых суждено было стать Николаю II, который унаследовал трон в 1894 г. после смерти своего отца императора Александра III. Произошла не просто смена венценосца; постепенно стали обозначаться перемены в курсе государственной политики, во всем строе жизни государства и общества. В любой авторитарной системе личность верховного правителя играет огромную роль, вольно или невольно откладывает заметный отпечаток на различные стороны общественной и политической деятельности. Особенно велика эта роль при монархическом авторитаризме русского образца - единовластии, базировавшемся на харизматическом принципе.

Власть царя опиралась на божественное соизволение; он венчался на царство и принимал присягу у алтаря. Монарх в России отвечал за свои дела не перед смертными, а перед Богом, что для православного христианина (последние монархи были глубоко верующими людьми) являлось абсолютной формой ответственности. Известный деятель правого толка князь В.П.Мещерский уже в XX в. писал, что «самодержавный русский царь ответственностью перед Богом и своей совестью несравненно более ограничен, чем президент Французской республики». Подобные представления о верховной власти, лежавшие в основе монархической государственности, возникли еще до воцарения Романовых как отголосок наших традиционных связей с ушедшей в прошлое Византией. В имперский же период русской истории самодержавная модель государственного устройства проявилась во всем блеске своих достоинств и недостатков. Последним коронованным носителем этой идеи, последним полноправным самодержцем был именно отец Николая II - Александр III.

Для Николая II самодержавие также было символом веры, тем догматом, который не мог подлежать не только пересмотру, но и обсуждению. Сразу же по восшествию на престол он заявил: «Да поможет мне Господь служить горячо любимой родине так же, как служил мой

покойный отец, и вести ее по указанному им светлому и лучезарному пути». Россия и Самодержавие для него были вещи неразрывно связанные. Царь целиком разделял точку зрения ревностного охранителя незбываемых основ исторической власти князя В.П.Мещерского, в 1914 г. написавшего Николаю II: «Как в себе не зажигаю огонь конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России».¹

О последнем русском царе за последние сто лет написано и сказано невероятно много. Если же разобраться во всех этих суждениях и умозаключениях, то можно будет выделить две главные тенденции, которые условно можно обозначить как уничижительно-критическую и апологетическую. В первом случае на Николая II возлагают главную ответственность за крушение монархии в России; его обвиняют в неумении владеть ситуацией, в неспособности понять нужды времени, потребности страны и осуществить необходимые преобразования для предотвращения нарастания напряженности. Согласно этим расхожим представлениям в критический момент русской истории на престоле оказался недееспособный правитель, человек небольшого ума, слабой воли, подверженный реакционным влияниям. Особенно наглядно такой подход выразился в книге М.К.Касвинова «Двадцать три ступени вниз», очень популярной в середине 80-х годов.

Другой подход прямо противоположен первому и оценивает последнего русского монарха в превосходных степенях, приписывает ему множество благих дел, чистоту помыслов и величие целей. Его жизнь - это крестный путь России, это судьба истинного православного христианина, павшего жертвой происков космополитических антирусских кругов, довершивших свое черное дело злодейским ритуальным убийством царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Подобные взгляды до сих пор широко распространены в кругах русской монархической эмиграции, а Русская Зарубежная Православная Церковь в 1981 году причислила царя и его близких к лику святых. Из последних работ откровенно апологетического характера можно, пожалуй, назвать книгу Э.Радзинского «Господи, спаси и сохрани Россию», которая может послужить прекрасной иллюстрацией откровенно дилетантского подхода. И тем не менее, в связи с отсутствием серьезных научных работ о последнем самодержце, ставшую бестселлером.

Николай II принял монарший скипетр на переломе эпох; ему пришлось стоять у руля огромной державы в сложное и бурное время, когда подвергались переосмыслению и отбрасывались многие традиционные идеологические ценности, когда все громче и громче

¹ Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993, с.12.

звучали голоса о необходимости преобразования России по меркам западных стран. Молодой 26-летний император, выросший и воспитанный в простой атмосфере патриархальной русской семьи, в первые годы своего правления не признавал никаких новаций, намереваясь «твердо и непоколебимо» стоять на страже тех принципов власти, тех устоев и основ, которые так твердо и последовательно отстаивал Александр III.

Молодой царь из первых порок многого не знал, во многие таинства государственного управления не был посвящен. Но одно он знал наверняка с самого начала: надо следовать курсом, каким вел страну его дорогой отец, при котором, как он это знал наверняка, страна добилась социальной стабильности и завоевала прочные позиции на мировой арене. Поэтому когда в адрес царя от либеральных деятелей земского движения стали поступать прошения, в которых высказывалась надежда на возобновление реформ, предпринятых в 1860-70-е годы, Николай II в речи перед представителями земств 29 января 1895 г. ответил категорическим отказом, назвав их надежды «бессмысленными мечтаниями».¹

Первые годы после воцарения Николая II во внешней и во внутренней политике России ничего существенно не менялось. Большое влияние при дворе продолжали сохранять те же лица, которые играли важные роли при правлении Александра III. Это такие известные деятели консервативного толка, сторонники неограниченной монархии, как возглавлявший с 1880 г. Ведомство Священного Синода его обер-прокурор К.И.Победоносцев; издатель правого журнала «Гражданин», неустанный критик всех истинных и мнимых либеральных поползновений государственной власти князь В.П.Мецкерский (внук историка Н.М.Карамзина); представитель родовитейшего российского барства, министр императорского двора граф И.И.Воронцов-Дашков, военный министр, генерал от инфантерии П.С.Ванновский и некоторые родственники Николая II из числа великих князей. Особое место среди них занимал московский генерал-губернатор, один из младших братьев Александра III, великий князь Сергей Александрович или просто «дядя Сергей» как его называли в кругу семьи. Ведь именно он сыграл такую значительную роль в устройстве личной жизни племянника и его будущей жены - Гессен-Дармштадтской принцессы Алисы Виктории Елены Луизы Беатрисы.

С Алисой Гессенской Николай II познакомился в 1884 г. Ему было 16 лет, ей - 12. Он влюбился с первого взгляда и на всю жизнь. Новая встреча произошла только пять лет спустя, когда Алиса приехала в гости к своей сестре Елизавете, бывшей замужем за великим князем Сергеем Александровичем. Об этой встрече Николай запишет в своем дневнике так: «Я мечтаю когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я люблю ее давно, но особенно глубоко и сильно с 1889

¹ Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992, с.9.

года, когда она провела 6 недель в Санкт-Петербурге.¹ Николай обратился со своим сокровенным желанием к отцу. Александр III ответил категорическим отказом - он желал бы видеть женой своего сына и наследника французскую принцессу из Орлеанского дома. Николай покорно согласился не настаивать на браке с Алисой, но от орлеанской принцессы решительно отказался. Он ждал - молча, безропотно и безнадежно. Единственными хранителями сердечной тайны цесаревича Николая, тайны его любви к Алисе Гессенской, были «дядя Сергей» и его жена «тетя Элла» (Елизавета Федоровна).

Пока здоровье не беспокоило Александра III, он не обращал внимания на желание сына. Но зимой 1894 г. царь простудился, и его стали сильно беспокоить почки. Диагноз врачей был неутешителен - нефрит. Это почти не оставляло надежды на благополучный исход. Силы царя быстро убывали, и он стал задумываться о том, как будет управляться Россия без него. Чтобы придать династии устойчивость, требовалось рождение наследника у цесаревича Николая. А так как ни о ком другом, кроме Алисы, цесаревич не желал слушать, Александр III и Мария Федоровна неохотно согласились.

Так Алиса Гессенская, будущая императрица Александра Федоровна, оказалась в России за десять дней до смерти своего свекра. Александр III скончался в Ливадии 20 октября 1894 г. и спустя неделю траурный поезд с телом императора двинулся из Крыма на север. Только 7 ноября он прибыл в Санкт-Петербург, а 14 ноября 1894 г. состоялась свадьба Николая II и Александры Федоровны. Этот день был днем рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и для такого случая протокол предусматривал краткое прекращение траура. «Наша свадьба, - напишет Алиса сестре, - казалась мне просто продолжением панихиды с тем отличием, что я надела белое платье вместо черного». И тем не менее это было самое прекрасное время в жизни молодой семьи. На следующий день Александра Федоровна запишет в дневник мужа: «Никогда не предполагала, что могу быть такой абсолютно счастливой в целом мире, так чувствовать единство двух смертных, Я люблю тебя, в этих трех словах вся моя жизнь».

Они жили в ту первую зиму в шести комнатах Аничкова дворца, где вдовствующая императрица оставалась хозяйкой. По причине траура не было торжественных приемов, балов, не было и свадебного путешествия. Николай и Александра были предоставлены сами себе и каждую свободную минуту стремились проводить вместе, в своем маленьком уютном семейном мирке. Частыми и желанными гостями, неизменными участниками всех семейных торжеств там были «дядя Сергей» и «тетя Элла». Ведь именно их вмешательство, их участие в большей

¹ Масси Р. Николай и Александра. Петрозаводск, 1995, с.50.

степени способствовали тому, что женой Николая стала Александра. С дядей Сергеем Николаем советовался по важным вопросам государственной политики и принимал к сведению его точку зрения. Дяде Сергею в качестве Московского генерал-губернатора была поручена организация коронационных торжеств по истечении срока годовичного траура.

Обряд венчания на царство твердо определялся многовековой традицией и должен был проходить в древней столице России - Москве. День официального прибытия Николая II в столицу был назначен на 16 мая 1896 г. В этот день состоялся торжественный въезд императора и его свиты в Москву. А 17 мая в Успенском соборе Московского Кремля состоялась торжественная коронация Николая II и Александры Федоровны. По традиции Николай принял корону из рук митрополита и сам возложил ее на свою голову. Это была знаменитая корона Екатерины II - корона Российской империи.

После присяги членов императорской фамилии царская чета вышла из собора, одетая в парчовые мантии с вышитым двуглавым орлом и отороченные горностаем. Они поднялись на Красное крыльцо и трижды поклонились народу. Тысячеголосые приветственные крики встретили новых царя и царицу. Им вторил гром сотен артиллерийских орудий. Заглушая все прочие звуки, зазвонили тысячи московских колоколов. За этим последовал торжественный обед на 7 тысяч персон и бал в Кремле. Ночью вся Москва была залита светом миллионов свечей и праздничной иллюминации.

Следующий день коронации, 18 мая, по традиции, принадлежал народу. В обязанности великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы, входило устройство народного гулянья на открытом воздухе, в присутствии царской четы, в пригороде столицы. Всем пришедшим на гулянье планировалось вручить гостинец - бумажный кулек, а в нем сайка, кусок колбасы, пряник, десять леденцов и пять орехов. Прилагалась на память эмалированная «коронационная кружка» с вензелем нового царя и гербом. Всего таких подарков было изготовлено 400 тысяч, о чем заранее с большой помпой и сообщили правительственные издания. Местом раздачи царских гостинцев было выбрано Ходынское поле. Поле, которое служило учебным плацем для войск Московского гарнизона, вдоль и поперек изрытое рвами и траншеями.

Здесь-то и произошла небывалая трагедия. Еще с вечера 17 мая и всю ночь к Ходынке шли люди. Шли и москвичи, и жители окрестных деревень, фабричных посадков. К рассвету 18 мая на Ходынском поле, по самым скромным оценкам, собралось свыше полумиллиона человек (нелегальные издания называли цифру в миллион или даже в полтора миллиона человек). Теснота и скученность были так велики, что уже к пяти часам утра появились «ослабевшие и потерявшие сознание», а также «задавленные до смерти». Чуть позже министр юстиции

Э.К.Липгарт. Портрет императора
Николая II .1906

Н.К.Бодаревский. Портрет
императрицы Александры Федо-
ровны. 1907

В.Е.Маковский. На Ваганьковском кладбище. Похороны жертв Ходынки. 1896-1901гг.

Н.В.Муравьев докладывал: «Несколько умерших таким образом людей толпа передавала по головам, но многие трупы, вследствие тесноты, продолжали стоять в толпе, пока не удавалось их вытащить... Народ с ужасом старался отодвинуться от покойников, но это было невозможно и только усиливало давку»¹.

Когда около 6 часов стали прибывать телеги, груженные подарками и кружками, толпа с интересом наблюдала за происходящим и потихоньку продвигалась вперед. Внезапно разнесся слух, что телег меньше, чем ожидали, и подарков хватит только первым. Все ринулись к ларькам и палаткам. Началась давка. Аргельщики стали швырять кульки в толпу, рассчитывая таким образом унять сумятицу. Это не помогло. Первые падения в рвы и ямы, отчаянные крики затапываемых развязали всеобщую панику. Старики, женщины и дети, растоптанные и раздавленные, гибли в ямах, рвах и среди насыпей. Колодцы превратились в могилы; оттуда доносились вопли полуживых, перемешавшихся с мертвыми.

Пока прибывали полиция и казаки, Ходыньское поле стало походить на поле битвы. По официальным данным, погибли 1389 человек. Более 3000 получили тяжелые ранения, а еще десятки тысяч выбрались из свалки с ушибами и увечьями. Перед Николаем встал извечный русский вопрос «Кто виноват в случившемся?» и «Что делать дальше?» Можно было бы, конечно, все списать на любовь русского народа погулять на дармовщинку. Однако у Ходыньской трагедии был и вполне конкретный виновник - московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, из-за нераспорядительности которого, собственно, и произошла катастрофа. Но ведь это был тот самый «дядя Сергей», который так много сделал для семейного счастья Николая и Александры. И он настойчиво убеждал племянника, что для всех будет лучше, если он сделает вид, как будто ничего страшного не случилось. И уж ни в коем случае нельзя отменять бал у французского посла графа Монтебелло, назначенный на вечер 18 мая.

Совершенно другого мнения придерживалась мать Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она потребовала немедленного создания следственной комиссии и наказания виновных. Если виноват великий князь Сергей Александрович, родной брат ее мужа? Тем лучше. Именно он должен быть примерно наказан. И еще она потребовала отмены всех увеселений и вечернего бала у французского посла. Николай согласился. Но тогда впервые против вдовствующей императрицы выступила Аликс. Она не позволит отдать на растерзание мужа любимой сестры. Она не позволит отменить увеселения. Прав Сергей Александрович: все

¹ Касинов М.К. Двадцать три ступени вниз. Фрунзе, 1989, с 90.

должно происходить будто ничего не случилось. Коронация случается раз в жизни, бал должен состояться. И Николай снова согласился.

Расставлены по столам в залах и благоухают сто тысяч роз, выписанных для этого вечера из Прованса. Ужин сервирован на серебряной посуде, по этому случаю, присланной из Версаля. Под огнями люстр веселятся, угощаются, танцуют семь тысяч званых гостей. В те самые часы, когда на Ходыньском поле еще снуют пожирные и солдаты, убирая трупы при свете фонарей, на балу выходит в круг танцующих царская чета. В описании иностранного очевидца это выглядит так: «Люстры бросают тысячи огней на гирлянды цветов и на брызги фонтана. Всем весело... Слышится повсюду счастливый смех... Образуются на балу кружки, теснятся к середине: там император с императрицей танцует кадрили...»¹.

Может быть, и эта кадрили стала одной из причин того, что коронация 1896 года стала последней для династии Романовых. Образу «добротного царя», престижу молодого императора Николая II Ходыньская катастрофа нанесла весьма чувствительный урон. А ведь в авторитарно-самодержавной системе сила власти и престиж власти – вещи неразрывные. Ходынка, «кровавое воскресенье», Цусима, Распутин и связанные с ним клеветы и инсинуации по адресу царя разрушали традиционный ореол верховной власти в глазах народной массы и ускоряли приближение крушения. Но тогда в 1896 г. это казалось совершенно невероятным. Экономика Российской империи была на подъеме и руководил ею энергичный министр финансов Сергей Юльевич Витте.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. Анзельич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II. // Вопросы истории. 1993. № 2.
3. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993.
4. Боханов А.Н. Николай II. М., 1998.
5. Бродоль Б.Л. Царствование императора Николая II (1894-1917) в цифрах и фактах. Минск. 1991.
6. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
7. Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
8. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978.
9. Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990.
10. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. М., 1990.
11. Романовы: Исторические портреты: Книга вторая. Екатерина II - Николай II. М., 1998.

¹ Д'Альгейм П. Ходыньский ужас // Материалы для характеристики царствования: Сб. М., 1917, с. 106.

БРОСОК В КАПИТАЛИЗМ

После отмены крепостного права промышленное производство и предпринимательство в России претерпело серьезные изменения, в результате которых за пятьдесят лет (с 1861 по 1917 год) из аграрной страны Россия стала не только индустриальной, но занимала по объему промышленного производства пятое место в мире. Промышленная революция, которую почти все страны Европы пережили в более ранний период, позволила России за короткое время сделать поистине бросок в капитализм.

В России сложились в этот период важнейшие базовые индустриальные районы: Центрально – промышленный, Северо – Западный, Польский, Горнозаводской Урал, Металлургический Юг и Бакинский. Изменился качественно и слой предпринимателей. Они представляли в большей части образованную, профессионально подготовленную часть российского общества. Особое место занимала крупная буржуазия. Руководители крупных акционерных и частновладельческих компаний составляли более 7 тысяч человек. Они имели опыт предпринимательской деятельности и являлись представителями известных торгово - промышленных фамилий. Среди них миллионеры: сахарозаводчики Бродские, «хлопковые бароны» Кнопы, банкиры Поляковы, многочисленный клан Вогау, золотопромышленники Гинцбурги и другие. Доминировали владельцы огромных личных состояний: так, братьям Бродским, Г.Е.Гинцбургу и Л.С.Полякову принадлежало более 20 тысяч десятин земли и недвижимость в городах. Причем, одна треть крупной буржуазии принадлежала к дворянскому сословию, получив звание за заслугу перед отечеством. Например, получили доступ в дворянское сословие «по чину» или «по ордеру» – К.Л.Вахтер, братья Поляковы, А.Я.Арозоров и другие. Среди почетных граждан и купцов была большая прослойка иностранцев, принявших русское подданство: А. И.Грубе, К.П.Калози, Э.Е.Линдес и другие.

Важной чертой российских предпринимателей было служение делу милосердия и просвещения. К началу XX века в России действовало около 5 тысяч благотворительных обществ и более 6 тысяч благотворительных заведений. Широко известна подвижническая деятельность создателей всемирно известной художественной галереи братьев Павла и Сергея Третьяковых, одного из основателей знаменитого МХАТа С. Морозова, книгоиздателя К.Солдатенкова и других.

С усилением внимания со стороны правительства вопросам образования населения Российской империи росло в стране число лиц свободных профессий. Они были выходцами практически из всех сословий. Это были учителя, врачи, музыканты, актеры, литераторы, юристы, инженеры и ученые.

Но численность их была еще очень невелика. Так, профессорско-преподавательский корпус в 1899 году в России составил всего 2 458 человек¹, инженеров и техников насчитывалось 4 639 человек².

Передовая часть делового мира России стремилась в те же годы участвовать и в создании программ экономического роста страны совместно с научной интеллигенцией. В 1908 – 1913 годах в Москве в особняках А.Коновалова и П.Рябушинского проходили так называемые «экономические беседы», в которых принимали участие известные ученые. Такие как экономист, ректор МГУ – А.Мануйлов, социолог П.Струве, юрист П.Новгородский. Целью их совместных усилий была выработка системы практических мер монополизации промышленности, организации научных экспедиций и исследований природных богатств России и др. Эти «экономические беседы» способствовали также расширению мировоззренческих взглядов московских предпринимателей.

Жизнь требовала изменений организации деятельности российского купечества, хотя это был период его расцвета. После доработки Торгового устава в 60 – х годах XIXв. из трех оставалось две гильдии. Первая давала право на оптовую торговлю русскими и иностранными товарами. Городовое положение 1870г. предоставило купцам преобладающую роль в делах городского самоуправления, но воинская повинность реформой 1874г. на них распространялась. Это обстоятельство привлекало сыновей купцов к высшему образованию, которое давало льготы в отношении воинской повинности. Позднее корпоративные права купцов были пересмотрены. Привилегии были сохранены, но отделены от права на торгово – промышленную деятельность. Купеческие свидетельства разделились на промысловые и собственно – гильдейские.³

Зарождаясь еще в XVIII веке гильдейская организация практически себя изжила. Поэтому по инициативе С.Ю. Витте в 1898 году, в соответствии с законом о промысловом налоге, было отменено обязательное приобретение купеческих свидетельств для желающих заниматься коммерческой деятельностью. Деятельность предпринимателей контролировалась государством через различные советы и союзы. Так, в 1872 году был создан Совет торговли и

¹ Иванов А.Ф. Высшая школа в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 208 - 209.

² Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX – XXвв. // Отечественная история. №4. 1999. С.4.

³ Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1981. С.230.

мануфактур и т.п. В конце XIX века в России функционировало около 150 организаций предпринимателей. Но только в годы первой русской революции 1905 – 1907 гг. стало формироваться «политическое сознание» российской буржуазии. Они выступали за установление конституционно – монархического строя, создание законодательного парламента, ограничение административного произвола и т.д. Но идея создания буржуазной партии была в деловом мире непопулярной, собственной политической партии так и не было создано. Созданный по замыслу П.Рябушинского Всероссийский торгово – промышленный союз, хотя и объединял более трехсот предпринимательских организаций, достаточного влияния в стране не имел. Высокие темпы развития промышленного производства не привели к резкому изменению структуры населения. Россия по – прежнему была аграрной страной, так как $\frac{3}{4}$ населения были заняты в сельском хозяйстве. Даже в начале XX века значительное число рабочих было занято в мелкой городской и сельской промышленности. Социальная дифференциация общества осложнялась его сословным членением. Важно отметить, что в этот период граждане стран Западной Европы уже практически не делились по сословному признаку. Но тем не менее в целом структура и темпы роста населения отражали объективные процессы, происходящие в России.

Так, в пореформенный период заметно увеличилось городское население, и с 1880 года по 1910 год возросло на 7.5 млн человек.¹

По данным переписи 1897 года в Санкт – Петербурге проживало около 1.3 млн человек, а в Москве свыше миллиона. Процессы урбанизации в России нашли отражение в развитии губернских и городских кредитных обществ, отпускавших кредиты под городскую недвижимость. Наиболее крупными были столичные Московское и Петербургское городские общества.

Росло купеческое население. Так, например, в Самаре, быстро развивающемся губернском городе, в 1862 году было 256 купцов, в 1872 году их было уже 659.² Но и к концу XIX века купцы в России составляли лишь 0.27% всего населения страны и вместе с семьями составляли 343 111 человек.³

Старинное родовое дворянство постепенно вымирало, но более широкий доступ к государственной карьере для него по-прежнему был открыт.

В пореформенный период имела место миграция предпринимателей из-за границы. Ее первыми объектами были хлопчатобумажное и сахарное производство.

¹ Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX – XXвв. // Отечественная история. №4. 1999. С. 35.

² ГАСО, ф.153, оп 1, д.896, л.1.

³ Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX – XXвв. // Отечественная история. №4. 1999. С. 36.

Иностранные предприниматели способствовали становлению новых для России производств: электротехнического, парфюмерного, кондитерского. Зарождено было новое промышленное производство по изготовлению макарон и консервов. В 70 – 80 годы XIX века иностранное предпринимательство в России стало смещаться в сторону отраслей тяжелой промышленности: горнодобывающей, металлургической, металлообрабатывающей, химической и горного хозяйства.

В этот период много технических специалистов из стран Европы иммигрировали в Россию. По данным общей канцелярии министра финансов С.Ю. Витте в 1898 году в 51 губернии Европейской России иностранцы составляли 0,7 % рабочих заводов и фабрик, 8,5 % мастеров и 7,1 % директоров и служащих администрации.

В этот период быстро происходила концентрация промышленного производства, особенно в пищевой промышленности. Важное место занимало развитие товарного мукомольного производства, особенно в Поволжье (Нижегородская, Ярославская, Самарская, Саратовская губернии) и на Юге (Донская, Киевская, Полтавская губернии). На юге России высокой концентрацией сопровождалось также развитие свеклосахарной промышленности. Быстрыми темпами развивалось пивоваренное производство. К началу XX века насчитывалось уже свыше тысячи заводов, среди них наиболее крупные: пивомедоваренный в Петербурге, завод акционерного общества «Бавария» в Москве, завод Товарищества «А.Вакано и К» в Самаре и другие. Быстро набирали темпы развития кондитерские фабрики: Товарищество «Жорж Барман» и Товарищество «А.Абрикосова» в Москве, кондитерская фабрика Савинова и Каргина в Самаре. Хотя производство водки в России было сферой дворянского предпринимательства и охранялось государством и казной, в конце XIX века появились новые производства: Торговый дом П.А.Смирнова, Товарищество «Н.Л.Шустов с сыновьями» и другие.

Индустриальное развитие Российской империи осуществлялось вслед за западными странами, используя их технические достижения и опыт машинного производства. Об этом свидетельствовал громадный импорт машин. В Россию ввозились из-за границы заводское оборудование, сельскохозяйственные машины и механизмы. Правда, зарубежную технику российские инженеры в основном приспособляли к своим условиям. Важнейшим направлением индустриального развития России в пореформенный период было создание сети коммуникаций железных дорог и водных путей сообщения. Отечественное производство паровозов и вагонов в конце XIX века приобрело высокий размах и полностью удовлетворяло возросшие потребности страны в подвижном составе. А в целом в валовой продукции промышленности России отрасли группы «А» составляли почти половину.

Экономический рост России усилил деловое сотрудничество российских и иностранных банков. Но определяющим фактором в экономике России иностранные инвестиции не являлись. Правда, первые шаги по пути финансирования промышленности в России иностранные банки сделали в 80 – е годы. Особо тесное сотрудничество было у европейских банков с петербургскими. По размерам своей территории, разнообразию природных условий, наличию возможностей для развития капитализма, способностям вливать иностранный капитал Россия была похожа на США. Но в США правил закон и капитал, а в России у власти была феодальная элита, которая формировала новые экономические отношения, заботясь прежде всего о своих интересах. Использование опыта передовых индустриальных стран, покупка там машин, заимствование технологий способствовали утверждению в России крупного машинного производства. Быстрый рост текстильного производства подтверждал мысль о том, что крестьянские хозяйства утрачивали свой натуральный характер, ибо основным потребителем текстильного производства было сельское население. На долю текстильного производства приходилось $\frac{1}{2}$ стоимости промышленной продукции. Пищевая промышленность (мукомольное, маслодельное и т.д.) была порождением капиталистических изменений в аграрном секторе.

Третье место занимали горно-заводская промышленность и металлообработка, развитие которой было связано с железнодорожным строительством. Благодаря этому в России возникло рельсовое и транспортное машиностроение.

В результате ускоренного роста базовых отраслей доля общей стоимости промышленной продукции достигла почти 40%.¹

В 90 – е годы определилось географическое районирование российской промышленности. Завершилось формирование трех индустриальных районов страны: Центрального, Петербургско - Прибалтийского и Польского. Старый горнозаводской Урал сохранил свой отраслевой профиль, но утратил первостепенную роль.

Главным центром добычи угля и горно-металлургического производства стал Донецко – Криворожский район.

И все же в руках помещиков остались уголья, водопой, скотопрогоны, необходимые в крестьянском общинном хозяйстве, что наряду с недостатком в пахотных землях явилось фактором широкого распространения аренды. Многие помещики сдавали крестьянам земли за работу, а не за деньги. Так родилась знаменитая отработочная система помещичьего хозяйства.

Прежняя барская запашка в именовании стала именоваться теперь экономической, хотя экономика здесь была предельно простой.

¹ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М.:РОССПЭН, 1997. С.54 - 55.

В 1873г. завершила работу правительственная комиссия, возглавляемая министром государственных имуществ П.А. Валцевым, которая представила обширный доклад и статистические расчеты о состоянии деревни и помещичьего хозяйства. В 1900г. Дворянскому банку разрешили покупать часть имения заемщика, за счет чего предполагалось снизить задолженность до 60% оцененной стоимости той части имения, которая оставалась в руках заемщика.

В первые пореформенные годы помещики пыгались устранить трудности с наймом рабочих путем покупки сельскохозяйственных машин. Ввоз их в Россию резко возрос, но ненадолго.

Машины и усовершенствованные орудия обработки почвы требовали хорошего рабочего скота, а также навыков у работников. Ни того, ни другого в России не было.

С 90-х годов важную роль в торговле сельскохозяйственными орудиями и машинами стало играть земство. Это усилило конкуренцию с частными комиссионерами.

Пореформенный период стал временем втягивания земли в торговый оборот. Стало сокращаться количество помещичьих владений: если в 1867г. было 1147 имений, то в 1905г. – 810.¹ Основными покупателями были купцы и крестьяне.

Однако пореформенная реальность свидетельствовала о том, что поколение поместных дворян, вкусившее крепостническую власть, в большинстве своем не смогла отойти от старых стереотипов. По-прежнему бытовало стремление основать благополучие не на экономическом механизме, а на сословно – привилегированном положении.

В массе поместий не было никакого производящего хозяйства. Для создания производства нужны были деньги (~ 2 637 915 руб. на губернию). Но помещичье хозяйство имело огромный платежный дефицит ~ 4 211 667 руб.² Трудности с кредитом для помещиков вынудили правительство подключить к этому делу Государственный банк. А вскоре был открыт сословный государственный земельный банк – Дворянский.

Существовали два вида кредита: ипотечный (долгосрочный), когда полученная ссуда шла на личные нужды помещика, и краткосрочный - капитал, который использовался в хозяйстве.

Для помещиков был представлен поземельный кредит Обществом взаимного поземельного кредита (ОВПК), утвержденным 1 июля 1866г. Оно имело всероссийский характер и давало ссуды в золотой валюте. Государственный банк России был вынужден поддерживать его

¹ Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В 2 кн. Книга вторая. Самара: Изд. – во «Самарский университет». 1993. С.40.

² См.: Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. III, вып.1. Спб. 1893. С.42.

уровень искусственными мерами, тяжело отзывавшимися на государственных финансах. Были и организационные недочеты.

Важнейшим процессом пореформенной деревни было становление крестьянского хозяйства как самостоятельного экономического организма. Хозяйственное обособление крестьян проходило в различных условиях с неодинаковым результатом.

В ходе реформы в 1863г. количество крестьян в руках Удельного ведомства и казны заметно сократилось.

Важным резервом развития крестьянского хозяйства была полученная возможность покупать земли в личную собственность. К середине 80-х годов XIXв. завершился болезненный процесс освобождения крестьянского хозяйства от феодальных устоев. С отменой с 1883г. временнообязанного состояния пали юридические оковы, на которых держалось внеэкономическое принуждение.

В земельном обеспечении крестьян наблюдалась большая пестрота. Размер надела зависел от местонахождения села, качества земли и др. Кроме того, процесс измельчения наделов был связан с увеличением числа крестьянских дворов, т.е. с семейными разделениями.

Бывшие помещичьи крестьяне арендовали землю всей общиной или объединялись в товарищества. Кроме мелких арендаторов, используемых помещиками на обработках, имелась группа хозяйств предпринимательского типа, применявших труд постоянных наемных рабочих. Кроме земледелия они занимались торговлей, имели промышленные предприятия.

Крестьянское частное землевладение оказалось самым устойчивым. Крестьяне, как правило, землю покупали и почти не продавали свои владения.

С 1886г. в качестве посредника между ними и дворянами выступал Крестьянский поземельный банк, который скупал имения в Дворянском банке и по более высоким ценам продавал их общинам и товариществам.

Для подъема крестьянских хозяйств необходимы были две вещи – широкая свобода в увеличении землевладения и землепользования и благоприятная налоговая политика правительства. Однако таких условий не было создано.

Для покупки земли нужны были деньги, но они почти не уходили на уплату выкупных платежей, различных налогов и повинностей. Разбогатеть в таких условиях внутри общины было трудно. Но община была реальной формой организации. Все насущные дела решал сельский сход, межобщинные трения устранялись на волостном сходе. Главными фигурами на селе были староста и волостной старшина. Новые судебные уставы только скользнули по поверхности жизни большинства сельского населения. Между общиной и властью сложился негласный уговор, по которому начальство не вмешивалось во внутриобщинные дела.

Фундаментальной ячейкой крестьянского уклада была семья. Семейное достояние выдавалось только на мужскую часть. Община вмешивалась в жизнь семьи лишь в том случае, когда намечался урон для общества. Таким образом, крестьянская семья представляла собой в конце XIX в. замкнутый мир со своим твердым уставом, восходившим к древним нормам жизни.

В пореформенный период был увеличен миграционный процесс в деревне. Из центральных областей (Тамбовской, Курской, Рязанской и др.) крестьяне переселялись в Заволжье. Так, по данным переписи 1897 г., число неместных уроженцев в Самарской губернии составляло 244 974 человек.¹

В начале 70-х годов открылись первые акционерные ипотечные банки. Их уставы создавались на двойственных началах. Определение ипотечных операций было заимствовано из уставов городских кредитных обществ, Херсонского земельного банка и ОВПК, а положение об основном капитале, правах акционеров, принципах управления – из практики коммерческих акционерных банков. Кредит в акционерных банках составлял 8%. Пик производства приходился на 1871 – 1872 годы, когда возникло сразу 11 земельных банков. На денежном рынке сложилась бумовая ситуация, и сбыт закладных листов затруднился. Поэтому в 1873 г. образовалось частное общество по сбыту закладных листов – Центральный банк русского поземельного кредита. Однако в условиях нестабильности рубля операции этого банка оказались убыточными.²

Уставы земельных банков утверждались министром финансов, который следил за соблюдением условия: в одной губернии могли одновременно действовать не более двух банков. Так, самарские помещики пользовались отделениями Нижегородско-самарского и отчасти Московского банков.

Краткосрочные кредиты, кроме коммерческих учреждений, выдавались Государственным банком Российской империи помещикам разных сословий на 1 год (соло – вексельный кредит). Краткосрочный кредит, несмотря на высокие проценты, был прогрессивным явлением в русской экономической жизни, так как способствовал пробуждению инициативы и предприимчивости в ведении хозяйства.

Купцы, мещане, крестьяне использовали полученные ссуды эффективно, капиталы шли на расширение сельскохозяйственного производства; более активно они обращались и в Госбанк, где получали деньги под залог хлеба.

¹ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 177 - 179.

² Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Спб. 1894. Т. 4. С. 937.

уровень искусственными мерами, тяжело отзывавшимися на государственных финансах. Были и организационные недочеты.

Важнейшим процессом пореформенной деревни было становление крестьянского хозяйства как самостоятельного экономического организма. Хозяйственное обособление крестьян проходило в различных условиях с неодинаковым результатом.

В ходе реформы в 1863г. количество крестьян в руках Удельного ведомства и казны заметно сократилось.

Важным резервом развития крестьянского хозяйства была полученная возможность покупать земли в личную собственность. К середине 80-х годов XIXв. завершился болезненный процесс освобождения крестьянского хозяйства от феодальных устоев. С отменой с 1883г. временнообязанного состояния пали юридические оковы, на которых держалось внеэкономическое принуждение.

В земельном обеспечении крестьян наблюдалась большая пестрота. Размер надела зависел от местонахождения села, качества земли и др. Кроме того, процесс измеления наделов был связан с увеличением числа крестьянских дворов, т.е. с семейными разделениями.

Бывшие помещицы крестьяне арендовали землю всей общиной или объединялись в товарищества. Кроме мелких арендаторов, используемых помещиками на обработках, имелась группа хозяйств предпринимательского типа, применявших труд постоянных наемных рабочих. Кроме земледелия они занимались торговлей, имели промышленные предприятия.

Крестьянское частное землевладение оказалось самым устойчивым. Крестьяне, как правило, землю покупали и почти не продавали свои владения.

С 1886г. в качестве посредника между ними и дворянами выступал Крестьянский поземельный банк, который скупал имения в Дворянском банке и по более высоким ценам продавал их общинам и товариществам.

Для подъема крестьянских хозяйств необходимы были две вещи – широкая свобода в увеличении землевладения и землепользования и благоприятная налоговая политика правительства. Однако таких условий не было создано.

Для покупки земли нужны были деньги, но они почти не уходили на уплату выкупных платежей, различных налогов и повинностей. Разбогатеть в таких условиях внутри общины было трудно. Но община была реальной формой организации. Все насущные дела решал сельский сход, межобщинные трения устранялись на волостном сходе. Главными фигурами на селе были староста и волостной старшина. Новые судебные уставы только скользнули по поверхности жизни большинства сельского населения. Между общиной и властью сложился негласный уговор, по которому начальство не вмешивалось во внутриобщинные дела.

Фундаментальной ячейкой крестьянского уклада была семья. Семейное достояние выдавалось только на мужскую часть. Община вмешивалась в жизнь семьи лишь в том случае, когда намечался урон для общества. Таким образом, крестьянская семья представляла собой в конце XIX в. замкнутый мир со своим твердым уставом, восходившим к древним нормам жизни.

В пореформенный период был увеличен миграционный процесс в деревне. Из центральных областей (Тамбовской, Курской, Рязанской и др.) крестьяне переселялись в Заволжье. Так, по данным переписи 1897 г., число неместных уроженцев в Самарской губернии составляло 244 974 человек.¹

В начале 70-х годов открылись первые акционерные ипотечные банки. Их уставы создавались на двойственных началах. Определение ипотечных операций было заимствовано из уставов городских кредитных обществ, Херсонского земельного банка и ОВПК, а положение об основном капитале, правах акционеров, принципах управления – из практики коммерческих акционерных банков. Кредит в акционерных банках составлял 8%. Пик производства приходился на 1871 – 1872 годы, когда возникло сразу 11 земельных банков. На денежном рынке сложилась бумовая ситуация, и сбыт закладных листов затруднился. Поэтому в 1873 г. образовалось частное общество по сбыту закладных листов – Центральный банк русского поземельного кредита. Однако в условиях нестабильности рубля операции этого банка оказались убыточными.²

Уставы земельных банков утверждались министром финансов, который следил за соблюдением условия: в одной губернии могли одновременно действовать не более двух банков. Так, самарские помещики пользовались отделениями Нижегородско-самарского и отчасти Московского банков.

Краткосрочные кредиты, кроме коммерческих учреждений, выдавались Государственным банком Российской империи помещикам разных сословий на 1 год (соло – вексельный кредит). Краткосрочный кредит, несмотря на высокие проценты, был прогрессивным явлением в русской экономической жизни, так как способствовал пробуждению инициативы и предприимчивости в ведении хозяйства.

Купцы, мещане, крестьяне использовали полученные ссуды эффективно, капиталы шли на расширение сельскохозяйственного производства; более активно они обращались и в Госбанк, где получали деньги под залог хлеба.

¹ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 177 - 179.

² Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Спб. 1894. Т. 4. С. 937.

С 80-х годов XIX в. у дворян – помещиков появились конкуренты, отгесившие их на хлебном рынке и в промышленности. Это были «молодые» из числа купцов, крестьян, мещан, скупавших дворянские земли и переходивших к планомерному сельскохозяйственному производству.

Так, только в Самарской губернии в руках купечества было до 700 тысяч десятин земли. Период 1898 – 1902 гг. характеризуется резким подъемом числа продаж и количества земли, поступившей на рынок, и вполне соответствует выводу о проникновении товарно – капиталистических отношений в поземельные отношения.¹

К концу XIX века в России начинает формироваться фондовый рынок. Образование фондового отдела на Петербургской бирже, первого и единственного в стране специализированного учреждения, связано было с законодательной деятельностью правительства, а именно С.Ю. Витте. В июле 1900 г. было принято «Положение об образовании на Санкт-Петербургской бирже фондового отдела». Вся деятельность фондового отдела велась под руководством Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов.² Но емкость фондового рынка в России была невелика, так как в стране так и не появилось широкого слоя собственников в отличие от Западной Европы, где значительная часть населения имели возможность получать доход от владения ценными бумагами.

Война с Турцией 1877 – 1878 гг. сделала финансовое положение страны катастрофическим, империя оказалась на грани государственного банкротства. Убытки были определены в 1,4 млрд руб.

Война привела к выпуску неотоваренных денег и лишила российский рубль необходимой устойчивости, нанесла ущерб российскому кредиту на международном рынке.

Три министра финансов: Н.Х Бунге (1881–1896) ученый – экономист либеральных убеждений; И.А. Вышнеградский (1888–1892) – видный ученый в области прикладной механики и машиностроения; С.Ю. Витте (1892–1903) – крупный государственный деятель пытались спасти финансовое положение в стране.

От дефектов бумажного обращения избавиться не удалось. На фоне эффективных золотовалютных систем Запада состояние России было слабым. Так, в Великобритании режим золотомонетного стандарта впервые законодательно был оформлен в 1816 г., а в 70-е годы перестроили на золотую основу свои денежно-валютные системы Германия, Франция, Италия и скандинавские страны.

¹ См.: Ковальченко И.Д., Милова Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – нач. XX вв. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 276 – 278.

² Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М.: РОССПЭН, 1997. С. 97.

Потребовалось около двух десятилетий, прежде чем эта проблема была решена в России. Еще М.Х.Рейтерна в 1877г., а затем Н.Бунге в 1883г. и И.А.Вышнеградский в 1888г. пытались заменить бумажно-денежное обращение металлическим. Но удалось только С.Ю. Витте. Успешному проведению его реформ способствовали три обстоятельства:

1. За двадцать предреформенных лет(1877 – 1896) золотой запас России увеличился.
2. Для пополнения золотого запаса правительство формировало экспорт сельско хозяйственных продуктов.
3. Для пополнения бюджета была введена спирто – табачная монополия.

Постоянным колебаниям курса рубля пришел конец с введением в 1897г. золотого стандарта.

Кредитная и биржевая организации – основные подразделения инфраструктуры капиталистического предпринимательства.

Во второй половине XIXв. кредитная система отражала аграрно-индустриальный характер экономики России, и к началу XX века в ее рамках функционировали как государственные, так и частные кредитные учреждения, а также муниципальные и сословно – корпоративные. Сферой их деятельности являлись снабжение средствами капиталистического торгово – промышленного оборота (коммерческий кредит), и операций с недвижимостью (кредит ипотечный).

Важный вклад в создание и развитие кредитной системы внес министр финансов М.Х.Рейтерн. Он многое сделал для усиления роли нового Государственного банка. При его поддержке был создан первый коммерческий банк в Санкт – Петербурге (1864) и принят устав сберегательных касс (1872).

Первым управляющим новым Государственным банком был потомственный коммерсант и банкир барон А.Я.Штигиц, «русский Ротшильд», обладатель 50 – миллионного состояния. А.Я.Штигиц неоднократно избирался также председателем Биржевого комитета Санкт – Петербургской товарной биржи. Он много сделал для восстановления авторитета государственного кредита.

Государственный банк России являлся крупнейшим банком страны, а после денежной реформы С.Ю.Витте 1895 – 1897гг. он стал действующим эмиссионным банком, получив право выпуска кредитных билетов. Под управлением Госбанка была сеть государственных сберкасс.

Развитию банков нового типа способствовала солидная репутация их учредителей. Так, в сентябре 1885г. уполномоченные московского купечества Т.С.Морозов, Н.Н.Сушков, И.Ляшин направили прошение на имя министра финансов М.Х.Рейтерна. В нем была просьба разрешить создание Московского купеческого банка. Его учредителями были 77 лиц. Ходатайство было

удовлетворено. Одним из главных учредителей был Т.С.Морозов. Всего за два года Московскому купеческому банку удалось привлечь депозитов на 30 млн руб. Банк занимался в основном учетом коммерческих векселей и выдачей ссуд под залог ценных бумаг.

Коммерческим успехам и росту популярности банка способствовала яркая личность его руководителя – экономиста и историка, профессора МГУ – И.К.Бабста. Им были сформулированы принципы кредитной политики в условиях перехода к рыночной экономике. Он отмечал, что банковское дело следует считать отраслью торговой деятельности.¹

В Российской империи начался бурный рост акционерных банков. Они появились в Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде, Костроме, Кишиневе и др. В 1873г. газета «Русские ведомости» отмечала, что подписка на акции коммерческих банков достигла огромных масштабов.

Процесс банкотворчества развивался в условиях быстрого роста промышленности, торговли, строительства железных дорог, облегчавших функционирование всероссийского рынка. Стремление распространить операции по привлечению кредитных ресурсов на обширные территории привело к созданию банка с главными конторами в Санкт – Петербурге и Москве и многочисленными отделениями на периферии. Таким банком стал учрежденный 24 февраля 1870г. Волжско – Камский коммерческий банк. Главным создателем этого банка был В.А. Кокарев – крупнейший российский предприниматель. Он был основателем российской нефтяной промышленности. В 1857г. он создал завод для извлечения из нефти осветительного масла в Сурханах. Благодаря продуманной структуре и умелому руководству Волжско – Камский банк занимал видное место в финансовом рынке до 1917г.

Перемещая кредитные ресурсы из одного района в другой, банк стал важным организационным элементом рынка ссудных капиталов, способствовал выравниванию спроса и предложения ссудного капитала в территориальном аспекте.

Кто же работал в первых коммерческих банках:

- иностранцы, которые придали им начала, выработанные западно – европейскими банками;
- учредители, успешно осваивавшие технику банковского дела;
- специалисты казенных кредитных учреждений;
- представители академической науки.

Но необычные для России темпы вскоре замедлились. В 70 – е годы в стране начался экономический спад. Государственный Совет в 1872г. принял решение установить для частных банков общие правила их организации и работы. Но новый закон не смог предотвратить

¹Таранков В.И. Ценные бумаги государства Российского. Москва – Тольятти. 1992. С. 329.

банкротства банков. Этот процесс будоражил российское общество. Поэтому, видимо, закон 1872г. был изменен и дополнен в 1883 году, который ужесточил государственное регулирование платежеспособности и ликвидности акционерных банков.

Подъем тяжелой промышленности за последнее десятилетие XIXв. способствовал росту числа занятых рабочих на 66%, а объема производства на 100%.¹ Это отразилось на состоянии рынка капиталов - быстрыми темпами стало расти количество самостоятельных кредитных учреждений. Экономическая жизнь России во многом зависела от деятельности банков. Коммерческие банки аккумулировали свободные денежные средства промышленных и торговых предприятий, сбережения частных лиц.

С развитием кооперативного движения в сфере производства, сбыта продукции, снабжения, торговли в 1912 году был создан крупный акционерный банк, который объединил многие кооперативы в лице Московского народного банка.

Развивалась в России и система ипотечного кредита. Были созданы Санкт – Петербургское и Московское городские кредитные общества. При поддержке местных органов управления в России было создано в конце XIX века еще 30 городских кредитных обществ.²

Несмотря на небольшое число коммерческих банков (к 1900 году в Российской империи действовало 42 банка), они занимали центральное место в системе государственного и частного кредита.

В развитии российских банков большую роль играли европейские финансовые партнеры. Международный фактор проявлялся в быстром усвоении передового опыта развитых европейских стран.

В это время ярмарки оставались удобной, приемлемой для сельского населения формой торговли. На протяжении второй половины XIX – начала XXвв. ярмарочное законодательство было неизменным. Главным документом было «Положение о пошлинах за право торговли», принятое в 1863 и дополненное в 1865гг. В положении определялся порядок открытия ярмарок, изменения срока проведения и место торга.³ К 1904г. число ярмарок в стране только в Европейской части насчитывало 16.5 тысяч.⁴ Со строительством железных дорог появилась возможность закупать товары непосредственно в местах, где они производятся, а не на специальных ярмарках. Ярмарки все больше приобретают такой универсальный характер.

С развитием капиталистических отношений в крупных торговых центрах приобретают большую роль новые торговые организации – биржи. Началась настоящая биржевая горячка,

¹ Чунтулов В.Т. Экономическая история СССР. М.: Высшая шк. 1987. С.94.

² Таранков В.И. Ценные бумаги России. М. – Тольятти. С.448.

³ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.) М., 1999.

⁴ Россия 1913 год. Статистико – документальный справочник. Спб. 1995. С. 205.

так как возросла потребность в дальнейшем упорядочении рынка товаров и капиталов. С 1860 года до 1900 года возникло 24 биржи.¹ После революции 1905 - 1907 гг. в России насчитывалось уже около 40 бирж.²

В Поволжье биржи появились также в пореформенные годы: в 1866г. - в Казани, в 1869г. - в Самаре, в 1870г. - в Саратове и т.д.

Уставы бирж писались в соответствии с Торговым уставом. Биржи России были континентального типа, т.е. подчинялись жесткому государственному контролю. Уставы бирж подписывали товарищ министра торговли и промышленности и управляющий отделом торговли. Иногда, как последней инстанцией, они утверждались императором.

Высшим органом биржи являлось собрание выборных биржевого общества. Биржи иногда объединялись в комитеты по специализации. На рубеже XIX - XX веков обозначился процесс разграничения российских бирж по функциональному назначению на товарные и фондовые.

В 1901г. правительство приняло «Правила для фондового отдела при Санкт - Петербургской бирже», что дало толчок к развитию фондовых бирж. Эти правила знаменовали собой начало проведения биржевой реформы. Биржи объективно выполняли роль барометра экономической жизни.

Но в отличие от опыта западноевропейских бирж, российские биржи выполняли своеобразную функцию, обусловленную отсутствием в стране торгово - промышленных палат. Через свой постоянно действующий орган - Совет съездов биржевой торговли - биржи воздействовали на правительство Российской империи в желательном направлении. Биржи принимали участие в выборах депутатов в Государственный Совет. Но часть рынка ценных бумаг функционировала за пределами знаний бирж и существовала благодаря деятельности банков.

К концу XIX в. на Россию приходилось около четверти мировой добычи золота и до начала первой мировой войны ее золотовалютные резервы были более чем достаточны. Однако оно в основном использовалось как залоговое золото в качестве гарантий под получаемые кредиты. Например, на строительство железных дорог.

Для второй половины XIX в. железные дороги были уже не просто способом укрепления Российской империи, но средством приобщения окраин к мировому рынку. Велико и военно - стратегическое значение железнодорожных линий. Транспорт долго был узким местом в развитии всей экономики - и это было характерно для молодых (т.е. развивавшихся стран, в экономике которых имелись диспропорции) стран.

¹ Таранков В.И. Ценные бумаги России. М. - Тольятти. С. 607.

² Россия 1913 год. Статистико - документальный справочник. СПб. 1995. С. 204.

Для изучения вопроса о строительстве железных дорог при Министерстве путей сообщения создавались специальные комиссии, в задачи которых входило исследование стратегического, хозяйственного, промышленного и торгового значения строящейся дороги.

Для Российской империи железнодорожная политика становилась элементом торгово – промышленной политики. Наибольшую важность представляло строительство трех дорог, которые соединяли хлеботорговые дороги с внутренними рынками. Строительство железных дорог имело целью также соединить Москву с югом и южными портами, с хлебопроизводственным Поволжьем и т.п.

Крупным событием 1880г. было возведение моста через Волгу в районе Сызрани. Подобное строительство было под силу только государству. Новизна состояла не только в технических возможностях преодоления водного пространства Волги, но и в соединении железных дорог с узловыми пунктами водных путей. В течение тридцати лет мост в районе Сызрани был единственным мостом через Волгу.

На акционерной основе возникли предприятия в индустрии строительных материалов. Например, «Акционерное общество Сызрано-печерской асфальтовой и горной промышленности» с правлением в Санкт – Петербурге. Столичный капитал и крупные монополистические объединения в конце XIX – нач. XX вв. постепенно прибирали к рукам местную промышленность.

Становление и развитие фабричного производства во всех странах сопровождалось его концентрацией на крупных предприятиях. Новая техника диктовала свои условия, в те времена ее невыгодно было применять в мелких заведениях.

Отсюда появляются различные формы капиталистических ассоциаций. К началу XX в. они преобладали в большинстве отраслей российской промышленности.

Статистика акционерного дела во второй половине XIX в. На 1 января 1861г. в России имелось 128 акционерно-паевых предприятий с капиталом в 256,2 млн руб. Более половины его приходилось на долю 8 железнодорожных обществ. Промышленных компаний насчитывалось тогда 54, а их капиталы составляли 34,5 млн руб., или 13,5% от общей суммы акционерного капитала в стране. В период 1861 – 1893г. железные дороги поглотили 62,6% всего капитала, кредитные учреждения – 20,2%, промышленные – 11,4%. В абсолютных цифрах это выглядело так: из 1115,6 млн руб. акционерного капитала 698,5 млн было вложено в железнодорожное дело (53 общества), 226,9 млн – в банки и другие кредитные учреждения (общим числом 73, 123,5 млн – в промышленные предприятия (всего 103 акционерных компании), 7,3 млн – в

пароходство (15 обществ), 6 млн – в торговлю (16 обществ) и 48 млн руб. – в прочие предприятия (их насчитывалось 57).¹

К 1893г. число акционерно – паевых предприятий в России возросло в 5 раз, достигнув 648. Сумма их капиталов составила 1344,3 млн руб. Теперь уже по численности преобладали промышленные компании, составлявшие 63,9% от общего числа предприятий. На их долю приходилось 37,3% всей суммы акционерного капитала, а на долю железнодорожных компаний – 35,9%. В акционерное дело, в том числе в промышленной области, вовлекаются представители самых разных социальных групп.²

Иностранные капиталовложения в России в акционерные общества проявили себя только в конце XIX века. Они направлялись в предприятия и общества, акции и облигации которых котировались на зарубежных биржах. Из 2 млрд рублей таких капиталовложений около 1.5 млрд – были в промышленности, 0.2 млрд – в городской недвижимости и строительстве, 0.3 – в кредитных, страховых и торговых предприятиях. Более половины иностранных инвестиций были в горном деле, металлообработке и текстильном производстве.³

Но следует учитывать, что сумма иностранных капиталов, вложенных в промышленность и строительство, была меньше, чем задолженность, образовавшаяся в результате заграничных займов. Особенно в строительство железных дорог.

Англичанин Дж. Юз основал в 1869г. первый в Донбассе металлургический завод. Подольский завод, созданный на базе фирмы «Зингер», выпускает швейные машинки, широко известные в стране. Московские заводы «Красный Октябрь», «Серп и молот» и другие были основаны иностранцами предпринимателями.

Большая часть построенных к концу XIX века путей (Оренбургской, Сызрано – Вяземской и Самаро – Златоустовской железных дорог) притягивала хлебные грузы. А Грязи – Царицынская, Московско – Казанская, Рязано – Уральская были дорогами, отправлявшими грузы.

С 1896 года Самаро – Златоустовская дорога была единственным рельсовым путем из Европы в Азию вплоть до 1908 года в связи с открытием движения в Сибирь.

Усиливаются связи железнодорожных обществ с крупными частными коммерческими банками России. Усиленный интерес к железнодорожному делу проявляли Санкт – Петербургский Международный банк, Русский для внешней торговли, Волжско – Камский банки. К началу XX века связи шести крупнейших железнодорожных обществ с банками носят

¹ Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX веке, М., 1990, С. 69.

² Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России, М., 1984, С. 154.

³ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., РОССПЭН. 1997. С. 101.

регулярный характер. Банки принимают активное участие в эмиссии и реализации облигационных капиталов и т.п. Среди финансовых деятелей следует выделить А.И.Путилова. Он был членом правлений 44 акционерных предприятий России и занимал видные посты в железнодорожных обществах.

К началу XX века Россия была аграрно – индустриальной страной среднего уровня капиталистического развития. Сложившаяся отраслевая структура российской промышленности свидетельствовала о том, что ее развитие представляло собой процесс капиталистической эволюции всего народного хозяйства страны.

До начала XX века удельный вес заграничных вложений в российские ценные бумаги рос, обгоняя даже темпы роста производимого в России национального продукта. Но накануне первой мировой войны, когда промышленное производство в России возросло в полтора раза, заграничные инвестиции сократились. Произошли изменения и в структуре инвестиций: иностранные капиталы больше вкладывались в действовавшие в России акционерные предприятия. И тем не менее финансовая зависимость России таила в себе угрозу ее политической самостоятельности. В Европе конца XIX – нач. XX вв. в условиях усиливавшихся противоречий между странами представление займов использовалось и в политических, и в военно – стратегических целях.

В конце 90 – х годов прошлого столетия царское правительство проводило протекционистскую политику, выражением которой был таможенный тариф 1891 года. В это время многие развитые страны огораживались таможенными барьерами от иностранной торговой конкуренции, даже США и Германия. Таможенный барьер в России был если не очень высоким, то очень плотным, и охватывал широкий ассортимент товаров.

Россия уступала во много раз передовым индустриальным странам, сельскохозяйственное производство по – прежнему преобладало над промышленным. Россия была крупнейшим производителем в Европе коровьего масла и яиц, на долю России приходилось 51.5% мировых сборов ржи и т.п. Но при этом производство сельскохозяйственной продукции на душу населения было ниже, чем в других аграрно – индустриальных странах. Важно отметить, что большая часть промышленной и земледельческой продукции Российской империи приходилась на ее Европейскую часть. В стране было очень велико экономическое различие между отсталыми (периферийными) и передовыми (центральными) территориями страны. В России был создан практически только фундамент для капиталистического производства в отличие от индустриальной Западной Европы.

Российские реформы конца XIX – нач. XX века справедливо связывают с именем С.Ю.Витте. Личный вклад его в разработку и практическое осуществление программ

обновления России огромны. Реформы, проводимые под руководством С.Ю. Витте, объективно отражали состояние экономики страны.

С.Ю. Витте с большим пониманием относился к западноевропейскому опыту, высоко его ценил и отмечал: «Как бы ни была исторически отлична наша среда от среды западной, между нами всегда найдется много поразительных аналогий».¹

В связи с этим С.Ю.Витте считал, что преодолеть экономическое отставание России, вывести ее на уровень наиболее развитых стран можно приблизительно за десять лет. Стержневым направлением он считал укрепление финансовой системы. Витте удалось осуществить то, чего до него не смог сделать никто. Он построил денежное обращение на золотой основе, превратив российский рубль в твердую валюту, которая до первой мировой войны высоко котировалась в Европе и в мире. Конечно, нельзя не учитывать, что это достигалось за счет повышения налогов, особенно косвенных, и введения винной монополии.

В конце XIX в. вставшей на путь капиталистического развития России, чтобы выдержать конкуренцию среди европейских держав, нужны были высокие темпы индустриализации всего народного хозяйства. Чтобы утвердить этот путь, государству важно было решить множество финансовых проблем. Министерство финансов, руководимое С.Ю.Витте, непосредственно занималось разработкой и реализацией торгово – промышленной политики.

Но экономическое состояние страны, а прежде всего бюджета, было непрочным (особенно после неурожая и голода 1891 – 1892 годов).

С.Ю.Витте, продолжая политику И.А.Вышнеградского, осуществлял выкуп внешних и внутренних займов. К концу 1894 года размер ежегодных платежей по займу сократился, составив 13.4 млн руб. золотом и 30 млн кредитных рублей.

С.Ю.Витте удалось несколько улучшить положение, опираясь на обильные урожаи 1893 – 1894 годов. Анализируя сложившееся положение в хозяйстве страны, он пришел к выводу, что «целью финансовой политики должно быть разумное содействие экономическим успехам и развитию производительных сил, что является неперенным условием прочности государственных финансов, экономики и благосостояния населения». А правительство должно иметь возможность «широко воздействовать на народную промышленность, направляя ее в ту или другую сторону соответственно общегосударственным потребностям».²

¹ А.А. Искандеров. Российская монархия, реформы и революция. №1 – 94. С. 99.

² Корелин А.П. С.Ю. Витте и бюджетно – финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века. //Отечественная история, 1993. №3. С.44.

С. Ю. Витте

Москва. Биржа

Стремясь упорядочить структуру бюджета, его доходные и расходные статьи, С.Ю.Витте добился четкого разграничения бюджетов. Он мечтал о сильной России, стране со здоровой развивающейся экономикой.

Создание фонда «свободной наличности» казначейства, а не просто достижение превышения доходов над расходами, стало важнейшим направлением С.Ю.Витте в работе над структурой бюджета России. Механизм получения «свободной наличности» был довольно прост. Доходные статьи заведомо преуменьшались. Экономленные деньги направлялись в основном на строительство казенных железных дорог, а затем на усиление резервов Государственного банка, предоставляя Министерству финансов более широкие возможности для ведения экономической политики.

Кроме этого Министерство финансов повысило ввозные пошлины - это было традиционной политикой. Но С.Ю.Витте ввел принципиально новые начала во внешнеторговую политику. Учитывая, что на Западе распространена была дифференцированная система таможенных тарифов, С.Ю.Витте добился принятия Нового закона в 1891г. Согласно этому закону, министру финансов предоставлялось право с санкции царя и по его соглашению с министром иностранных дел при необходимости повышать ставки тарифов для стран, которые для России не оказали благоприятных условий.

Фискальные результаты новой тарифной политики С.Витте были успешны, российский таможенный доход достиг в 1899 г. 219 млн рублей. Торговый баланс стал активнее. Причем, число отраслей промышленности, поставлявших в 90 - е годы продукцию на экспорт, увеличилось (нефтяная, текстильная, пищевая и др.). Высокие пошлины ограждали российских предпринимателей от иностранной конкуренции на внутреннем рынке и привели к росту цен на промышленную продукцию, это повышало прибыль предпринимателей.

В этот период шел интенсивный рост инвестирования иностранных капиталов в производство России.

Но, как ни странно, стали ощущаться негативные последствия:

- сужение потребительского рынка (особенно аграриев);
- усиление протестов общества на повышение цен на иностранные товары и др.

В условиях жесткой критики и нападков на С.Ю.Витте политику протекционизма пришлось изменить. Большую поддержку С.Ю.Витте оказал ученый Д.И.Менделеев. Он написал Николаю II письмо, в котором обратил внимание государя на то, что покровительство промышленности не противоречит интересам сельского хозяйства, а содействует его развитию и повышению его культуры.¹

¹ Гиндин И.Ф. Д.И.Менделеев о развитии промышленности в России. //Вопросы истории. 1976. №9. С.210 - 211.

С.Витте сам понял, что покровительственные тарифы не могут решить все проблемы, которые усилили бы регулирующую роль государства и устранили бы неблагоприятные факторы. Одним из таких факторов была неустойчивость русского рубля. С.Ю.Витте стал укреплять российскую денежную систему.

Основным пороком денежной системы в России был избыток кредитно – бумажной массы, что приводило к финансовым спекуляциям. В январе 1893г. Особенная канцелярия по кредитной части обращалась к коммерческим учреждениям с циркуляром – предостережением о проводимых спекулятивных сделках на курс кредитного рубля с тенденцией в сторону понижения. Это не дало результатов, поэтому С.В.Витте глубоко изучил деятельность своих предшественников: БунгеН.Х. и ВышнеградскогоИ.А., которые тоже в свое время пытались укрепить курс рубля и увеличить запасы золота в стране.

Нужна была кардинальная реформа. Большую помощь С.Витте в подготовке реформы оказывал известный финансовый деятель и банкир А.Ю.Ротштейн. 15 марта 1895г. была представлена программа реформы заседанию Комитета финансов. Из возможных вариантов базового обеспечения реформы – проводить ли ее на базе монометаллизма (и золото, и серебро), С.Витте остановился на золоте, т.к. все крупные партнеры России на Западе уже перешли на золотое обращение.

Но не все были согласны с предстоящей реформой. Сама идея укрепления курса рубля и перехода на универсальный золотой паритет отвечала задачам развития промышленности, аграрному сектору в ближайшее время она никаких выгод не сулила, а даже грозила потерями. Советниками С.Ю.Витте по проведению реформы были профессор петербургского университета И.И.Кауфман и директор департамента финансов министерства Н.Н.Кутлер.¹

Денежная реформа проводилась поэтапно в течение 1895-1997гг. Важным шагом реформы был закон 8 мая 1895г., утвердивший два положения:

1. Всякие дозволенные законом письменные сделки могли заключаться на российскую золотую монету.
2. По всем таким сделкам уплата могла производиться либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу на золото в день платежа.

Технически суть реформы сводилась к тому, чтобы стабилизировать курс бумажного рубля, учитывая его девальвацию, путем сохранения фактического его курса и допустив свободный обмен кредитных билетов на золото. С.Ю.Витте подчеркивал, что реформа должна осуществляться без малейших потрясений и искусственных изменений, ибо на денежной системе покоятся все имущественные и трудовые интересы населения.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М.,1960. С. 87.

Достичь этого, он считал, можно только введением золотого размена рубля по уже утвердившемуся курсу (один кредитный рубль равен 66 2/3 копеек золотом). Окончательно денежная реформа была введена указом 29 августа 1897г. Государственный банк стал единственным в стране эмиссионным учреждением.

К 1898г. запас золота оценивался в 1146 млн руб., а в обращении находилось золотых и серебряных монет на 445 млн руб. Золото быстро утвердилось в качестве главного платежного средства, это способствовало укреплению рублевого курса. Высокий процент золотого покрытия кредитных билетов, превышавший 100%, сохранялся до начала первой мировой войны. Русский рубль считался одной из устойчивых валют в мире. Золотая валюта способствовала интеграции России в мировую рыночную систему.

Существующая в то время в России налоговая система сохраняла в значительной степени архаичный, запутанный и громоздкий характер. Вслед за Н.Х.Бунге Витте пытался ввести буржуазные принципы налогообложения, начав их внедрение с прямых налогов. Он завершил отмену феодальной подушной подати в Сибири, отменил подымную подать в Закавказье (заменял единым поземельным налогом) и др. В 1894г. он ввел квартирный налог.

С.Ю.Витте стал инициатором проведения реформы торгового – промышленного обложения. В 1893г. Витте провел закон об увеличении размера промышленного налога до 5% и привлечении к обложению предприятий, уплативших акцизные сборы, что дало увеличение бюджетных доходов на 5 млн руб. После обсуждения и неоднократных доработок «Положение о промышленном налоге» было утверждено 8 июня 1898г. Согласно ему налог состоял из основного и дополнительного.

Основной – уплачивался путем ежегодной выборки промышленных свидетельств на право занятия тем или иным видом предпринимательства. Размер устанавливался в зависимости от вида предприятия и его территориального расположения.

Дополнительный налог уплачивался акционерными обществами и подразделениями на налог с капитала и процентный сбор с прибыли (если прибыль превышала 3% на основной капитал). Прогрессивно – подоходное налогообложение так и не было в России осуществлено.

Новый промышленный налог увеличил доходы казны, но несущественно. Значение его было больше в социальном плане, в частности для стирания сословных градаций в предпринимательской среде и российском обществе в целом. Благодаря ему прекращалась прямая связь между покупкой промышленных свидетельств и получением гильдейских свидетельств о принадлежности к купеческому сословию.

Большая часть поступлений в государственный бюджет была от продажи водки. С.Ю.Витте предложил установить государственную монополию на реализацию крепких

напитков. По новой системе винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался исключительно казной и по ценам, устанавливавшимся министерством финансов. Ликвидировалось феодальное по существу («пропинационное») право помещиков прибалтийских и западных губерний на торговлю вино-водочными изделиями в своих имениях.

Винная монополия была введена в 1893 – 1894гг. в виде опыта сначала в трех губерниях: Пермской, Уфимской и Самарской. А затем распространилась в другие регионы. К 1902г. охватила почти всю Европейскую Россию и западно – сибирские губернии (63 губернии и 8 областей).

Реформа имела несколько целей:

- добиться увеличения казны;
- улучшение качества крепких напитков и повышение культуры их потребления.

Это должно было иметь социальные и экономические последствия.

Последующий закон 1897 года довольно жестко определял порядок торговли крепкими напитками в питейных заведениях, регламентируя даже часы и дни работы. Для борьбы с пьянством были расширены полномочия губернаторов и управляющих акцизными сборами по надзору за водочной торговлей, учреждены особые попечительства о народной трезвости (закон 20 декабря 1894г.) и др.

Конечно, реформа улучшила ситуацию в России с потреблением водки, но такое социальное зло как пьянство в России было и тогда серьезной проблемой. Экономические последствия были ощутимыми. Удельный вес доходов от производства и продажи водки способствовал устойчивому положению государственного бюджета. Расширилась и укрепилась регулирующая роль государства в сфере экономики. Были созданы и развивались новые отрасли промышленности, связанные с очисткой спирта и др.

За годы руководства министром финансов С.Витте (1894 – 1903гг.) госбюджет России удвоился. Россия приобрела репутацию надежного кредитоспособного партнера. Прочное финансовое положение страны способствовало увеличению притока иностранных инвестиций в ее экономику, а правительству предоставляло возможность вести активную экономическую политику.

В ходе реформирования таможенной системы модернизировалась вся российская внешнеторговая политика, перешедшая от охранительной – покровительственной системы к конвекционной, что ставило Россию в положение партнерства с передовыми странами Запада. Денежная реформа, стабилизирующая курс рубля, упрочила денежное обращение и подвела базу под отечественное предпринимательство. Реформы в области налогообложения привели к введению новых буржуазных принципов взимания налогов (квартирный, единый поземельный,

подходящий и т.п.). Развитие внутреннего рынка осуществлялось путем государственного регулирования. Постоянный рост на товары массового спроса и увеличение налоговых ставок тяжелым бременем легли на население, подрывая его платежеспособность, сужая потребительский рынок. Все это обострило социальную напряженность в стране в тот период.

Реформы 60 – 70 – х годов XIX в. стимулировали капиталистическое развитие страны. Создание и развитие промышленности в 90 – е годы проходило в современных крупных формах без проработанной правовой основы, что привело к деформации экономики. Царское правительство мало внимания уделяло проблеме налаживания сбалансированной рыночной экономики, пропорционального развития всех отраслей народного хозяйства. Скачкообразный промышленный рост привел к усилению диспропорций в экономике как на отраслевом, так и на региональном уровне.

Осуществляя индустриализацию за счет государственной казны (и частично за счет иностранных инвестиций), власти уделяли мало внимания мелкой и средней промышленности.

Новые явления в экономике объективно требовали формирования новых социальных слоев и усилению внимания нарождающейся буржуазии. Но их интересы существующим режимом почти не учитывались. Среднегодовой темп роста промышленного производства в пореформенный период в России составлял 4,5 - 5%.¹

Высокие темпы развития промышленности были не в состоянии поглотить свободные рабочие руки. Причем темпы роста промышленности по отраслям групп «А» и «Б» были равны соответственно 70,4% и 34,9%.² Рост сельского хозяйства привел к уменьшению крестьянских земельных наделов. А темпы роста горожан не были адекватны адаптации их к ценностям городской культуры.

В ходе модернизации усилились межклассовые противоречия. Важно отметить, что новые слои общества переняли сословную спесь, неуважение и т.п. традиционно существующих слоев.

По темпам экономического роста Россия вышла в первую пятерку промышленно развитых стран. Однако экономический рост не означал автоматического улучшения материального положения масс. По качеству жизни Россия занимала одно из последних мест в Европе. В отличие от Западной Европы модернизация в России вела не к нивелировке положения различных социальных слоев и созданию столь необходимого для открытого общества среднего класса, а к дальнейшему расслоению российского общества, увеличению

¹ А. Л. Вайнштейн. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М. 1960. С. 408.

² Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб. 1995. С. 156.

доли малоимущих и немущих слоев, что объективно способствовало нарастанию антибуржуазных тенденций в сознании деревенских и городских «низов», так и не приспособившихся к новым условиям.

К началу бека Россия являлась аграрно-индустриальной страной среднего уровня капиталистического развития. Сельскохозяйственное население страны в четыре раза превышало торгово-промышленное. Земледелие, животноводство, лесоводство и рыболовство вместе взятые приносили чуть более половины народного дохода.

В отличие от западноевропейских государств, колонии которых были отделены от метрополии морями, Российская империя представляла собой единый государственно-территориальный комплекс, включавший в свой состав районы, находившиеся на разных уровнях общественно-экономического развития.

Население Кавказа, Средней Азии и Сибири (пятая часть империи) находилось на стадии зарождения капиталистических отношений. В целом по производству промышленных товаров на душу населения отставала от передовых капиталистических стран. Но по развитию ряда отраслей промышленности: выплавке чугуна, стали, производству машин превосходила даже Францию.

Отраслевая структура промышленности развивалась естественным путем. Крупными отраслями как и в Западной Европе были пищевая и текстильная промышленность. Но Россия испытывала противоречивое воздействие мирового капитализма. Возможность использования технических достижений и организационно-хозяйственного опыта более развитых стран позволяла российской промышленности миновать промежуточные этапы становления фабричного производства.

Библиографический список

1. Бовькин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.
2. Бовькин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1998.
3. Вигте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960.
4. Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XXвв). Избранные очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.
5. Дружинин Н.М. Социально – экономическая история России. М., 1987.
6. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
7. История железнодорожного транспорта России. М.: Спб., 1994. Т.1.
8. Измestьева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XXвв. М., 1991.
9. Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976.

10. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М.,1989.
11. Кещан В.Г. Биржевой рынок: Страницы истории и становления в современных условиях. М.,1995.
12. Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности. М.,1968.
13. Кошман Л.В. Из истории промышленного переворота в России. Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1969.
14. Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981.
15. Клейн Н.Л. Предприниматели и предпринимательство в России. Исторические очерки. Самара, 1994.
16. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв. Опыт количественного анализа. М.,1974.
17. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
18. Корелин А.П. С.Ю. Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.,1991.
19. Корелин А.П. С.Ю. Витте и бюджетно – финансовые реформы в России конца XIX – начала XXвв. //Отечественная история. №3. 1999. С. 42 – 64.
20. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.,1998.
21. Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX – XXвв. //Отечественная история. №4. 1999.
22. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., РОССПЭН, 1997.
23. Павленко Н.И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России //Вопросы истории. 1996. №11.
24. Россия. Энциклопедический словарь /Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Л.,1991.
25. Россия. 1913 год: Статистико – документальный справочник. Спб.,1995.
26. Сироткин В. Граф С.Ю. Витте – цивилизованный индустриализатор страны. //Свободная мысль. 1992. №18.
27. Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В 2 кн. Книга вторая. Самара: Издательство «Самарский университет», 1993.
28. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XXвв.). М.,1999.
29. Хадонов Е.Е. Очерки из истории финансово – экономической политики пореформенной России (1861 – 1904). М.,1997.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГОДОВ

Русско-японская война была одной из первых и наиболее характерных войн эпохи империализма. Она явилась логическим продолжением ожесточенной борьбы, развернувшейся в конце XIX - начале XX в. между крупнейшими капиталистическими государствами за передел сфер влияния на Дальнем Востоке. В этой борьбе участвовали США, Англия, Франция, Германия и другие империалистические державы. Но наибольшей остроты она достигла между Японией и Россией.

Японское правительство стремилось захватить Корею и Маньчжурию (Северо-восточный Китай), а затем и весь Китай. Но на пути Японии оказалась Россия. В конце XIX столетия Россия получила от китайского правительства концессию на строительство в Маньчжурии железных дорог и под предлогом их охраны ввела туда войска. Затем в 1897 г. она потребовала от Китая предоставить ей в аренду Квантунский полуостров и крепость Порт-Артур (в отличие от Владивостока Порт-Артур обладал незамерзающей гаванью для стоянки русских военных судов). В 1900 г. в Китае вспыхнуло антиколониальное восстание ихэтуаней («боксеров»), которое было подавлено силами нескольких государств, в том числе и России. После этого Россия окончательно оккупировала Маньчжурию, что привело к обострению отношений с Японией. В 1903 г. Япония предложила России отказаться от попыток утвердить свое влияние в Корее. Взамен Россия получила бы свободу действий на Квантунском полуострове и право на охрану железных дорог в Маньчжурии. Российское правительство отвергло эти предложения.

Переноса центр тяжести своей внешней политики на Дальний Восток, правительство Российской империи преследовало не только экономические (захват потенциальных рынков сбыта для русских товаров), но и чисто политические цели. В связи с нараставшим революционным движением и политическим кризисом в стране самодержавие шло на военный конфликт с Японией, рассчитывая путем «маленькой победоносной войны» укрепить свое политическое положение, предотвратить революцию.

Ухудшение отношений между Россией и Японией использовали в своих интересах США и Англия. Всячески поощряя и подталкивая Японию к войне с Россией, они рассчитывали, что в этой войне обе страны в одинаковой степени будут ослаблены и не смогут помешать реализации англо-американских экспансионистских планов на Тихом океане. Суть этой политики наиболее лаконично выразил президент США Теодор Рузвельт. Он писал: «Япония ведет нашу игру». США, равно как и Англия, оказывали Японии экономическую и военную

помощь. Они предоставили ей крупные займы, которые позволили создать современную армию и флот и наполовину покрыть все расходы, связанные с ведением войны против России. Заключив в 1902 г. военный союз с Японией, британское правительство препятствовало усилению русского флота на Дальнем Востоке, в частности мешая переводу кораблей с Черного моря. Осенью 1903 г. Лондон заверил турецкое правительство в том, что Великобритания окажет Турции немедленную помощь, если «черноморская эскадра России будет пытаться пройти через проливы». Во время русско-японской войны США занимали «первое место в японской внешней торговле, став вместе с Англией основным поставщиком военных, промышленных и продовольственных грузов для Японии».¹

Поддерживая Японию, правительства США и Англии в то же время принимали меры к тому, чтобы не допустить оказания помощи России со стороны других стран. Президент Теодор Рузвельт недвусмысленно заявлял: если Франция и Германия попытаются помогать России, то Соединенные Штаты немедленно встанут на сторону Японии и пойдут «так далеко, как это потребует в ее интересах». Впрочем, Германия сама была заинтересована в разжигании этой войны, поскольку желала ослабить позиции России в Европе и тем самым упрочить свои.

Особое место в грядущей войне отводилось военно-морским силам, так как будущие противники не имели общих сухопутных границ. Подготовка русского флота к войне на Дальнем Востоке началась в 1895 г. К этому времени Япония, закончив войну с Китаем и заключив выгодный для себя Симоносекский мирный договор, также приступила к непосредственной подготовке к войне с Россией. Не имея собственной достаточно развитой судостроительной промышленности, японцы разместили заказы на постройку новых кораблей для своего флота за границей - в Германии, Франции, США и, в первую очередь, в Англии. Судостроительная программа Японии была рассчитана на 10 лет - с 1895 по 1905 гг. - но ассигнования распределены таким образом, что фактически она оказалась выполнена к концу 1903 года. Маскируя истинные сроки выполнения судостроительной программы, японцы рассчитывали ввести в заблуждение русское правительство. И это им удалось. В Петербурге ошибочно сочли, что Япония закончит свои приготовления к войне на море не ранее 1905 г. Поэтому к началу войны большинство кораблей, предназначенных для усиления нашего флота на Дальнем Востоке, в том числе и пять сильнейших эскадренных броненосцев типа «Бородино», находились еще в постройке.

Не лучше обстояли дела и с подготовкой войны на суше. У стратегов из Главного Управления Генерального Штаба преобладали «шапкозакладательские» настроения и

¹ Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952, с.151.

«желтолицых макак» не считали серьезным противником. Русское военное командование в своих расчетах исходило из предположения, что Япония сможет перебросить в Маньчжурию в случае войны 160 тысяч солдат при 684 орудиях. Поэтому численность русских войск на Дальнем Востоке к началу войны составляла 122 тысячи человек и 320 орудий. Забегая вперед, следует сказать, что в ходе войны японцы перебросили в Маньчжурию 442 тысячи, а вообще мобилизовали в армию 1185 тысяч человек.¹

Дипломаты также не смогли решить спорные проблемы за столом переговоров, и 24 января 1904 г. токийское правительство известило Петербург о разрыве дипломатических отношений. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И.Алексеев запросил у правительства разрешения объявить мобилизацию, на что министр иностранных дел Ламздорф телеграфировал ему, что «разрыв дипломатических сношений с Японией отнюдь не означает войны...». Разрешение на мобилизацию и инструкции об использовании флота были получены в Порт-Артуре только 27 января, уже после начала войны.

В то время как японский флот был сосредоточен в Сасэбо и находился в полной боевой готовности, русская 1-я Тихоокеанская эскадра была разделена между Порт-Артуром и Владивостоком, а отдельные корабли находились в корейских и китайских портах, где несли стационарную службу. Основные силы русской эскадры находились в Порт-Артуре и стояли на открытом незащищенном рейде по диспозиции мирного времени. Весь распорядок, ритм жизни и боевая подготовка на кораблях больше походили на мирную обстановку, чем ожидание открытия военных действий.

Все это и предопределило как успех первого удара японцев, так и благоприятный для них ход войны в дальнейшем, и в первую очередь в действиях флотов. Русско-японская война началась в ночь с 26 на 27 января 1905 года внезапным нападением японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре и отряд кораблей, находившийся в корейском порту Чемульпо. В нападении участвовал почти весь японский флот. Главные силы под командованием адмирала Того действовали на порт-артурском направлении, а эскадра адмирала Уриу - против русского отряда в Чемульпо. Зная, что русские эскадренные броненосцы и крейсера выведены на внешний рейд Порт-Артура и ничем не защищены, адмирал Того решил нанести по ним внезапный удар сначала миноносцами в ночное время, а наутро атаковать и добить уцелевшие корабли артиллерийским огнем своих броненосцев и крейсеров.

Для атаки русской эскадры Того выделил пять отрядов миноносцев в составе 18 кораблей. Атака началась в 23 часа 30 минут и продолжалась в течение часа. Миноносцы сами выбирали

¹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990, с. 64-65.

себе цель и поодиночке выходили в атаку, стреляя одиночными торпедами с расстояния 1-2 кабельтовых. Русские корабли после начала атаки открыли интенсивный, но беспорядочный огонь. Всего, по японским данным, их миноносцы выпустили 15 торпед. Японские моряки, десять лет готовившиеся к этой войне, были в таком азарте, что, как выяснилось позднее, часть торпед выпустили с невынутой чекой. Это в целом и предопределило скромный успех японцев - в цель попало только 3 торпеды. Правда, ими были повреждены и выведены из строя три корабля - эскадренные броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» - из которых «Ретвизан» и «Цесаревич» являлись самыми сильными броненосцами в составе русской эскадры на Дальнем Востоке. Это серьезно ослабило русский флот на Тихом океане, т.к. ремонт кораблей, получивших подводные пробоины, осложнялся отсутствием в Порт-Артуре доков, которые могли бы вместить эти корабли.

Адмирал Того, не зная результатов ночной атаки миноносцев, утром 27 января подошел с главными силами своего флота к Порт-Артуру. Он надеялся уничтожить русские корабли, уцелевшие после ночной торпедной атаки, и после этого приступить к беспрепятственной перевозке своих войск на материк. Придавая большое значение предстоящему бою, японский адмирал поднял на своем флагмане, броненосце «Микаса», сигнал: «В этом сражении лежит решительная победа или поражение; пусть каждый старается изо всех своих сил».¹ Японские корабли открыли артиллерийский огонь с дистанции в 46 кабельтовых в 11 часов 07 минут. Однако встретив отпор русской эскадры и береговых батарей, Того в 11 часов 45 минут повернул на юг и вышел из боя.

В то же самое время эскадра адмирала Уриу в составе 6 крейсеров и 8 миноносцев блокировала в корейском порту Чемульпо бронепалубный крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Командир «Варяга» капитан 1 ранга В.Ф.Руднев получил ультиматум с требованием покинуть нейтральный порт или он будет уничтожен на рейде. Превосходство сил противника было очевидным. Легкий, имеющий слабое бронирование «Варяг», не мог противостоять японской эскадре. Его единственным преимуществом была скорость хода и маневренность. Но маневрировать русский крейсер не мог в условиях стесненного островами и мелями мелководного фарватера Чемульпо, а воспользоваться преимуществом хода мешало присутствие старой тихоходной канонерской лодки «Кореец». Тем не менее Руднев принял решение идти на прорыв и обратился к команде со словами: «Никаких вопросов о сдаче не может быть, мы не сдадим им крейсера, ни самих себя, сражаться до последней возможности и капли крови». В 11 часов 10 минут «Варяг» покинул Чемульпо. Команды иностранных

¹ Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мэйдзи (в 1904-1905 гг.). Т.1. СПб. 1909. С.62.

кораблей, построившие во фронт на палубах своих судов, отдавали дань мужеству русских, шедших в безнадежный бой. «Мы салютовали этим героям, шедшим так гордо на верную смерть»,¹ - писал потом командир французского крейсера «Паскаль».

27 января 1904 года в 11 часов 45 минут начался знаменитый бой «Варяга». Японцы обрушили на русский корабль всю мощь сосредоточенного огня шести крейсеров. Их снаряды рвали небронированные борта русского крейсера, вокруг корабля вздымались огромные фонтаны воды и вместе с градом смертоносных осколков обрушивались на палубу. Смертельный разлет осколков косил комендоров у открытых орудий, пронизывал трубы, шлюпки, вентиляторы. Вспышки разрывов оплавливали металл, поджигали дерево. До сотни осколков, впившихся в тело, обнаруживали врачи у некоторых раненых, поступающих на перевязочные пункты. По мере продолжения боя росло число повреждений на «Варяге» и потеря в личном составе. Японцы тоже несут чувствительные потери - на «Асаме», лучшем из крейсеров адмирала Уриу, разрушен кормовой мостик, на верхней палубе полыхает пожар, кормовая башня главного калибра выведена из строя. Вслед за «Асамой» выходит из боя охваченный огнем крейсер «Чийода». На глазах японской эскадры идет ко дну миноносец, попытавшийся выйти в атаку на русский крейсер. Однако из двенадцати 152-мм орудий на «Варяге» в строю осталось только два и крейсер, спустя час после начала боя, был вынужден вернуться на рейд Чемульпо.

«...Я никогда не забуду этого потрясающего зрелища, представившегося мне, - вспоминал командир французского крейсера Виктор Сэнес, - палуба залита кровью, всюду валяются трупы и части тел. Ничто не избегло разрушения: в местах, где разрывались снаряды, краски обуглились, все железные части пробиты, вентиляторы сбиты, борта и койки обгорели. Там, где было проявлено столько геройства, все было приведено в негодность, разбито на куски, изрешечено; плачевно висели остатки мостика. Дым шел из всех отверстий на корме, и крен на левый борт все увеличивался».² О дальнейшем продолжении боя не могло быть и речи. Соглашаясь с мнением военного совета, В.Ф.Руднев приказал разместить раненых и команду на иностранных кораблях, а «Варяга» и «Корейца» уничтожить. Позже все участники этого боя будут награждены Георгиевскими крестами, высшей военной наградой Российской империи, а имя «Варяга» навечно включено в состав российского флота.

Между тем 29 января 1904 года 1-я Тихоокеанская эскадра понесла новые потери: во время минной постановки в штормовом море подорвались на минах и затонули минный заградитель

¹ Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». Л., 1975. С. 185.

² Мельников Р.М. Там же, С. 198.

«Енисей» и бронепалубный крейсер «Боярин». Командующий эскадрой вице-адмирал О.В.Старк был деморализован. Русские корабли укрылись на внутреннем рейде Порт-Артура и не предпринимали никаких активных действий, что в значительной степени облегчило японцам переброску своих сухопутных сил в Корею - в начале февраля там высадилась 1-я армия барона Куроки. Завершив к марту свое сосредоточение, она двинулась к реке Ялу, где находился Восточный отряд генерала М.И.Засулича.

Для исправления положения на Дальнем Востоке туда решено было направить вице-адмирала Степана Осиповича Макарова в качестве нового командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой. Опытный моряк и талантливый военачальник Макаров, несомненно, понимал всю сложность обстановки и тяжесть возложенной на него ответственности. В Желтом море у русских оказалось всего 5 эскадренных броненосцев, 1 броненосный и 3 бронепалубных крейсера против 6 броненосцев, 6 броненосных и 8 бронепалубных крейсеров двух лучших эскадр японского Соединенного флота: девять против двадцати. Но Степан Осипович не только не потерял присущей ему энергии, но настойчиво стал искать пути исправления сложившегося не по его вине печального положения. По образному признанию японцев С.О.Макаров на фоне своих коллег выглядел как «благородный журавль среди домашних петухов».

Макаров прибыл в Порт-Артур и вступил в командование флотом 24 февраля 1904 года. Им сразу же были предприняты самые энергичные меры по ремонту и вводу в строй поврежденных кораблей. Русские крейсера и миноносцы постоянно совершали походы вдоль побережья Квантунского полуострова. А 9 марта, когда японский флот предпринял вторую бомбардировку Порт-Артура, Макаров не только ответил им огнем с поврежденных броненосцев, но и вывел свою эскадру в море. Учитывая неблагоприятное соотношение сил, Макаров маневрировал со своими судами на внешнем рейде под защитой береговых батарей. Однако Того не решился атаковать русский флот.

Тем временем моральное состояние русских моряков изменилось к лучшему: многие почувствовали уверенность в своих силах. Лейтенант с броненосца «Севастополь» В.Н.Черкасов в те дни писал: «Адмирал Макаров усиленно проявляет свою деятельность и хорошо готовит эскадру к бою. Его приказы прекрасны и хорошо написаны. Они вполне соответствуют данному положению. Если все командиры проникнутся его идеями и точно и толково будут выполнять намеченный им план, то, мне кажется, что и с наличным числом

кораблей мы свободно побьем не только японский, но и соединенный англо-японский флот, если только англичане вздумают сюда впутаться».¹

Активность русского флота ускорила подготовку японцев к закупорочной операции. В ночь на 14 марта возглавляемая капитаном 2 ранга Такео Хиросе группа из четырех японских пароходов-брандеров предприняла отчаянную попытку затопить свои корабли на выходе из Порт-Артура. На японских брандерах в бой шли только добровольцы. Но русские береговые посты и дозорные миноносцы своевременно обнаружили и атаковали противника на подходе к базе. Два брандера были торпедированы, а остальные, засыпаемые снарядами береговых батарей, не смогли затопиться на фарватере и выбросились на берег.

Закупорка провалилась. В этом Того смог убедиться, появившись с Соединенным флотом у Порт-Артура утром 14 марта 1-я Тихоокеанская эскадра под командованием Макарова быстро вышла в море. Имея всего лишь по 4 броненосца и крейсера против 18 кораблей противника, Макаров держался на внешнем рейде под прикрытием береговых батарей, описывая «восьмерку» вдоль побережья. Этот маневр адмирал уже применил 9 марта, и теперь у него не было другого выхода. Перевес японцев в линейных силах был слишком велик для того, чтобы рисковать сражением в открытом море. «...Благоразумие подсказывает, что теперь еще рано ставить все на карту», - писал Степан Осипович.

Того со своим начальником штаба контр-адмиралом Х.Симамурой с завидной настойчивостью искал выход из создавшегося положения, поскольку закупорить выход из Порт-Артура не удалось, а бомбардировки встретили решительный отпор, не принеся ощутимых результатов при большом расходе снарядов. Русские корабли освоились с выходом на внешний рейд и регулярно появлялись в северной части Желтого моря. При такой активности противника высадка давно намеченного десанта в Северной Корее и у Квантунского полуострова представлялась совершенно нереальной. Эскадра Макарова могла появиться среди скопления транспортов в самый неподходящий момент и застать Соединенный флот врасплох. Вынужденное шаблонное маневрирование русских у Порт-Артура подсказало японским флагманам новый тактический ход. Подметив макардовскую «восьмерку», Того и Симакура понимающе «обменялись улыбками» на мостике флагманского броненосца «Микаса».

В ночь на 31 марта 1904 года 12 японских миноносцев под покровом тумана скрытно провели минную постановку под Порт-Артуром, по возможному курсу русской «восьмерки». В эту же ночь адмирал Макаров послал в ночной поиск отряд своих миноносцев. При возвращении один из них, «Страшный», в предрассветном тумане напоролся на отряд японских

¹ Грибовский В.Ю. Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск») // Гангут. Выпуск 4. СПб., 1992, с. 41.

кораблей, возвращающихся с минной постановки. В неравном бою «Страшный» получил тяжелые повреждения и стал тонуть. На выручку «Страшному» полным ходом направился крейсер «Баян», отогнавший японские миноносцы. При этом «Баян» вступил в бой с приближающимися броненосными крейсерами 2-й японской эскадры и повернул к Порт-Артуру. На помощь «Баяну» уже выходили русские броненосцы во главе с «Петропавловском», на котором свой флаг держал адмирал Макаров. Но в 25 милях от Порт-Артура русскую эскадру поджидали главные силы Того. Макаров приказал поворачивать обратно, чтобы принять бой под прикрытием береговых батарей.

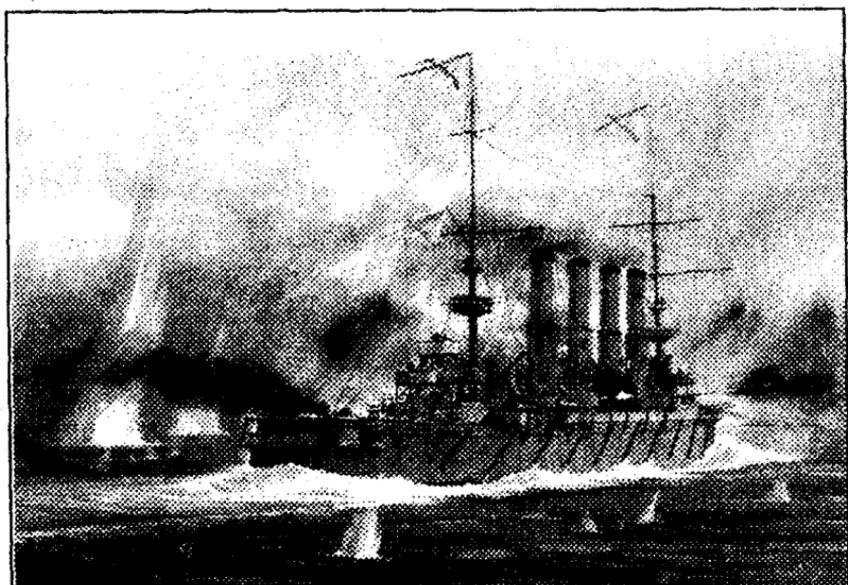
Однако Того не подходил ближе 100 кабельтовых и, казалось, застыл. Было 9 часов 30 минут утра, когда флагманский броненосец на малом ходу начал поворот вправо. В это время в носовой части корабля с правого борта раздался взрыв. По воспоминаниям мичмана И.И.Ренгартена «Петропавловск» «сразу накренился и стал уходить носом в воду, над местом взрыва выкинуло громадное пламя и целую кучу дыма. После этого взрыва было слышно еще несколько... Палуба была мгновенно объята пламенем. Трубы и мачты сразу куда-то исчезли, корма выскочила из воды, винт левой машины заработал в воздухе, люди падали кучами, многие падали в винт, и их размалывало на наших глазах...» Через полторы-две минуты после взрыва флагманский корабль скрылся под водой, унося с собой почти 650 человек команды и командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой адмирала С.О.Макарова. Мичман Ренгартен 31 марта 1904 года записал в дневнике: «Все бы мы перенесли легко, но гибель командующего - это уже слишком громадное несчастье. Мы теперь похожи на туловище умнейшего человека, которому отрубили голову...»¹

Гибель Макарова имела для русских самые тяжелые последствия - флот потерял вождя, которого трудно было заменить. Смерть адмирала, подорвав моральный дух офицеров и матросов, в конечном итоге обрекла на пассивность и гибель Порт-Артурскую эскадру. Японцы же, напротив, активизировали свои действия не только на море, но и на суше. 18 апреля 1-я японская армия барона Куроки на реке Ялу под Тюренченом нанесла нашему Восточному отряду поражение. Героизм русских солдат и офицеров не мог компенсировать огромного численного превосходства противника: на 6 тысяч русских приходилось 36 тысяч японцев. Отбросив Восточный отряд от реки Ялу, японское командование приступило к переброске на материк своей 2-й армии. 23 апреля, не встретив никакого сопротивления, в районе Бицзыво высадилась 2-я японская армия генерала Оку - Квантунский полуостров с Порт-Артуром был

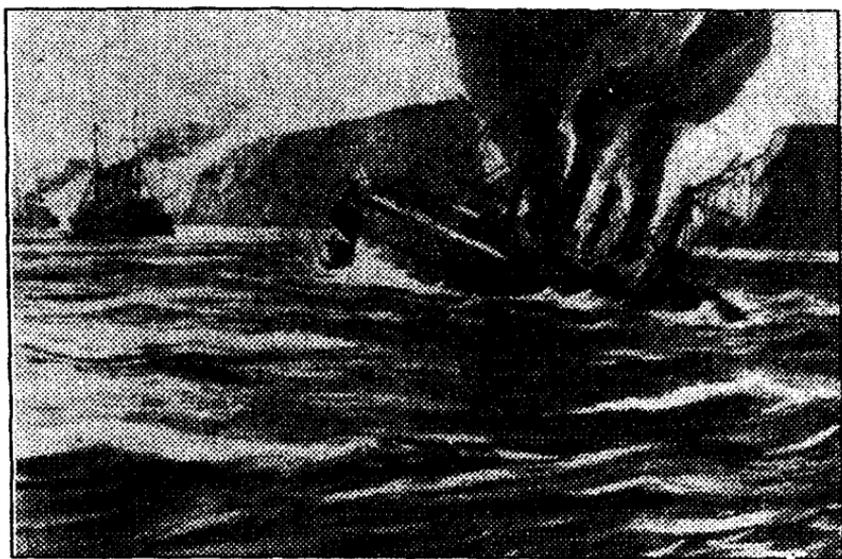
¹ Грибовский В.Ю. Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск») // Гангут. Выпуск 4. СПб., 1992, с. 49.

• С.О.Макаров

Бронепалубный крейсер 1-го ранга "Варяг". 1899г.

Гибель броненосца "Петропавловск".
С рисунка современника.

отрезан от Маньчжурии. Командующий русскими войсками в Маньчжурии генерал Куропаткин противнику не мешал, утверждая, что «чем дальше заберутся японцы, тем лучше!».¹

Между тем, пока сменивший Макарова на посту командующего 1-й Тихоокеанской эскадры контр-адмирал В.К.Виттефт пребывал в нерешительности, моряки Порт-Артурской эскадры сделали выводы из катастрофы 31 марта. По инициативе командира минного заградителя «Амур» капитана 2 ранга Ф.Н.Иванова на обычном курсе движения японского флота под Порт-Артуром 1 мая 1904 года скрытно, под прикрытием тумана, была произведена минная постановка. И уже 2 мая на этом заграждении подорвались и затонули два (из 6) японских броненосца - «Хацусе» и «Ясима». Адмирал Виттефт по этому случаю был награжден Георгиевским крестом, а капитана 2 ранга Иванова даже не упомянули в приказе. Впрочем, следует отметить, что это был самый крупный и, пожалуй, последний успех русского флота в этой войне.

13 мая 1904 года 2-я японская армия генерала Оку атаковала русские позиции у Кинчжоу (Цзинь-Чжоу). Три дивизии японцев обрушили свой удар на один единственный 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Несмотря на огромный перевес в живой силе и орудиях, все атаки 2-й армии были и отбиты с большими потерями. И только когда огонь японской корабельной артиллерии с приморского фланга буквально смел русские позиции, остатки защитников Кинчжоу отступили к Порт-Артуру. Это позволило японскому командованию в середине мая высадить 3-ю армию барона Ноги непосредственно на Квантунский полуостров - ее задачей была осада Порт-Артура. 2-я японская армия генерала Оку была развернута фронтом против Куропаткина.

Начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А.М.Стессель мог бы воспользоваться благоприятной ситуацией и до подхода основных сил японцев попытаться разбить более слабую армию Ноги. Однако он предпочел пассивно отсиживаться в крепости, ожидая помощи от Куропаткина. Куропаткин же считал свою армию недостаточно сильной, чтобы снять осаду Порт-Артура, и тоже ожидал подкреплений из европейской части России. 24 мая 1904 года наместник на Дальнем Востоке адмирал Алексеев предписал Куропаткину безотлагательно перейти в наступление. Для этой операции Куропаткин выделил корпус генерала Г.К.Штакельберга, предписав ему «с превосходными силами в бой отнюдь не вступать». Такая постановка задачи предопределила неуспех сражения у Вафангоу 1-2 июня. Как только армия генерала Оку попыталась обойти русские позиции у Вафангоу, Штакельберг отвел свои войска на север.

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т.3. - М., 1994. С.62.

10 июля 2-я японская армия генерала Оку предприняла новое наступление в направлении на Ташичао (Дашичао). Несмотря на равенство сил и наметившийся 11 июля успех, когда японские атаки были отражены по всей линии русских позиций с большими потерями, Куропаткин вновь отдал приказ об отступлении на север, на заранее подготовленные у Ляояня позиции. С потерей Ташичао русские теряли и порт Инкоу, т.е. морскую связь с Порт-Артуром.

Возникшая в конце июля 1904 года угроза захвата Порт-Артура 3-й японской армией барона Ноги вынудила русское командование принять активные меры для спасения кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры. У морского командования в Петербурге возник план отправки на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры, которая, соединившись с 1-й, должна была вырвать господство на море у японцев. Поэтому адмиралу Витгефту было приказано со своей эскадрой идти на прорыв во Владивосток. 28 июля 1904 года 6 броненосцев, 4 крейсера и 8 миноносцев покинули Порт-Артур.

В 11 часов 30 минут главные силы японского флота появились в пределах видимости русской эскадры. Замысел Того состоял в том, чтобы охватить голову русской колонны, сосредоточенным огнем по флагманскому кораблю вывести его из строя и тем самым лишить эскадру управления. Маневрирование эскадры Витгефта сводилось к тому, чтобы уклониться от боя. Расчеты Того оказались настолько неудачными, что вместо охвата головы русской эскадры японские корабли оказались у нее за кормой. Стрельба, которая велась на дистанциях, превышающих 50 кабельтовых, особых результатов не дала. Прогнаники разошлись в море.

Имея преимущество в скорости хода, японцы в 16 часов 30 минут догнали русскую эскадру и на дистанции 40-45 кабельтовых возобновили бой. Бой велся на параллельно-сходящихся курсах. Японцы вели сосредоточенный огонь по флагманскому кораблю Витгефта, броненосцу «Цесаревич», а русские - по броненосцу «Микаса», на котором держал свой флаг Того. В течение часа бой протекал с переменным успехом, и был момент, когда адмирал Того из-за серьезных повреждений флагманского корабля и большого расхода снарядов, запас которых подходил к концу, готов был выйти из боя. Один из участников боя так описывал этот момент: «На «Микасе» сперва замолчала кормовая башня, потом носовая и средние 6-дюймовые пушки. Под конец стреляла только одна кормовая 6-дюймовая пушка. При сближении видно было, что весь борт «Микасы» покрыт большими желтыми пятнами. Были ли пробиты, трудно сказать. На «Асахи» и «Фуджи» попадания были больше в середине. На «Фуджи» было несколько пожаров».¹ Но около 17 часов положение резко изменилось - осколками 12-дюймового снаряда на верхнем мостике был убит контр-адмирал Витгефт. А в 17 часов 45 минут второй 12-

¹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990, с. 110.

двойной снаряд попал в боевую рубку «Цесаревича» и вывел из строя всех, кто там находился. Поврежденный броненосец потерял управление и стал описывать циркуляцию влево, в сторону японцев. Командир идущего следом за «Цесаревичем» броненосца «Ретвизан» капитан 1 ранга Э.Н.Щенснович попытался прикрыть поврежденный флагман и пошел на резкое сближение с противником в надежде протаранить «Микасу». Но разрыв тяжелого японского снаряда в рубке «Ретвизана» и осколочные ранения в живот не позволили Щенсновичу довести свой маневр до конца. Боевой порядок русской эскадры нарушился. К 18 часам стало очевидно, что русские проиграли бой.

Большая часть русской эскадры (5 броненосцев, 1 крейсер и 4 миноносца) вернулись в Порт-Артур. Броненосец «Цесаревич», крейсера «Аскольд», «Диана» и 4 миноносца, имея различные повреждения, зашли в нейтральные порты, где были интернированы. И только крейсер «Новик», обойдя Японские острова со стороны Тихого океана, пытался прорваться во Владивосток, но, встретив у южного побережья острова Сахалин два японских крейсера, вступил с ними в бой и, получив серьезные повреждения, был затоплен своей командой.

Отряд русских крейсеров, который базировался на Владивосток, в первые полгода войны действовал довольно успешно. Владивостокские крейсера совершили 7 набегов на морские коммуникации противника, уничтожив и захватив в общей сложности 22 японских парохода. Это серьезно подорвало морские перевозки японцев. Русское морское командование предполагало привлечь Владивостокский отряд для оказания помощи при прорыве эскадры Виттефта. Однако несогласованность действий и отсутствие надежной связи привели к тому, что русские крейсера вышли в море 29 июля 1904 года, когда после боя 28 июля в Желтом море остатки порт-артурской эскадры уже вернулись на базу. 1 августа 3 русских крейсера в Корейском проливе встретились с 6 крейсерами адмирала Камимуры. По всем важнейшим боевым элементам - вооружению, бронированию и скорости хода - японские крейсера значительно превосходили русские.

Тем не менее контр-адмирал Иессен решил вступить в бой, так как это была единственная возможность прорваться во Владивосток. И хотя в самом начале боя русским артиллеристам удалось серьезно повредить 2 вражеских крейсера, превосходство японцев в тяжелых орудиях вскоре дало себя знать. На четырнадцатой минуте боя в результате разрывов нескольких снарядов на крейсере «Рюрик» начался сильный пожар. Из-за повреждений рудевого устройства корабль потерял управление, вышел из строя и стал отставать. Адмирал Иессен с оставшимися крейсерами - «Россией» и «Громобоем» - постарался увлечь за собой 4 броненосные крейсера противника в надежде, что «Рюрик» сам справится с двумя японскими

легкими крейсерами. Однако эта задача оказалась для него не по силам. Но даже получив тяжелые повреждения, русский крейсер все равно продолжал вести бой.

Вот как описывает состояние «Рюрика» к концу боя японская официальная история войны на море: « Несмотря на то, что руль был уже поврежден и перебиты рулевые приводы, так что судно потеряло способность управляться, крейсер все еще продолжал доблестное сопротивление... С японских судов сыпался град снарядов; оба мостика были сбиты, мачты повалены, не было ни одного живого места, куда бы не попали снаряды; большая часть бывшей на верхней палубе команды или была убита, или ранена, орудия одно за другим были подбиты и могли действовать едва лишь несколько штук. Четыре котла были разбиты, и из них валил пар. В рулевое отделение проникала вода, и крейсер понемногу садился кормой». Выбрав место за кормой «Рюрика», японцы безнаказанно поражали губительным продольным огнем тонущий крейсер. Снаряды рвались на палубе и вокруг, добивая уже оказавшихся в воде раненых (позже установили, что у 175 уцелевших раненых было 345 ран). После пятчасового беспримерного боя, не спустив флаг, перевернувшись на левый борт, «Рюрик» кормой ушел в воду.¹

В начале августа 1904 года 3-я японская армия барона Ноги предприняла первый штурм Порт-Артура. Ноги был настолько уверен в победе, что заявил иностранным корреспондентам: «Вы прибыли как раз вовремя. Еще немного, и вы опоздали бы ко взятию крепости». С 6 по 10 августа японцы ожесточенно атаквали Водопроводный и Кумирненский редуты, II и III форты, русские позиции на Длинной горе и у Китайской стенки и везде с большими потерями были отбиты. За четыре дня боев Ноги потерял около 20 тысяч человек (русские потери составили около 3 тысяч убитых и раненых). 3-я армия была вынуждена приступить к методичной осаде Порт-Артура.

10 августа, получив известие об окончательной неудаче штурма Порт-Артура, японский главнокомандующий маршал Ояма, объединив усилия 1,2 и 4 японских армий, решил энергично нажать на русские войска в Маньчжурии. 11-14 августа японцы были отражены по всему фронту. Особенно блестящий эпизод - бой при Ляндансане, где Зарайский полк гнал штыками 4 версты японскую гвардию. Можно было принять одно из двух решений: оставаться на позициях, либо, введя в дело резервы, перейти в наступление. Но генерал Куропаткин принял третье решение: он приказал отступать на Ляоянские позиции.

Здесь 17-20 августа произошло сражение, от результатов которого зависело многое. В целом перевес сил был на стороне русских. Но генерал Куропаткин так плохо организовал

¹ Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л., 1989. С. 201-202.

контрнаступление (чего стоит один его знаменитый приказ: «Сегодня собираться, завтра сблизаться, послезавтра атаковать!»), что несмотря на героизм русских солдат и офицеров, исход сражения был predetermined. Японские потери под Ляояном достигали 24 тысяч человек (русские 18 тысяч). Видя утомление и упадок духа своих войск, маршал Ояма приказал отступать, но Куропаткин опередил его, начав отход на два часа раньше. По словам Яна Гамильтона, английского советника при штабе японской армии, «когда русские отступили, все были от души рады отделаться от них».¹

Отход русской армии от Ляояна, по сути predetermined судьбу Порт-Артура. 6 сентября 1904 года 3-я армия барона Ноги предприняла второй штурм крепости. Главным объектом штурма стала гора Высокая, которая занимала господствующее положение над городом и внутренним рейдом. Японцам, после ожесточенного штурма, к 9 сентября удалось захватить русские лонеты на горе и только благодаря находчивости генерала И.Р.Кондратенко, решительности лейтенанта Н.Л.Подгурского и героизму стрелков 5-го полка они были выбиты оттуда. Подгурский с тремя охотниками с помощью пироксилиновых шашек уничтожил три роты японцев, занявших было наши лонеты. Не добившись успеха на Высокой, Ноги предпринял обстрел города и укреплений 11-дюймовыми снарядами осадной артиллерии. Каждый такой снаряд нес в себе 15 пудов взрывчатого вещества, «шимозы», и обладал чудовищной разрушительной силой. Рассчитанные лишь на 6-дюймовый калибр, русские укрепления превращались в груды развалин. Убийственные обстрелы чередовались с отчаянными атаками японской пехоты. Теперь объектом атак Ноги выбрал форты номер II и III. Непрерывные атаки продолжались 16 суток подряд. « Тот, кто писал, что мир знает образцы высшего мужества, чем мужество солдата, не мог иметь понятия о том образце мужества, который показала горсть русских воинов, защищавших капоныры перед лицом всепокрушающего огня японской артиллерии», - писал свидетель этого штурма, англичанин Джеймс, находившийся в качестве советника при японской армии. 17 октября барон Ноги предпринял третий по счету штурм Порт-Артура - и в третий раз был отбит. Японская армия приступила к методическим осадным работам. Началась упорная жестокая двухмесячная борьба штыком, лопатой и гранатой - борьба, прерванная четвертым штурмом Порт-Артура.

13 ноября 1904 года генерал Ноги предпринял четвертый - общий - штурм Порт-Артура. После того как дневная атака была отбита, японцы решили овладеть горой Высокой ночным ударом. Был создан отряд из 3100 добровольцев, названный «отрядом белых помочей» (чтобы в темноте узнать своих японцы надели белые нагрудные ремни). В ночь на 14 ноября «белые

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т.3. - М., 1994. С.71.

помочи», без выстрела, только в штыки овладели Курганной батареей и вышли в тыл наших позиций на Высокой. Казалось, что судьба Порт-Артура предрешена. Но тут японский отряд был атакован полуротой русских моряков лейтенанта Мисникова. «Белые помочи» не отступили и все погибли в ночном бою - в отряде были оба сына генерала Ноги. Начиная с 14 числа весь огонь японской артиллерии был сосредоточен на горе Высокой. От разрывов вражеских снарядов она стала похожа на извергающийся вулкан. Бесперывные атаки продолжались девять дней. Японцы потеряли здесь более 8 тысяч солдат и офицеров (наши потери около 4,5 тысяч), но 22 ноября им удалось овладеть Высокой. «Борьба за гору Высокую была битвой гигантов; ни одна страна в самую славную эпоху своей истории никогда не выставляла в поле солдат, которые дрались бы с таким упорством, храбростью и презрением к смерти, как русская и японская пехота в те дни», - писал французский генерал Гранпре.

«Теперь началась агония Артура!» - так оценил генерал Кондратенко потерю Высокой. Установив на ней свои 11-дюймовые мортиры, японцы с 25 по 28 ноября расстреляли и окончательно добились корабли 1-й Тихоокеанской эскадры. Из броненосцев уцелел только «Севастополь» капитана 1-го ранга Н.О.Эссена. Он вывел его в бухту Белый Волк и огнем корабельных пушек стал громить вражеские позиции. Японский флот предпринял отчаянные попытки, чтобы уничтожить последний русский броненосец, причинявший своим огнем серьезные потери японским войскам. Несколько ночей подряд десятки японских миноносцев вели непрерывные атаки против «Севастополя», выпустив по нему в общей сложности 180 торпед. Восемь японских миноносцев получили тяжелые повреждения, но и русский корабль был поврежден двумя торпедами. Команда вывела его в море и затопила на большой глубине, чтобы японцы не смогли поднять его.¹

К началу декабря 1904 года гарнизон Порт-Артура потерял 11 тысяч человек, около 20 тысяч были ранены и больны цингой. В строю оставались 14 тысяч солдат и офицеров, обессиленных недоеданием - «люди стали тенями». Положение фортов стало отчаянным: японцы подвели к ним минные галереи и взрыва можно было ожидать со дня на день. 2 декабря не стало генерала Кондратенко, убитого вместе с офицерами его штаба на форте номер II разрывом 11-дюймового снаряда. Как выразился историк русской армии А.А.Керсновский: «Отныне Артур был коченеющим телом, от которого отлетела душа...».

5 декабря форт номер II был взорван, и после отчаянной, героической обороны моряками-«баянцами» взят японцами - из 350 его защитников в живых остались только 30. 15 декабря взлетел на воздух форт номер III. Линия фортов пала. А с захватом японцами Большого

¹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990, с. 115

Орлиного гнезда русские войска были вынуждены оставить 2-ю линию обороны. 20 декабря генерал Стессель на военном совете заявил о своем намерении вступить в переговоры о сдаче и 23 декабря 1904 года подписал капитуляцию.

Блокада Порт-Артура длилась 239 дней. Крепость девять месяцев (до февраля) задерживала 3-ю японскую армию и отвлекла на себя в общей сложности 170 000 солдат противника - около трети всех сухопутных сил Японии. При этом потери армии Ноги составили свыше 110 000 человек. Однако падение Порт-Артура серьезно осложнило стратегическое положение русских войск в Маньчжурии - теперь к трем армиям Оку, Нодзу и Куроки должна была добавиться армия Ноги, освободившаяся с взятием крепости. А положение 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З.П.Рожественского стало и вовсе незавидным - без кораблей, погибших в Порт-Артуре, ее поход терял всякий смысл.

Весть о падении Порт-Артура заставила Куропаткина перейти в наступление до прибытия к японцам подкрепления. 12-16 января 1905 года состоялось сражение при Сандепу, которое и на этот раз закончилось поражением. Его причиной было неумелое руководство войсками, тактическая безграмотность высшего командования, пресечение Куропаткиным любой инициативы. Например, генерал Г.К.Штакельберг, осуществивший удачное наступление без санкции главнокомандующего, был снят с должности.

Завершающим сражением русско-японской войны на суше стало Мукденское сражение 12 февраля - 1 марта 1905 года. Это было одно из самых крупных сражений в преддверии первой мировой войны. В нем с обеих сторон приняли участие 550 тысяч человек. Фронт растянулся более чем на 100 километров. По плану Куропаткина русские войска должны были прикрыть Мукден с севера и запада, затем подтянуть резервы и перейти в наступление. Но осуществить этот план не удалось. Куропаткин упустил удобный случай разбить армию Ноги до ее соединения с главными силами. Совершив сложный маневр, японские войска обошли Мукден с севера, затем прорвали фронт и вышли к железной дороге. Куропаткин отдал приказ об отступлении. Русские части отступали вдоль железной дороги по узкому коридору, образовавшемуся между двумя японскими армиями. Русские потери убитыми, ранеными и пленными составили около 90 тысяч человек (японские потери 70 тысяч). Японцы почти не преследовали отступающих, т.к. сами были в тяжелом положении.

Последней надеждой русского правительства оставалась теперь 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала З.П.Рожественского. Окончательное решение о посылке кораблей 2-й эскадры в Тихий океан принимается 10 августа 1904 года. К этому времени война с Японией продолжалась уже более восьми месяцев. Главная база русского флота в Желтом море - Порт-Артур - блокирована с суши. Защитники крепости отразили первые японские штурмы. Но

оставшиеся от 1-й Тихоокеанской эскадры 5 броненосцев не могут открыто противостоять 12 броненосным кораблям (4 броненосца и 8 броненосных крейсеров) Соединенного флота адмирала Хейхатири Того. Теперь все зависит от помощи извне. Такой помощью и должна была стать эскадра З.П.Рожественского.

Первоначально главные силы эскадры насчитывали 8 броненосных судов, разделенных на два отряда. 1-й отряд - четыре новейших однопалубных эскадренных броненосца: флагманский «Князь Суворов», «Александр III», «Бородино» и «Орел». Введенные в строй в течение последнего года, они представляли собой монолитную и вполне современную боевую силу, чего никак нельзя было сказать о 2-м отряде, состоявшем также из четырех единиц: броненосца-крейсера «Ослябя», броненосцев «Сисой Великий», «Наварин» и броненосного крейсера «Адмирал Нахимов». Кроме явной разнотипности эти суда, исключая «Ослябя», были довольно старыми, 1885-1894 гг. постройки. Помимо того, что их артиллерия состояла из устаревших орудий, механизмы были уже порядком изношены и не могли развить такой скорости, как корабли первого отряда. Чтобы уравнять свои силы с японцами, Рожественскому требовалось обязательно объединиться с Порт-Артурской эскадрой.

2 октября 1904 года 2-я Тихоокеанская эскадра оставила рейд Либавы. Ей предстояло совершить небывалый переход протяженностью в 18 тысяч миль. На Мадагаскаре Рожественского ждало известие: Порт-Артур пал, а остатки 1-й Тихоокеанской эскадры были затоплены на его рейде. Эскадра Рожественского осталась одна перед лицом японского Соединенного флота. Рассчитывать на победу в открытом бою не приходилось: японцы обладали не только численным перевесом, но и качественным превосходством. Нужно было возвращаться.

Увы, решения такого рода были не в компетенции адмирала Рожественского. Приказ о возвращении эскадры должны были отдать в Петербурге. Несколько раз командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой сначала робко, потом все более настойчиво ставит перед царем вопрос о возвращении на Балтику. Но получает распоряжение... ждать.

Тем временем в Кронштадте спешно снаряжали в поход подкрепление - 3-й броненосный отряд адмирала Небогатова: старый броненосец «Николай I» и три броненосца береговой обороны - «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков» (Рожественский отказался от них при формировании своей эскадры в августе 1904 года). Эти тихоходные суда «не подкрепление, а ослабление», - писал адмирал уже в январе 1905 года. Но высокие чины «из-под шпика» (Адмиралтейства) продолжали стоять на своем. Их поддержал и Николай II. Магия цифр сделала свое дело. На бумаге численные силы Рожественского и Того стали равны.

«Двакратно в телеграмме царя на имя Рождественского указывается, что не прорыв во Владивосток ставится целью эскадре, а завладение Японским морем, т.е. бой с главными силами японского флота и поражение их», - писал офицер Морского Генерального Штаба М.Петров. Не выполнить такой приказ З.П.Рождественский не мог.

Соединившись с 3-м отрядом контр-адмирала Н.И.Небогатова 1 мая 1905 года у побережья Индокитая, Рождественский повел свою эскадру на север. Когда к началу 14 мая русские корабли подошли к южному входу в Корейский пролив, их уже ждали. В 2.25 выдвинутый японцами в передовой дозор вспомогательный крейсер «Синано-Мару» обнаружил огни неизвестного судна. Это была «Кострома», плавучий госпиталь эскадры Рождественского. В 4.25 «Синано-Мару» вошел в хвост русской эскадры и сразу же в эфир понеслось шифрованное сообщение: «Они здесь!...»

Главные силы японского Соединенного флота уже несколько суток стояли в полной готовности в корейском порту Мозампо. Сообщение «Синано-Мару» достигло флагманского броненосца «Микаса» в 4.40 утра. А спустя два часа японские суда выбрали якоря и в походном порядке двинулись навстречу русским. Того понимал, что битва будет решающей. От ее результатов зависел не только исход борьбы за владение морем, но и исход всей войны. Поэтому японский командующий постарался свести риск к минимуму и применил самые надежные, самые беспроблемные тактические приемы.

Лучшим способом действий в правильном бою двух броненосных флотов считался в то время «маневр поперечной палочки над буквой «Т», то есть охват головы или хвоста неприятельской колонны. Сторона, осуществившая такой охват, получала возможность сосредоточить на выбранной цели всю мощь огня своего стреляющего борта, в то время как противник, используя лишь половину артиллерии, мог отвечать только в узкие носовые и кормовые углы, причем сосредоточению его огня мешали бы ближайšie к неприятелю свои же корабли. Таким образом флот, выигравший начальную позицию «палочки над «Т», получал над своим противником не менее чем двойное огневое превосходство и в первые же минуты боя мог нанести ему непоправимый урон.

Задача японского адмирала облегчалась и тем, что он знал курс русской эскадры и это давало ему возможность заранее выстроить свои корабли в наиболее выгоднейшей для них позиции, примерно посередине Восточного прохода. Того выстроил «поперечную палочку» и медленно продвигался к оси прохода с таким расчетом, чтобы, когда русские корабли покажутся на горизонте, оказаться от них справа. Таким образом, маневр влево Рождественскому закрывали острова Цусима, вправо - стальная японская «палочка». Выход из сложившейся ситуации был один - назад, но воспользоваться им русский адмирал не мог.

Если действия японского адмирала военно-морские историки оценивали впоследствии как блестящие, то действия русского адмирала вызывали, мягко говоря, недоумение. Эпитет «бездарный адмирал» прочно укрепился за З.П.Рожественским.

14 мая в 9.50 по приказу Рожественского броненосные силы русской эскадры начали перестроение в боевую линию, т.е. в одну кильватерную колонну. Не ведая разведки, русские были вправе ожидать появления противника в любую минуту, поэтому заранее изготовилась к бою. В 12.05, исполняя приказ командующего, русская эскадра повернула влево и легла на курс норд-ост 23° . Никаких препятствий впереди уже не было - курс был взят точно на Владивосток. А дальше и начались странности.

В 12.20 на «Суворове» взвился новый сигнал и эскадра начала еще одно перестроение. Следуя за флагманом, 1-й броненосный отряд совершил два последовательных поворота и оказался отделенным от основного строя. Теперь вместо прежней боевой линии получился необычный порядок двух параллельных, смещенных уступом колонн; правую составил отстоящий от левой колонны на 8-10 кабельтов и продвинутый вперед на половину своей длины отряд из четырех новейших броненосцев типа «Бородино».

Этот новый строй русской эскадры вдвое ослаблял ее боевую мощь. В условиях ограниченной видимости, когда японцы могли появиться внезапно, Рожественский рисковал быть разбитым по частям в первые же минуты боя, имея слабейшие суда в левой, самостоятельной колонне. Однако этим странным уступом, сводившим на нет все выгоды прежней боевой линии, Рожественский продолжал идти вплоть до появления на горизонте неприятельских главных сил.

К полудню 14 мая З.П.Рожественский знал, что японцы уже заступили ему дорогу. Он знал также, что главные силы Того находятся на расстоянии 35 миль, у северных «ворот» прохода. Не составляло труда предугадать, что японцы применят самый беспроигрышный тактический прием - «палочку над «Г». Конечно, Того постарается рассчитать ее самым лучшим образом, согласуя свой ход со скоростью русской эскадры. И, конечно, он расположится для атаки справа от русского курса, ибо маневр влево Рожественскому ограничивали острова Цусима. Что мог противопоставить вице-адмирал Рожественский японскому плану? Ничего. Поворот назад исключался, маневр был стеснен узостью, оставалось идти вперед, под неотвратимо нависшую «палочку».

И вот тогда, в 12.20, исполняя приказ адмирала, русская эскадра перестроилась в две параллельные колонны. Слабейшие корабли 2-го и 3-го отрядов оказались отделены от боевого костяка эскадры и не составляли более единого целого с четырьмя новейшими броненосцами типа «Бородино». Появись теперь японцы слева на расстоянии прицельного выстрела, и

лишенный поддержки «ведущего квартета» «музей образцов» ждала бы печальная участь. Рожественский как бы намеренно отдавал «музей образцов» на съедение. Правда, чтобы воспользоваться «любезно» предоставленной Рожественским возможностью, Того следовало отказаться от заранее рассчитанной «палочки» справа и перейти на левую сторону русской эскадры.

Однако хитрость Рожественского не удалась. Того продолжал медленно двигаться к оси Восточного прохода, поджидая когда русские придут на вид его эскадры. Пятидесяти-семилетний вице-адмирал Хейхатири Того не был пылким юношей, способным «клонуть» на столь явную приманку. За его плечами был опыт нескольких войн и расчет. И этот расчет показывал, что даже если Того немедленно бросится на пересечку русского курса самым полным ходом, то все равно выигрыш драгоценного времени окажется за Рожественским. С какого бы румба не появилась атакующая японская эскадра, русский командующий успеет перестроить свои суда обратно в боевую линию. Слева японцам откроется уже не «музей образцов», а вся русская линия, успевшая изготовиться к бою. И вместо «палочки над «Т» произойдет скоротечная ошибка на встречных курсах.

Того не поддался искушению, и вот примерно в 13.20 противники увидели друг друга. К удивлению японского адмирала русские по-прежнему двигались в строе двух параллельных колонн. Прошла минута, прошла другая. Утекла третья, а «музей образцов» все так же следовал в отдельной колонне. В 13.25 Того принял новое решение. Рожественский сам уже решил свою судьбу. Время, отпущенное на перестроение, истекло. Русский адмирал перехитрил сам себя. Его промедление привело к тому, что «музей образцов» из приманки обратился в самую настоящую жертву. Теперь ничто не мешало Того уничтожить русскую эскадру по частям.

Того скомандовал немедленную перемену курса - на противника. Рукояти машинного телеграфа встали на «самый полный». Расшибая волну, японские броненосцы набрали ход, чтобы как можно скорее «атаковать головные суда левой колонны». Когда в 13.42 вся японская линия перешла на левую сторону русского строя, Того довернул еще к югу. Теперь противники сближались встречными курсами. Расстояние между ними стремительно сокращалось.

Но когда Того в бинокль посмотрел на русскую эскадру, он не поверил своим глазам. Первым, мощно расталкивая воду, вздымался флагманский «Князь Суворов», а за ним, заканчивая выравнивать линию, шла в кильватер вся русская эскадра. Произошло невероятное - Рожественский успел! Чудо? Нет, просто расчет Того был неверен. И Рожественский, демонстрируя отделение левой, слабой колонны, и не надеялся на немедленный результат. Напротив, русский адмирал, демонстрируя свою наивную «хитрость», тщательно скрыл истинную ловушку - «кустоп».

«Ведущий квартет» - четыре новейших броненосца правой колонны - были выдвинуты примерно на половину своей длины вперед, что само по себе было нарушением морской тактики, когда параллельные колонны должны были идти вровень друг с другом (т.е. головной правой колонны «Князь Суворов» должен был идти на траверзе головного левой колонны «Осляби»). Того же, увидев две русские колонны, в своих расчетах исходил из того, что они идут строем двух правильных колонн. Если бы русские действительно шли в правильном строе двух колонн, то для исполнения маневра, которого ждал Того, правой колонне - 1-му отряду Рождественского - предстояло пройти вперед всю свою длину. Вычисления Того были точны, но он не заметил, что правая неприятельская колонна уже продвинута вперед на половину своей длины и что для обгона «музея образцов» ей потребуется не 25 минут (расчетные), а вдвое меньше.

Таким образом, послав свою эскадру в 13.25 навстречу русским, Того не знал, что в его распоряжении нет и половины расчетного времени. И он не мог предположить, что сам подгоняет свою эскадру в уже подготовленную ловушку.

В 13.45 балтийская эскадра закончила формирование линии и, грозно развернув башни на левый борт, изготовилась к встрече. «Уступ» Рождественского, не разгаданный противником до последней минуты, сработал точно в соответствии с замыслом. Ловушка, подготовленная русским адмиралом, захлопнулась. Роли противников поменялись, почти побежденный Рождественский воспрянул, а Того, почти торжествовавший победу, вдруг явственно ощутил могильный холодок поражения. Новая позиция японцев была не просто невыгодной, но в прямом смысле слова гибельной.

Не уступавшая русским в средствах нападения японская эскадра существенно уступала им в средствах защиты. Крейсера японского арьергарда хотя и назывались «броненосными», не могли противостоять русским снарядам калибра 305 миллиметров, и потому прохождение на контркурсах «под розгами» прицельного огня было бы для них равносильно безусловной гибели. Поэтому для Того движение навстречу русским означало катастрофу, разгром, потерю на первых же залпах половины корабельного состава. Спасением мог быть только поворот обратно, причем немедленный, ибо жерла русских пушек уже пришли в движение, нащупывая цель.

Однако и этот маневр был чреват огромным риском. Все японские корабли должны были последовательно, один за другим, прийти в некоторую точку и повернуть на 180°, причем эта точка оставалась неподвижной относительно моря, что значительно облегчало пристрелку русской стороне. «...А кроме того, даже при скорости 15 узлов перестроение должно было

занять 15 минут, и все это время суда, уже повернувшие, мешали стрелять тем, которые еще шли к точке поворота», - вспоминал участник событий капитан 2-го ранга В.И.Семенов.

Того знал, что дарит противнику неподвижную точку пристрелки и драгоценные 15 минут. Он знал, что уступает Рождественскому важнейший первый залп. Он знал, наконец, что все орудия левого борта русской линии нацупывают сейчас одну и ту же цель - головного «Микаса» под флагом командующего Соединенным флотом. Выхода, однако, не было. Адмирал Рождественский достиг полной и решительной тактической победы. Хитрость его удалась, дерзкий замысел воплотился, и Того пришлось лихорадочно выбирать между поражением безусловным и поражением весьма вероятным.

Как только «Микаса» достиг в 13.48 точки поворота, адмирал Рождественский приказал открыть огонь. В 13.49 левая носовая шестидюймовая башня броненосца «Князь Суворов» отдала пристрелочный выстрел. Прицел был взят хорошо. За первым выстрелом «Суворова» согласно загрохотала вся русская эскадра.

Английский наблюдатель кэптен Пэкинхем вспоминал: «Первый пристрелочный выстрел Рождественского лег всего лишь в двадцати двух ярдах (около 20 метров, меньше ширины корпуса броненосца!) по корме «Микасы»... и быстро последовавшие за ним другие русские снаряды ложились почти так же близко... Часть русского огня преследовала «Микасу», в то время как остальная часть, постепенно усиливаясь, концентрировалась в точке японского поворота. Я с интересом наблюдал, как каждый последующий корабль приближался к «горячей точке» и выходил из нее, с удивительным везением избегая серьезных повреждений». В чем причина столь поразительного «везения»?

В 1892 году решением Морского технического комитета (МТК) на вооружение русского флота был принят облегченный артиллерийский снаряд, превосходивший по своим бронбойным свойствам все зарубежные образцы. За счет снижения веса начальная скорость снаряда была увеличена почти на 20 процентов, что позволяло поражать броню на невиданных доселе дистанциях - до 5,5 километра. Конструкция запальной трубки, которой снабжали новый снаряд, отвечала той же цели - улучшить его бронбойное действие. «Нарочито замедленное действие этого взрывателя предусматривалась для того, чтобы снаряд, пройдя первую... преграду, взорвался внутри корабля». Новому снаряду, казалось, не было равных на всех флотах, и русские моряки всерьез считали, что располагают лучшим в мире оружием.

Никто не подозревал пока, что на первый взгляд прогрессивное решение МТК было на самом деле роковым и расплата за него наступит тринадцать лет спустя в северных «воротах» Цусимского прохода. В отличие от русского японский снаряд не обладал повышенной

бронейностью. Прилежно следуя за своими учителями - англичанами, японские проектанты сделали ставку на фугасное действие разрывного заряда.

«Казалось, не снаряды ударялись о борт и падали на палубу, а целые мины... Они рвались от первого прикосновения к чему-либо, от малейшей задержки в их полете. Поручень, бакштаг трубы, топрик шлюпбалки - этого было достаточно для всеограшающего взрыва.. Стальные листы борта и надстроек на верхней палубе рвались в клочья и своими обрывками выбивали людей; железные трапы свертывались в кольца; неповрежденные пушки срывались со станков...» - вспоминал после Цусимского боя В.И.Семенов.

Так выглядело на практике то, что в книгах называется «сильнейшим фугасным действием». Ставка японцев не на бронейность, а на силу взрывчатого вещества торжествовала успех. Пикриновая кислота - она же лиддит, она же знаменитая «шимоза» - исправно разрывала борта, вспучивала палубы, выкашивала людей смертельным разлетом осколков.

«А потом - необычайно высокая температура взрыва и это жидкое пламя, которое, казалось, все заливаает! Я видел своими глазами, как от взрыва снаряда вспыхивал стальной борт. Конечно, не сталь горела, но краска на ней! Такие трудногорючие материалы, как койки, чемоданы, сложенные в несколько рядов, траверсами, и политые водой, вспыхивали мгновенно ярким костром... Временами в бинокль ничего не было видно - так искажались изображения от дрожания раскаленного воздуха...»

На мостиках, палубах, в башнях и казематах русских броненосцев творился ад. В силу вступал еще один фактор, предусмотренный конструкторами «шимозы». По их расчетам, картины разрушений и смерти должны были нравственно сломить бойцов, и цельный организм экипажа должен был обратиться в скопище зараженных паникой существ, утративших волю и желающих лишь одного - спасения. Но вот эти расчеты не оправдались. Паники не было. Истекающие кровью, обожженные, отравленные газами русские моряки не покидали постов до конца, и орудия, которые могли стрелять, стреляли.

Нет, дух экипажей не был сломлен. До последних мгновений люди верили, что они платят смертью за смерть, что снаряды их попадают в цель и что на японских судах - несомненно! - творится нечто подобное. И что, возможно, перелом близок, и надо лишь продержаться, потерпеть, пересилить, превозмочь, выдюжить. Увы. Ни стойкость, ни мужество, ни даже профессиональное умение не могли перевесить неравенство средств, ибо ответный ущерб, наносимый неприятелю русскими снарядами, был ничтожен.

Прежде всего сказалась дистанция боя. Расстояние между противниками превышало предельные 5,5 километра, и потому главное свойство облегченного русского снаряда - его

бронейность - переставало работать. Ни русский, ни какой-либо другой снаряд в мире не мог пробить на этих дистанциях лист 203-миллиметровой крупнокалиберной брони.

Во-вторых, конструкция взрывателей. Их «нарочитое замедление» приводило к тому, что при попадании в небронированные поверхности русский снаряд пронзал оба борта авианосца, не успев взорваться.

В-третьих, фугасное действие пироксилина. Оно (особенно в сравнении с японской «шимозой») было чрезвычайно слабым. Даже если взрыватель «с замедлением» ухитрился сработать, то разрыв заряда причинял неприятелю ничтожные повреждения. Ни с настоящим фугасным, ни об осколочном, ни тем более о зажигательном действии русских снарядов не могло быть и речи.

В-четвертых, наконец, заполнявший снаряды пироксилин имел повышенную влажность (до 30 процентов), и, даже когда взрыватели срабатывали нормально, добрая половина русских снарядов не разрывалась.

Никто из русских моряков не подозревал тогда об истинном соотношении сил, обусловленном качеством оружия. Точный анализ, проведенный десять лет спустя, вскрыл поистине ошеломляющую картину. Выяснилось, что по весу выбрасываемого в минуту взрывчатого вещества (главный поражающий фактор) японцы превосходили русских не в два, не в три, не в пять, но... в пятнадцать раз! Если же учесть относительную взрывную силу «шимозы» (по сравнению с пироксилином большую по крайней мере в 1,4 раза), соотношение в пользу Того и вовсе устрашает - больше, чем двадцать к одному!

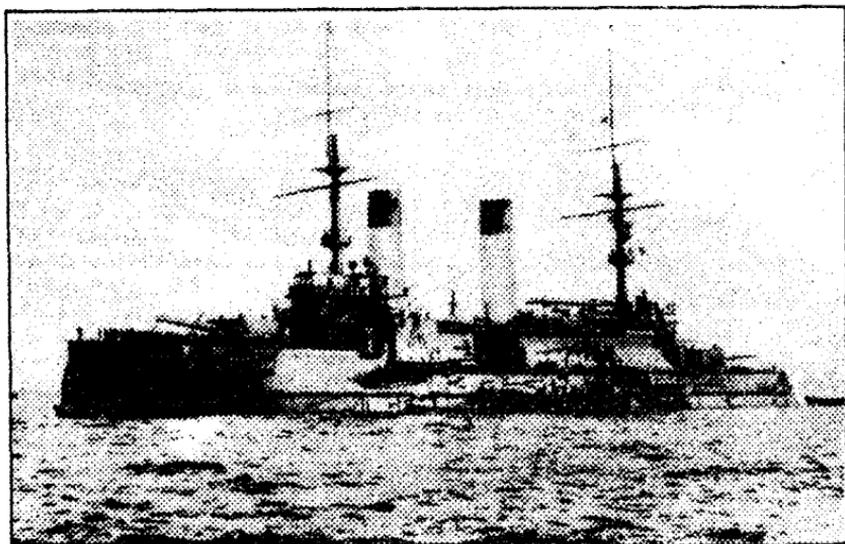
Благословляя моряков «кровью смыть горький стыд родины», царское правительство вручило им картонный меч. Ни искусство адмирала, ни мастерство специалистов, ни стойкость и мужество команд не могли спасти от гибели эскадру, посланную в бой с преступно негодным оружием.

В Цусимском сражении русский флот потерял 8 броненосцев, 4 крейсера, 1 вспомогательный крейсер, 5 миноносцев и несколько транспортов. 4 броненосных корабля и 1 миноносец, на борту которого находился раненый вице-адмирал Рожественский, сдались в плен. Японцы потеряли в этом сражении 3 миноносца.¹ «Теперь и последняя ставка побита, - так оценил результаты сражения В.И. Ленин. - Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом... Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно...»

¹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990, с. 178.

Командующий
2-й Тихоокеанской
эскадрой контр-адмирал
З.П.Рожественский

“Князь Суворов” – флагманский корабль 2-й Тихоокеанской эскадры

Перед правительством Николая II встал вопрос о заключении немедленного мира с Японией. На просторах российской империи уже вовсю бушевал пожар первой русской революции. Свои услуги посредника предложил президент США Теодор Рузвельт. Встал вопрос о главе русской делегации. Опытные дипломаты Н.В.Муравьев и А.И.Нелидов, понимая сложность положения России и тяжесть ответственности, предпочли уклониться от предложения царя «по болезни». И тогда Николай II (говорявший до этого: «Только не Витте») 29 июня 1905 года был вынужден подписать указ о назначении С.Ю.Витте первым уполномоченным для ведения переговоров в городе Портсмут.

Еще до прибытия в Портсмут Витте встретился с главами правительств и финансовых кругов Берлина, Парижа и Нью-Йорка, чтобы прозондировать почву в отношении возможности заключения нового международного займа. После заключения русско-германского договора, во время переговоров по которому Витте проявил «шурство и хорошую осведомленность», такой заем стал возможным: в январе 1905 года он был размещен в германских банках в сумме 500 миллионов марок, или 231,5 миллиона рублей.¹

Компетенция главы русской делегации на переговорах в Портсмуте формально была достаточно ограничена правительственными инструкциями - предлиминарные условия были сформулированы как «четыре нет» (полностью исключались уступка русской территории, уплата военной контрибуции, изъятие русской железнодорожной линии к Владивостоку и ликвидация военного флота на Тихом океане). В таких условиях мир, заключенный после поражения, едва ли мог снискать славу политику, его подписавшему.

Что же заставило С.Ю.Витте пуститься в столь неважное предприятие, поставив на карту свою будущую карьеру государственного деятеля? Главной побудительной причиной чаще всего называют неудовлетворенность его собственным политическим положением после отставки в августе 1903 года с поста министра финансов. Выполнение трудной миссии давало надежду на возвращение в большую политику. Но определяющим, по-видимому, был все же государственный интерес, убеждение, что без мира начавшуюся революцию не одолеть и самодержавие не сласти. Кроме того, несмотря на официальные инструкции, Витте имел собственный взгляд на проблему заключения мира с Японией: он надеялся связать его подписание с ближайшими и отдаленными перспективами российской внешней политики, предложив Токио не только примирение, но и сближение с целью совместной охраны новых позиций двух держав на Дальнем Востоке.

¹ Игнатьев А.В., Субботина Ю.Ф. Под гром пушек. С.Ю.Витте и договоры 1904 и 1905 годов с Германией и Японией // Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

Собственная тактика Витте на будущих переговорах, по его словам, состояла в следующем:

« 1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т.е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще, не относиться к ним враждебно, что, впрочем, совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще».¹

Этой программы С.Ю.Витте придерживался последовательно в течение всего времени переговоров 27 июля - 23 августа 1905 года в Портсмуте. И, как считал сам глава русской делегации, именно эта программа помогла ему в целом благоприятно для России завершить свою миссию. С.Ю.Витте часто встречался с представителями прессы. Еще в Петербурге он дал интервью корреспонденту американского агентства Ассошиэйтед Пресс Г.Томсону, на борту лайнера «Кайзер Вильгельм Великий» - петербургскому корреспонденту английской «Дейли телеграф» Э.Диллону. Во время прибытия в Нью-Йорк от его имени было зачитано заявление для представителей американской печати. В Нью-Йорке он провел беседу с корреспондентом «Ивинг мейл».

Показной демократизм Витте, когда он жал руку машинисту поезда, доставившего его из Нью-Йорка в Портсмут, поднимал на руки и целовал чьего-то ребенка и т.д. и т.п., действительно сумел склонить на его сторону общественное мнение. Хотя все это «актерство» давалось ему с немалым трудом. В целом Витте провел состязание с японскими дипломатами неординарно, вопреки принятым канонам, что в свое время вызвало в его адрес немало язвительных замечаний со стороны профессиональных дипломатов. Но, может быть, эта необычность послужила одной из причин успеха.

Уже на первом предварительном совещании делегаций 27 июля Витте не стал вступать в пререкания с японцами по поводу процедуры, а принял их предложения. Он сознательно продемонстрировал уступчивость и сдержанность, прекрасно понимая, что вскоре придется вести переговоры о вещах куда более серьезных, чем мелочи протокола.

Действительно, когда японская сторона вручила русской делегации свои требования, среди них были и три пункта, которые в инструкциях, полученных Витте, значились как полностью

¹ Корелин А.П. С.Ю.Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991, с. 36-37.

неприемлемые. Нужно было либо прекращать переговоры, либо обращаться за новыми инструкциями в Петербург. Глава русской делегации не сделал ни того, ни другого. Витте решил сам разработать ответ на японские требования. Это произвело сильное впечатление на японцев, подтвердив их представления о том, что он имеет самые широкие полномочия для ведения переговоров.

Из 12 условий, выдвинутых Японией, 8 были приняты Витте, хотя в большинстве случаев с поправками и оговорками, 4 требования отклонялись - об аннексии Сахалина с прилегающими островами, возмещении Россией Японии военных расходов, ограничении русских военно-морских сил на Дальнем Востоке и выдаче интернированных военных судов. Впоследствии правительство Николая II задним числом одобрило ответ Витте. А тот вариант документа, который разрабатывался в министерстве иностранных дел в Петербурге, с самого начала мог привести к срыву переговоров.

В дальнейшем переговоры велись по схеме, предложенной министром иностранных дел Японии Д.Комура. Со стороны Витте это было уступкой, но уступкой, которая сыграла на руку русской делегации. Японское предложение сводилось к постатейному рассмотрению всех вопросов в том порядке, в каком они были изложены в дипломатической ноте. Ключ к разгадке уступчивости Витте лежит все в том же стремлении добиться всего возможного для подписания мира. Дело в том, что в японском списке самые сложные вопросы стояли в конце и предварительное согласование менее важных статей договора делало разрыв переговоров более трудным, чем старт с лобового столкновения по принципиальным вопросам.

Переговоры забуксовали 2 августа, когда перешли к обсуждению вопросов, затрагивающих великодержавный престиж России. Японская сторона в качестве условий мира требовала уступки аренды Квантуна и железной дороги Порт-Артур - Харбин, уступку Сахалина, уже занятого японскими войсками, признания Кореи сферой японских интересов, установления в Маньчжурии принципа «открытых дверей», предоставление Японии концессий в российских территориальных водах и уплату 3 миллиардов рублей контрибуции. Витте принял условия, касающиеся Кореи и Маньчжурии, но отверг уступку Сахалина и контрибуцию.

Но японской делегации этого показалось мало - они хотели получить и чужую территорию (Сахалин) и деньги. Тогда Витте проявил демонстративную твердость и заявил о возможном прекращении переговоров и отъезде русской делегации из Портсмута. Японская сторона была вынуждена отказаться от требования контрибуции. Комура уже готов был отказаться и от притязаний на Сахалин, но Витте получил от Николая II разрешение на уступку южной части острова - бушевавшая в России революция требовала от царя сосредоточиться на внутренних проблемах, и скорейшее завершение войны было крайне важным. После уступки Южного

Сахалина Портсмутский мир был подписан 23 августа 1905 года. Русско-японская война 1904-1905 гг. закончилась «почти благопристойным», по выражению Витте, миром. Сергей Юльевич получил благодарственную телеграмму от царя и графский титул (правда в народе его прозвали «графом Полусахалинским»). Но удачное завершение дипломатической миссии давало Витте гораздо больше, чем графский титул. Это давало ему возможность возвратиться в большую политику.

Библиографический список

1. Афонин Н.Н. «Стерегущий». // Гангут. Выпуск 4. СПб., 1992.
2. Грибовский В.Ю. К истории создания броненосцев российского и японского флотов накануне войны 1904-1905 гг. // Гангут. Выпуск 1. СПб., 1991.
3. Грибовский В.Ю. Эскадренные броненосцы типа «Бородино» в Цусимском сражении. // Гангут. Выпуск 2. СПб., 1991.
4. Грибовский В.Ю. Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск»). // Гангут. Выпуск 4. СПб., 1992.
5. Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990.
6. Игнатьев А.В. С.Ю.Витте - дипломат. М., 1989.
7. История русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 1977.
8. Кофман В. Цусима: анализ против мифов. // Наваль. Первый сборник общества история флота. 1991.
9. Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». Л., 1975.
10. Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л., 1989.
11. Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994.
12. Муру Н.П. Сменившие флаг. // Гангут. Выпуск 16. СПб., 1998.
13. Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987.
14. Российская дипломатия в портретах. М., 1992.
15. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.
16. Семанов С.Н. Макаров. М., 1972.

ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

В начале XX века соединились в одно: безуспешная война на Дальнем Востоке, усугубившая состояние промышленности, неудачная правительственная политика, раскол среди политических сил. Революция началась в Северной столице. Повод был самый заурядный — увольнение четырех забастовщиков, рабочих — «гапоновцев» с Путиловского завода. Начались митинги рабочих, петиции к правительству. 9 января 1905г. рабочие Петербурга, их жены и дети направились к Зимнему дворцу, к царю. Манифестация была расстреляна и сразу же по городам прокатилась волна митингов, демонстраций в поддержку питерских рабочих. Стихия революции охватила страну. Как отмечала газета «Самарский курьер», после 9 января Самара зажила «чисто вулканической жизнью», необычайный подъем охватил все слои населения губернии.¹ Зимой и весной 1905 года многочисленные стачки стали обыденным явлением жизни и уездных, и губернских городов.

В революции 1905 — 1907гг. в первые в истории России на политической арене открыто выступили все классы и социальные слои. Оформились три блока: консервативный (правительственный), который стремился сохранить существующий строй, — либеральный, который добивался ненасильственного реформирования социально — политической системы и революционно — демократический, который выступал за коренную ломку всех структур. Основой политических сил были партии.

Летом 1905г. смута распространилась на армию. 4 июня восстал броненосец «Князь Потемкин Таврический». 11 дней над ним развевалось красное знамя. Отчаянный порыв революционеров в декабре 1905г. подчеркнул силу правительства: эпоха безвластия окончилась.

В Москве, куда сходились основные железнодорожные магистрали страны, 20 апреля 1905г. было заложено начало созданию Всероссийского железнодорожного союза. Центральное бюро союза приняло 6 октября 1905г. решение о начале всеобщей стачки железнодорожников. Сначала прекратилось движение на дорогах Московского узла, а затем и Петербургского. С 15 октября стачка стала всероссийской. Во многих городах бездействовал телеграф, водопровод и освещение, закрылись учреждения, театры и магазины. Повсюду проходили митинги и демонстрации. Самодержавие оказалось в критическом состоянии, и 17 октября 1905г. царь подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором даровал населению незыблемые основы гражданской свободы.

¹ Самарский курьер, 1906, 1 января.

Это был исторический шаг. Самодержавие ограничивало себя в области законодательства. Но это был тот максимум уступок, на которые было способно российское самодержавие.

Манифест не затрагивал экономических проблем и важнейшую из них – о земле. Поэтому начались крестьянские волнения. Революционные партии пытались подтолкнуть крестьян к еще более крупным выступлениям, особенно эсеры. Эсеры создали значительное число крестьянских боевых дружин.

В ноябре правительство перешло в наступление. Закрывались газеты, арестовывались активные комитеты Советов рабочих депутатов. В ответ в Москве на конференции 29 железных дорог было принято решение начать 7 декабря всеобщую политическую стачку с последующим вооруженным восстанием. Но решение было преждевременным. Царское правительство было сильным. Революционное движение приобрело локальный характер. Большевики считали Манифест маневром царского правительства, и оказались правы. Подавив Декабрьское вооруженное восстание в Москве, царское правительство растоптало свои конституционные обещания.

Возникновение парламентских учреждений в России связано с глубочайшими признаками кризиса общества и государства. Позорное поражение России в русско-японской войне обнаружило полное бессилие власти. Возмущенное общество требовало перемен, назревала революционная ситуация.

Исторические материалы свидетельствуют, что Николай II колебался между двумя вариантами выхода из кризиса: военной диктатурой и либеральными реформами. Борьба в царском окружении была жесткой, но в конечном итоге царя склонили к реформам. И немалую роль в выборе сыграл тогдашний премьер России граф Витте С.Ю.

Мысль о реформе Государственного Совета появилась уже в июле 1905г. Но Манифест 17 октября, придавая Думе законодательный характер и расширяя круг ее избирателей, делал задуманную реформу Государственного Совета несостоятельной. 28 октября 1905г. для выработки изменения в действующий Государственный Совет было созвано специальное совещание. В него входили председатель Совета министров С.Ю.Витте, председатели департаментов Государственного Совета, министры и т.д. Результатом работы были акты 20 февраля 1906г., определившие основное содержание реформы Государственного Совета. В делах законодательных Государственному Совету были предоставлены равные с Государственной думой права. Ни один закон не мог получить силы без одобрения Государственного Совета и Государственной думы.

Реформа 20 февраля 1906г. оказывалась единственным способом сохранить Государственный Совет как фактор законодательства, а также, не допуская непосредственно

противостояния Думы, царю обеспечить возможность парализовывать всякую угрозу со стороны Государственной думы.

В Государственном Совете были назначенные царем лица и выбранные представители от губернских и земских собраний, съездов землевладельцев, дворянских обществ, Академии науки и университетов, торгово – промышленных предприятий - всего 98 человек. Выборы были тайные. Таким образом были предопределены позиции правительства в будущем на Государственную думу.

Манифестом 20 февраля 1906 года Госсовет был преобразован во вторую законодательную палату с правом вето на решения Государственной думы. Из ведения Государственной думы изымалась значительная часть государственного бюджета. Причем, император сохранял всю полноту власти по управлению страной через ответственные только перед ним министерства. Все это превращало Государственную думу в фактически безвластный орган. Выборы в Государственную думу были проведены в феврале – марте 1906 года в обстановке правительственных репрессий и начала спада революционного движения, поэтому и бойкот большевиками выборов в Государственную думу не удался.

Новые основные законы Российской империи, опубликованные до открытия Думы, оставили за царем право издания указов без ее одобрения, что противоречило обещаниям Манифеста 17 октября. Тем не менее некоторое ограничение самодержавия было достигнуто, так как Государственная дума получила право законодательной инициативы и должна была утверждать государственный бюджет.

В апреле 1906 года начала работать I Государственная дума. Председателем Думы стал Муромцев С.А.

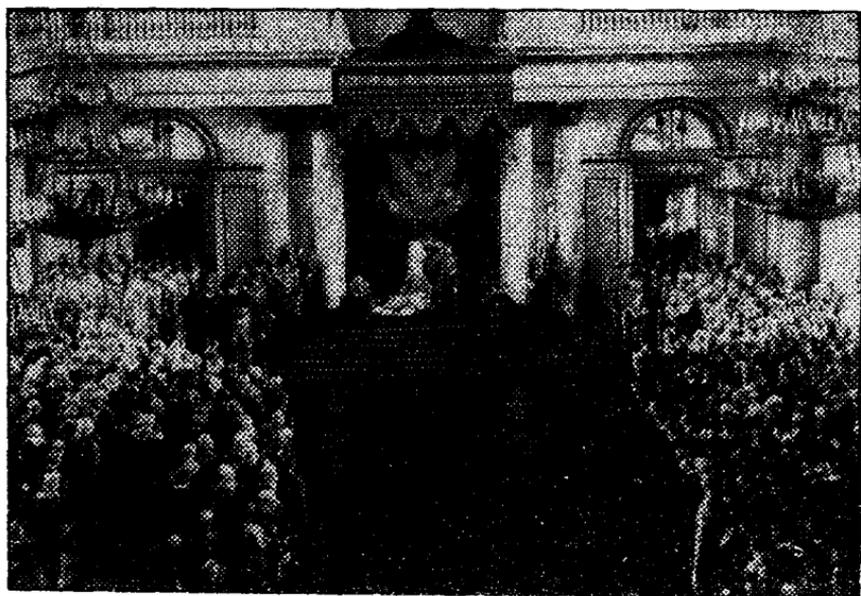
Несмотря на очевидную слабость парламента, его первые действия вызвали горячую волну одобрения и надежд. Так, депутат – первый думец И.Петрункевич отмечал: «С этого момента Россия вступила на конституционный путь, и никакие препятствия, которые она встретит на этом пути, не помешают ей осуществлять конституционный строй во всей его полноте».

27 апреля 1906г., в день открытия Думы, перед депутатами с тронной речью выступил Государь, призвавший к сплочению в работе на пользу родине и обещавший быть гарантом гражданских прав и свобод: «Да знаменуется день сей отныне днем обновления нравственного облика земли Русской, днем возрождения лучших ее сил... Я же буду охранять непоколебимыми установления, Мною дарованные...».

В ответ Государственная дума приняла обращение к царю, в котором обрисовала важнейшие вопросы, подлежащие решению и программу своей законодательной деятельности.

Председатель
Государственной думы
С.А.Муромцев и председатель
клуба " Народная свобода"
кн.Д.И.Бебутов. 1906г.

Торжественное открытие Государственной думы в Георгиевском зале Зимнего дворца.
27 апреля 1906

«Охваченная единодушным порывом, страна громко заявила, что обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самостоятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительной...». Однако этому не суждено было осуществиться. Да и страну сразу покрыли позором бессудных казней, погромов и заточений. Депутатам первой Думы оставалось только печалиться о неполноте своих «законодательных полномочий».

Важно отметить социальную программу I Государственной думы, в которой вновь подчеркивалось, что «наиболее многочисленная часть населения страны, трудовое крестьянство, с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной жизни... Дума признает столь же неотложным удовлетворение нужд рабочего класса путем законодательных мер, направленных к охране наемного труда... Государственная дума сочтет также долгом употребить все усилия для поднятия народного просвещения и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщем бесплатном обучении».¹

Однако представительная власть в России умышленно создавалась в ослабленной, по существу в протопарламентской форме. Первая Государственная дума мыслилась царем как совещательное учреждение, и лишь в ходе начавшейся конституционной реформы, под давлением демократических сил, ей были приданы определенные (достаточно ограниченные) законодательные полномочия.

Возникшее равновесие в стране было подготовлено тонким политиком С.Ю.Витте, считавшим конституционные уступки единственным средством сохранения самодержавия. В Манифесте было обещано «даровать народу незыблемые гражданские свободы, неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, привлекать к выборам в Государственную думу слои населения, которые были лишены избирательных прав (главным образом рабочие и городская интеллигенция), признать думу законодательным органом, без одобрения которой никакой закон не может войти в силу». В соответствии с Манифестом 17 октября был проведен формальный пересмотр «Основных государственных законов», хотя это отражало эволюцию самодержавия в сторону буржуазной монархии. Законодательные права Государственной думы оказались ограничены требованием обязательного утверждения законов царем, что признавало по-прежнему его неограниченную власть.

Бюджетные компетенции думы ущемлялись правом царя на чрезвычайные военные расходы и займы. Самодержавная исполнительная власть – верховное управление страной, назначение и смещение правительства, ответственность только перед императором –

¹ Государственная дума. 1906 – 1917: Стенографические отчеты. М.: Фонд «Правовая культура». 1995. Т.1. С.59–60.

фактически укрепились. Реформирование исполнительной власти в России началось раньше. 19 октября 1905г. была осуществлена реорганизация высшей исполнительной власти. Новое правительство стало называться Советом Министров, возглавил который С.Ю.Витте. Министерством внутренних дел вместо А.Г.Булынина стал П.Н.Дурново. Началась работа по подготовке нового избирательного права.

В октябре 1905г. в правящих кругах выделились две позиции на существующую в стране ситуацию:

- сторонников военного подавления выступающих народных масс;
- сторонников радикальных реформ, правда в сочетании с репрессивными методами.

Сторонники реформ связывали свои надежды с фигурой энергичного и ловкого С.Ю.Витте, т.е. с именем «человека приобретшего для своего отечества мир внешний». Естественно, это приводило на мысль и решение задачи внутреннего успокоения и наделения государства прочным внутренним миром.¹ Но психологическая обстановка вокруг него была непростой. Он предвидел нападку и слева, и справа. В конечном итоге С.Ю.Витте решился возглавить начатые преобразования в России.

С.Ю.Витте понимал, что Николай II добровольно на радикальные реформы не пойдет, поэтому старался заручиться поддержкой в кабинете министров. После анализа ситуации в стране Витте пришел к выводу, что есть два выхода:

- подавление любого противодействия правительству;
- начать уступки общественному мнению и вступить на путь конституционный.

Он старался убедить царя в том, что конституция никакой опасности не представляет и совместима с сохранением императорской власти. Причем, С.Ю.Витте считал, что государственная власть должна сама встать во главе требований умеренно – оппозиционных кругов. Платформой, способной объединить правительство с обществом, С.Ю.Витте считал осуществление демократической свободы. Он предлагал расширить круг избирателей, отказавшись от обязательств имущественного ценза. Государственной Думе он не очень-то доверял. Местные власти должны были подчиняться центральному правительству.

С.Ю.Витте набрасывал общую программу деятельности правительства в рабочем, аграрном и национальном вопросах, которые сгладили бы имеющиеся в обществе противоречия. Сущность проекта С.Ю.Витте заключалась в сделке с либеральной буржуазией, что привело бы к ослаблению революционного натиска.

Правительство, сознавая необходимость реформ, вынуждено было принимать меры и прежде всего провести новую аграрную реформу. Этот вопрос назрел в 90-е годы XIXв. Еще в

¹ Игнатьев А.В. С.Ю.Витте – дипломат. М.,1989. С. 248 .

1902г. указом Николая II было создано особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с министром финансов С.Ю.Витте. Повсеместно были образованы уездные и губернские комиссии для изучения аграрного вопроса. Этим же вопросом занимались и комиссия министерства внутренних дел. Проекты, предложенные правительству, дополняли основные элементы реформ XIX века: это разрешение выхода крестьян из общины и передача им земли в частную собственность.

Программу по аграрному вопросу ВиттеС.Ю. составлял исходя из противоречивых установок Николая II, данных им в манифесте от 26 февраля 1903 года и в указе Сенату от 8 февраля 1904г. Согласно им, в основу трудов комиссии должен быть положен принцип сохранения неприкосновенности общины и незыблемости наделного землевладения, а с другой стороны, — «изысканы способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины». Видимо, это не очень смущало ВиттеС.Ю., так как в сословной обособленности наделного землевладения он видел наилучший способ сохранения мелкой собственности. Неприкасаемость же общины он трактовал как запрещение любых способов насильственного воздействия на выход из общины, так и принудительного удерживания в ней ее членов.

Деятельность Витте - особая страница в истории России. Как писал один из его современников, «граф С.Ю.Витте до такой степени крупная фигура, сильный творческий ум, твердая воля, богатая концепция и неуклонная энергия, что он сыграл бы, без сомнения, огромную роль в жизни любого государства».¹ Витте был символом целой эпохи. В 1915г. «Русские ведомости», оценивая его деятельность, писали: «Целая эпоха нашей финансовой и экономической истории связана с его именем. Эпоха столь богатая мероприятиями, что, просматривая только перечень их, удивляешься, как могло хватать инициативы и нервной силы одного руководящего человека для осуществления их».²

ВиттеС.Ю. хотел построить капитализм в России. Прекрасный организатор, прагматик и человек здравого смысла, он повимал свое значение в решении сложных государственных задач. Но общество не сумело оценить его. С.Ю.Витте любили и ненавидели, но восхищались почти все окружающие.

Сам он так оценивал свою роль в государственной политике: «Покуда я устраивал финансы империи и не упрочил ее кредит до степени, соответствующей великой державе, на что я употребил одиннадцать лет упорного труда, хотя часто шел против течения и гладил против шерсти, меня переносили; когда увидели, что финансы упрочены, а между тем я назвал настоящим именем (ребячеством) дальне-восточную авантюру и всячески удерживал от

¹ Манжурина Т. «Если бы у меня был такой министр» // Мир музея. №6. 1999. С.11.

² Манжурина Т. Там же.

последних приступов этого ребяческого бешования, приведшего к войне, меня от деп[рессии] уволили».¹

Осуществлять свою деятельность Государственной думе пришлось в сложных условиях. Вместо содействия правительство практически бойкотировало Думу. Члены думы, не имевшие в своем распоряжении ни канцелярий, ни накопленных временем материалов, полагались только на собственные силы и познания и данные, которые им удавалось добыть при изучении отдельных вопросов.

После первой волны ликования по поводу избрания парламента вскоре пришли усталость, раздражение и неверие в преобразования. Скорых изменений не произошло. I Государственная дума не оправдала ожиданий царского правительства. Она просуществовала всего 72 дня, и приняв ни одного закона. Взаимоотношения государственной власти и I Государственной Думы сразу не сложились. И как очень образно и точно охарактеризовал либерал В.А.Маклаков сложившуюся ситуацию: «Винovat на самом деле тот ров, который к этому времени уже был между властью и страной, то недоверие друг к другу, отсутствие общего языка, которое мешало совместным действиям».² А 9 июня 1906г. Дума была распущена, так как депутаты «уклонились не в принадлежавшую им область». Почти все двести перводумцев (в основном кадеты и трудовики) призвали народ к пассивному сопротивлению, а революционные организации (эсеры и социал-демократы) подписали воззвание «К армии и флоту» и «К крестьянству», призывая к восстанию. Почти все политические силы хотели не преобразования, а упразднения Государственного Совета. Однако правительству важно было для борьбы с Думой не просто уравнять Государственный Совет в правах с Думой, а обеспечить ему преимущество – сделать его «верхней палатой». И разгон первой Думы был осуществлен в лучших традициях полицейского государства. В пятницу министр внутренних дел П.Столыпин дважды телефонировал председателю Думы о своем желании выступить на ее заседании в понедельник. А в ночь с субботы на воскресенье на заседании правительства было принято решение о роспуске Думы. Многие депутаты были уверены, что своим «хитрым ходом» правительство стремилось мистифицировать Думу, отвлечь ее внимание от мысли о возможном роспуске, чтобы не дать ей приготовиться, ибо правительство знало, что все оппозиционное большинство Думы решило собраться в Таврическом дворце и не оставлять его, если весть о роспуске будет получена заблаговременно.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х томах. Т.3. М., 1960. С.354.

² Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. №3 – 1999. С. 76.

В ночь на 9 июля 1906 года указ о роспуске Думы был доставлен в Таврический дворец и расклеен на входах во двор, ворота были заперты, к ним была приставлена стража. Председатель Думы не был уведомлен об указе и узнал о роспуске тогда же, когда узнали об этом все депутаты.

Роспуск Думы был проведен с грубыми нарушениями действовавшего законодательства. Указ о роспуске Думы не был скреплен подписью ни одного из министров правительства. Таким образом, не оказалось ни одного должностного лица, которое бы взяло на себя ответственность за данный акт. Вопреки закону одновременно с роспуском Думы не были назначены новые выборы.

Российское общество встретило указ о роспуске Думы безразлично, за исключением выступивших нескольких групп смельчаков, которые были рассеяны внутренними войсками. Правительство не отдавало себе отчета в значении роспуска Думы. Но внутренний мир России был глубоко нарушен.

Народ, не достигший власти, и власть, не вернувшая себе народа, обрекались на ряд столкновений, в которых должны были пострадать не одни их виновники. Вновь вспыхнули беспорядки в Севастополе, Кронштадте и Свеаборге, которые кончились казнями. Усилились забастовки, все промышленные центры были охвачены волнениями, усилилось и брожение в деревне, в среде чиновников, городской буржуазии и т.д.

Власть широко пользовалась введением усиленной охраны, военного и даже осадного положения. Не только по большим городам, но и в провинциях были учреждены временные генерал-губернаторства, что привело к полнейшей анархии. Россия очень скоро стала неорганизованной группой самостоятельных областей. Роспуском Думы старая власть окончательно дискредитировала себя. Назначенный Председателем Совета министров России 8 июля 1906 года П.А.Столыпин взялся за претворение в жизнь новых проектов. 25 августа 1906г. П.А.Столыпин опубликовал обширную программу реформ. Однако Государственный Совет и часть министерства считали невозможным проводить реформы без Государственной думы. Но П.А.Столыпин сумел убедить в ее быстрейшем осуществлении и настоял на проведении реформ путем указов царя в порядке 87 статьи основных законов.

При выборах II Государственной думы было урезано право от рабочих и крестьян участвовать в них. Тем не менее II Государственная дума (февраль – июнь 1907г. – председатель Ф.А.Головин) оказалась более левой, чем первая. Левый блок (трудовики, эсеры и социал-демократы) составлял 43%. Главным вопросом, как и раньше, был аграрный. Представленные проекты аграрных программ были противоречивыми. А проекты

принудительного отчуждения помещичьей земли напугали правительство. Было принято решение ее распустить.

3 июня 1907 года одновременно с Манифестом о роспуске II Государственной думы был опубликован новый избирательный закон. Издание закона по одной только воле правительства явилось прямым нарушением Манифеста 17 октября 1905г. Поэтому 3 июня считается последним днем революции 1905 – 1907 гг.

Главной задачей реформ Столыпина П.А. было повышение благосостояния крестьянства путем развития сельского хозяйства и создания мощного слоя защиты крестьян, опоры российской государственности и правопорядка. Основное содержание – разрешение выхода крестьян из общины с одновременным укреплением их наделов в частной собственности. Причем, условия и база для реформы уже были созданы.

«Во второму десятилетию XXв. вместе с промышленным подъемом, усилением товарного обращения... шел довольно значительный процесс интенсификации и подъема сельского хозяйства... дифференциации деревни, с выделением крепкой, хозяйствующей мелко – и средне-буржуазной верхушки» – как отмечал П.И. Лященко.¹

В результате начатых реформ в 1909 году после длительного застоя в России начался новый промышленный подъем, характер которого определялся развитием сельскохозяйственного производства, ростом городов, повышением уровня технической оснащённости и энерговооружённости промышленности. В 1909 – 1913 годах промышленное производство увеличилось почти в полтора раза благодаря возросшим военным заказам.²

В годы предвоенного промышленного подъема организационные формы монополизации народного хозяйства России приобрели зрелый характер и складывалась система российского финансового капитала.

Создавались монополистические объединения, основанные на «системе участков» – тресты и концерны. Усилилось стремление вновь учреждавшихся обществ получить право приобретения акций других предприятий. Этим правом, которое предоставлялось царскими властями до 1910 года, обладали лишь единицы компаний, а за четыре предвоенных года его добились более ста компаний.

Особая роль в развитии монополий и финансового капитала принадлежала банкам, которые перешли к активному финансированию промышленности.

Например, для утверждения в Российской золотопромышленности Петербургский Международный и Русско – Азиатский банки использовали существующую в Лондоне

¹ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М., 1927. С. 485.

² Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М.: РОССПЭИ, 1997. С.113.

компанию Isena Gold fields, в которой в 1911г. они заняли руководящее положение, вытеснив учредившие ее иностранные группы.

Наряду со значительным расширением своих интересов в промышленности российские банки проявили в предвоенные годы большую активность в возобновившемся учредительстве железнодорожных обществ. Они укрепили и активизировали свои связи со страховыми компаниями и земельными банками.

Развитие железнодорожного строительства было тяжелым бременем для России. Железнодорожные займы составляли в 1907 году 36,7%, а доля затрат на эксплуатацию и строительство государственной сети железнодорожных дорог в расходной части бюджета выросла с 15,8% в 1900 году до 17,3% - в 1913 году.¹ Но интенсивное железнодорожное строительство закладывало основы не только будущего индустриального роста России, но и будущего процветания.

Однако темпы роста промышленного производства имели большие перепады. Это объясняется тем, что в 1900 - 1909гг. Россия пережила одну из самых затяжных в мировой экономической истории депрессий. Но среднегодовой темп за четверть века составлял 4,5 - 5%.² Причем, темпы роста отраслей «А» и «Б» составляли соответственно 70,4 и 34,9%.³

Об этом свидетельствуют данные по экономическому состоянию России в начале двадцатого столетия. По производству промышленной продукции на душу населения Россия находилась на уровне Италии и Испании (правда, уступая во много раз передовым индустриальным странам). Кроме этого сельскохозяйственное производство преобладало над промышленным. Например, в 1905 - 1914 годах на долю России приходилось 20,4% мировых сборов пшеницы, 51,5% ржи, 82,6% льняного волокна. Россия вошла также в число крупнейших производителей яиц и коровьего масла. Но по-прежнему в сельском хозяйстве производство продукции на душу населения было ниже, чем в других аграрно - индустриальных странах. Причем, 9/10 промышленной и земледельческой продукции Российской империи приходилось на ее Европейскую часть.

Продвигаясь по пути индустриального развития за западными странами, Россия имела возможность использовать их технические достижения и опыт машинного производства. Об этом свидетельствует громадный импорт машин. В Россию ввозились из-за границы, главным образом, производственные машины (станки, паровые и электрические двигатели) и заводское

¹ Россия. 1913 год. Статистико - документальный справочник. Спб., 1995. С.156.

² Альб.Л.Вайнштейн. «Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России». М., 1960. С.408.

³ Россия. 1913 год. Статистико - документальный справочник. Спб., 1995. С.42.

Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М.:РОССПЭН, 1997. С.130-131.

оборудование, сельскохозяйственные машины и орудия. Удельный вес продукции отраслей группы «А» в валовой продукции промышленности России поднимался почти до 40%, а в развитых капиталистических странах – не более 1/3. Это свидетельствует в основном о высоких темпах развития страны. Практически накануне первой мировой войны российская промышленность удовлетворяла потребность страны в черных металлах, прокате, паровозах и вагонах, речным судам, стройматериалах и т.п. Она экспортировала за границу сахар, нефтепродукты, пиломатериалы, рельсы, паровозы.

Поскольку темпы индустриального роста страны были очень высоки, импорт машин и оборудования в России свидетельствовал не столько об отсталости, сколько об интенсивности ее преодоления.

Причем, по ряду отраслей, – таких как производство дизель – моторов, теплодвигателей и паровозостроение, Россия вышла на лидирующие позиции в применении научно – технических новаций к серийному производству. Если раньше задачи российской технической мысли сводились к адаптации зарубежных достижений, приспособлению ее к местным условиям, то на рубеже столетий положение изменилось.

В это время начались разработки новых типов паровозов, а потом и серийный выпуск серии «С» и «З», которые прослужили на российских дорогах более полувека.¹

О техническом прогрессе свидетельствовало и освоение и разработка различных модификаций на российских заводах «Людвиг Нобель», Коломенском и др. То есть промышленность развивалась опережающими темпами: на долю индустриального населения, составлявшего 10% жителей страны, приходилось 30% ее национального дохода.

В условиях индустриализации на основе использования зарубежной техники, российские ученые и инженеры большое внимание уделяли приспособливанию техники к современным условиям. К началу XX века подъем промышленности создал предпосылки для развития российской технической мысли. В 1907г. на конкурсе на поставку паровозов для румынских железных дорог Коломенскому и Луганскому заводам удалось потеснить берлинскую фирму «Борзинг» и получить часть заказа.

Впечатляющими были успехи и в самолетостроении. В 1912–1913гг. Русско – балтийский завод приступил к производству крупных многомоторных самолетов конструкции И.Сикорского – «Русский витязь» и «Илья Муромец».

¹ Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М.:РОССПЭН, 1997. С.130-131.

С ликвидацией в ходе столыпинской аграрной реформы определенных диспропорций между интенсивностью и качеством экономического развития, Россия могла быть способной выйти из экономических трудностей. Однако этого не произошло.

III Дума оказалась единственной, просуществовавшей весь отведенный ей срок (с 1 ноября 1907 года до 9 июня 1912 года – председателем Думы был М.В.Родзянко). Решающую роль в ней играли октябристы. Хотя кадеты стремились «всеми силами и знаниями вложиться в текущую государственную деятельность народного представительства» – как отмечал один из лидеров партии кадетов П.Н.Милюков.¹ Однако деятельность III Думы наглядно показала, что работать в союзе с конкретно «конституционным» правительством России, для которого настроение царя, как правило, перевешивало мнение всех народных представителей вместе взятых, было сложно. На императора заметное воздействие оказывали силы, крайне правые, противники реформ и сторонники отказа даже от тех положений, которые были продекларированы в Манифесте 17 октября 1905 года и выведены в закон в апреле 1906 года. Поэтому многие проекты и законы Столыпина П.А. остались лишь на бумаге. Видимо поэтому другой лидер кадетов В.А.Маклаков пришел к выводу в 1911 г. о том, что «идея обновления России в союзе Думы с правительством потерпела фиаско».²

Февральский переворот был предопределен весной 1915 г., когда стало ясно, что неудачи русских войск были в основном из-за неподготовленности России к войне. Государственная власть была неспособной сохранить сотрудничество с народом.

Революция 1905 – 1907 годов и контрреволюционная эпоха 1907 – 1914 годов привели к отрицанию монархической власти. Анализ деятельности IV Государственной думы, особенно в период 1916 – начала 1917 гг., позволяет сделать вывод, что Февральскую революцию в немалой степени спровоцировала сама Дума, которая с победой революции связывала свои надежды на установление в России республиканского правления по примеру некоторых европейских стран. Радикально настроенные депутаты, вошедшие в состав Временного правительства, когда обнаружили, что в правительстве и в политической жизни государства усилились позиции социалистических элементов, стали покидать свои посты и сходило с арены политической жизни России. Как отмечал сам П.Н.Милюков, корни Февральской революции лежат в прошлом истории России и связаны прежде всего со слабостью российской государственности и преобладанием в стране «безгосударственных» и анархических элементов. Среди множества революционных фактов, по мнению П.Н.Милюкова, «особую физиономию» занимала первая

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 12.

² Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. № 3 – 1999. С. 66.

мировая война.¹ Нельзя не согласиться с выводом историка Смирнова В.С.: «Россия была нищенской страной с отсталой, по меркам развитых стран, экономикой, но она вышла на траекторию здорового экономического роста, и катастрофа 1914 года, и всего, что за этим последовало, прервало развитие России на взлете».² Февральская революция и отречение императора Николая II нарушили замедленный ход исторических событий в России. Впервые открылась реальная возможность изменить старый уклад жизни и выйти на путь ускоренного социально – экономического и политического развития по примеру Европейских стран.

Библиографический список

1. Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897 – 1914 // Очерки истории финансовых отношений. Л.,1970.
2. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.,1991.
3. Бородин А.И. Реформа Государственного Совета 1906г. / Вопросы истории. №4-5. 1999. С. 82 – 91.
4. Боханов А.Н. Буржуазная пресса и крупный капитал. М.,1984.
5. Боханов А.Н. Русский Бисмарк. // Родина. №2. 1996.
6. Бродель Ф. Динамика капитализма. /Пер. с франц. Смоленск, 1993.
7. Волобуев П.В. Монополистическая буржуазия и временное правительство // Монополии и иностранный капитал в России. Л.,1962.
8. Ганелин Р.Ш. 25 февраля 1917г. в Петрограде. // Вопросы истории. 1998. №7. С. 94 – 109.
9. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформа и революция. Спб. 1991.
10. Зырянов П.М. Петр Столыпин: политический портрет. М.,1991.
11. История железнодорожного транспорта России. М.; Спб., 1994. Т.1.
12. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М.,1989.
13. Кузнецова Н.П. Экономический рост в историческом контексте. Спб., 1996.
14. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М.,1998.
15. Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л.,1984.
16. Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Петроград. 1917.
17. Лейберов И.П. На штурм самодержавия. М.,1979.
18. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Т.9
19. Лядченко П.И. История народного хозяйства СССР. Изд.3. Т. 2,3. М.,1952

¹ Искандеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. №9 – 1999, С. 117.

² Смирнов В.С. Экономика предреволюционной России а цифрах и фактах // Отечественная история, №2. 1999. С.3.

20. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М.: РОССПЭН, 1997.
21. Победоносцев К.Г. Великая ложь нашего времени. М., 1993.
22. Павленко Н.И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы истории. 1996. №11.
23. Рынок и реформа в России: политические и теоретические предпосылки. М., 1995.
24. Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929.
25. Рабочий класс от зарождения до начала XX в. М., 1989.
26. Россия. 1913 год: Статистико – документальный справочник. СПб, 1995.
27. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское крестьянство в XIX – XX вв. СПб., 1998.
28. Смирнов В.С. Экономика предреволюционной России в цифрах и фактах // Отечественная история. №2 – 1999. С. 3-12.
29. Сироткин В. Граф С.Ю. Витте – цивилизованный индустриализатор страны. /Свободная мысль. 1992. №18.
30. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966.
31. Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). М., 1995.
32. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете 1906 – 1911 гг. М., 1991.
33. Степанов А.И. Место России в мире накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. №2. С. 156 – 163.
34. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века. М., 1978.
35. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.
36. Чунтулов В.Т. Экономическая история СССР. М.: Высшая школа. 1987.
37. Шухов Н.С., Фрейдлин М.П. Математическая экономия в России. 1865 – 1995. М., 1996.
38. Шульгин В.В. Дни 1920. М., 1990. С. 272 – 274.
39. Хорос В. С.Ю. Витте: судьба реформатора // МЭ и МО. №10. 1998.

«СНАЧАЛА УСПОКОЕНИЕ, А ЗАТЕМ РЕФОРМЫ»

Русско-японская война 1904-1905 гг. не стала той «маленькой победоносной войной», на которую рассчитывало царское правительство. Напротив, неудачи на Дальнем Востоке приблизили события, вошедшие в историю под именем первой русской революции. Николай II и его окружение оказались не готовыми к подобному повороту событий. Волна стачек и забастовок прокатилась по стране: бастовали рабочие государственных и частных предприятий, бастовали учащиеся и студенты, бастовали даже государственные служащие и чиновники. Деревню захлестнули массовые волнения и бунты, не менее «бессмысленные и беспощадные», чем во времена Пугачева. В армии, и особенно во флоте, вспыхивали восстания солдат и матросов.

В это бурное и мятежное время в русский язык властно вошло страшное слово «террор». И трагическая нелепость тогдашней действительности состояла в том, что слово это среди подавляющего большинства русского общества получило яркое положительное звучание. «Террорист» стало синонимом «героя». Ведь отважные и благородные террористы боролись с ненавистным всем самодержавием. И сотни юношей и девушек ради этой борьбы «с радостным сознанием большой и светлой жертвы» готовы были проливать кровь. Не только свою, но и прежде всего чужую. Кровь царских сатрапов. Рефреном к деятельности молодых «бомбистов» и «метальщиков» стали строки Н.А. Некрасова:

Иди в огонь за честь Отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

В прозе жизни эти поэтические метафоры оборачивались разорванными бомбами на куски человеческими телами. Телами не только террориста и его жертвы, но и случайных прохожих. Однако представителей революционных партий это мало смущало. Почти все они считали индивидуальный террор одним из важнейших средств достижения своих целей.

Среди других революционных партий, наиболее последовательно применявших террор, особо выделялась партия социалистов-революционеров - эсеров. На счету боевой организации этой партии были такие громкие теракты, как убийство министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, убийство великого князя Сергея Александровича, целый ряд покушений на военных губернаторов и полицейских чинов. Казалось, еще немного - и растерявшееся правительство сдастся, пойдет на удовлетворение всех требований своих политических противников. Русское законодательство было не готово противостоять такому

напору насилия, особенно в условиях разрастающейся революции, когда смертные приговоры только подливали масла в огонь. Поэтому убийцы Плеве, которых судил суд присяжных, отделались сравнительно легко: каторжные работы вместо повешения. А готовившие, но не успевшие совершить покушение на генерала Трепова боевики были просто отпущены на свободу.

По совету будущего премьер-министра С.Ю.Витте, чтобы расколоть оппозицию, царь подписал Манифест 17 октября 1905 года - обещание возможной в будущем Конституции. Народу было даровано право выбрать себе Государственную Думу. Оппозиция ликовала. Даже руководство партии эсеров объявило о временном прекращении террористической деятельности. Но боевики-практики, сызанные своей и чужой кровью, отказались подчиниться решению теоретиков из ЦК. Единственным средством борьбы они считали террор, а борьба еще не закончена. Так покivilась на свет партия эсеров-максималистов.

Уступчивость Витте не дала положительных результатов - революция продолжалась. Чтобы удержаться на троне, Николаю требовалась сильная личность, человек, способный справиться с разбушевавшейся стихией, справиться в новых, совершенно непривычных условиях существования «народного представительства». Таким человеком стал 44-летний саратовский губернатор Петр Аркадьевич Столыпин. За день до открытия I Государственной Думы, 26 апреля 1906 г., он был назначен на ключевой пост министра внутренних дел.

В лице Столыпина самодержавие приобрело убежденного и умного защитника монархической идеи. Новый министр искренне хотел сохранить существующее государственное устройство Российской Империи, но прекрасно понимал, что в сложившихся условиях это невозможно. Чтобы поддержать пошатнувшийся трон, необходимо создать ему новую опору - класс крестьян-собственников. И без реформ здесь не обойтись. Однако реформы правительство должно проводить по своей собственной инициативе, а не под давлением радикальных и экстремистских сил. Поэтому вся деятельность Столыпина будет определяться формулой: «Сначала успокоение, а затем реформы».

Новый министр внутренних дел сразу сумел выгодно отличаться от своих коллег. Царские министры не любили ходить в Думу. Они привыкли к чинным заседаниям в Государственном совете, где сияли золотом мундиры и ордена, где можно было расслышать даже полет мухи. В Думе все было иначе: здесь смешивались сюртуки, пиджаки, рабочие косоворотки, крестьянские рубахи, священнические рясы, в зале было шумно, с мест раздавались выкрики, а когда на трибуне появлялись члены правительства, начинался невообразимый гвалт - это называлось модным словом «обструкция». С точки зрения министров, Дума представляла из себя безобразное зрелище. Из всех министров не терялся там только Столыпин. Выступая в

Думе, он говорил твердо и корректно, хладнокровно отвечая на выпады левых депутатов («Не запугаете», «Вам нужны великие потрясения, нам же нужна Великая Россия»)¹. Это не очень нравилось Думе, зато нравилось царю, которого раздражала беспомощность его министров. Поэтому спустя 72 дня после своего назначения на министерскую должность, Столыпин становится главой правительства. Пост премьер-министра он получил 8 июля 1906 г. одновременно с роспуском I Государственной Думы.

Положение нового премьера было сложным. Разгон Думы явно не прибавил ему популярности. А тут еще матросские восстания в Свеаборге и Кронштадте, восстание команды на крейсере «Память Азова», новый всплеск аграрных волнений в деревне. И все это сопровождалось убийствами офицеров, государственных служащих и помещиков. Восстания подавлялись, тюрьмы были переполнены. Вот здесь-то гражданская юстиция и зашла в тупик. По своим деяниям арестованные заслуживали смертной казни, но в гражданском законодательстве ее не существовало. Представители правых требовали от правительства «скорорешительных» военных судов, в арсенале которых высшая мера была предусмотрена. Слева радикалы бросали в народ лозунги: «Бей! Бей покрепче!». Новый премьер оказался на распутье.

В то же время руководство эсеров-максималистов приняло свое решение: «Разгон Думы и восстание во флоте создали атмосферу, в которой планомерная система террора может еще поднять ниспадающую волну революции». Премьер-министру был вынесен смертный приговор. Действовать решили наверняка - были изготовлены три мощных бомбы, начиненных 6-6,5 кг динамита каждая. Возможные случайные жертвы не остановили максималистов. «Решение принести в жертву посторонних лиц далось нам после многих мучительных переживаний, однако, принимая во внимание все последствия преступной деятельности Столыпина, мы сочли это неизбежным».²

12 августа 1906 г. в четвертом часу дня к даче премьер-министра на Алтекарском острове в Петербурге подкатило роскошное ландо, в котором находились два жандармских ротмистра и человек в штатском. Это были боевики-смертники И.М.Тилунков («Гриша»), Э.Забельшанский («Француз») и Н.И.Иванов («Федя»). В руках у них были увесистые портфели. Несмотря на субботний день, приемная премьера была полна народа. Запись на прием закончилась четверть часа назад, однако «офицеры» решительно потребовали, чтобы швейцар открыл им дверь. Опоздание, с которым «жандармы» явились на прием, и то, что они были в зимних головных уборах, заставило швейцара поднять тревогу. Оттолкнув его с дороги, максималисты вбежали в

¹ Зыранов П.Н. П.А.Столыпин / Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С.56.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С.173.

переднюю и с криком «Да здравствует революция!» бросили свои портфели оземь - раздался страшный взрыв.

Взрыв был настолько мощным, что вылетели окна и обвалилась штукатурка в зданиях на другой стороне Невы. Дача же премьера была превращена в руины. Вот что писал об этом очевидец: «Когда мне удалось пройти через кордон солдат к даче министра, я увидел страшную картину разрушения. Всюду валялись обломки... Весь передний фасад дома был буквально разворочен взрывом... Из-под обломков спасали раненых, выносили трупы убитых... Ужас был написан на всех лицах...». При взрыве погибло 27 человек, свыше 30 получили ранения.¹ Среди раненых оказались 3-х летний сын Столыпина Аркадий и его 14-летняя дочь Наташа. Другая дочь Петра Аркадьевича, Мария, вспоминала: «Наташа была ранена очень серьезно, и страшно было видеть, когда ее переносили, это безжизненно лежащее тело с совершенно раздробленными ногами и спокойное, будто даже довольное лицо. Не издавала она ни одного звука: ни крика, ни стога, пока не переложили ее на кровать. Но тогда она закричала и кричала уже все время, - так ее в больницу и увезли, - кричала так жалобно и безнадежно, что мороз по коже проходил от крика этой четырнадцатилетней девочки. А у Ади (Аркадий, сын Столыпина - С.Ж.) были раны на голове и перелом ноги, и все последующее время бедный ребенок очень страдал больше от нервного потрясения, чем от ран. Он несколько дней совершенно не мог спать: только заснет, как снова вскакивает, с ужасом озирается и кричит: «Падаю, падаю».² Единственной комнатой, которая не пострадала, был кабинет Столыпина, где он в момент взрыва и находился.

Организатор взрыва на Аптекарском острове М.И.Соколов («Медведь») остался тем не менее доволен: «... я вполне удовлетворен. Эти «человеческие жизни»? Свора охранников, их стоило перестрелять каждого в отдельности... дело не в устранении Столыпина, а в устрашении, они должны знать, что на них идет сила. Важен размах. ...Каменную глыбу взрывают динамитом, а не расстреливают из револьвера».

Ужас, пережитый при виде окровавленных детей, уничтожил все моральные колебания Столыпина. «Я стал другим человеком», - так говорил он сам и так считали окружающие. 19 августа 1906 г. в чрезвычайном порядке, по 87-й статье Основных законов, был принят указ о военно-полевых судах. Рассмотрению этих судов, говорилось в законе, подлежат такие дела, когда совершение «преступного деяния» является «настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Судопроизводство должно было завершиться в пределах 48 часов, а

¹ Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 20.

² Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. С.7.

приговор по распоряжению командующего округом исполнялся в 24 часа. Тем самым радикалы и экстремисты всех мастей предупреждались: правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу.

Либералы забили тревогу: закон явно нарушал права человека. Имя Столыпина напрямую связали с виселицами («стольпинские галстуки») и поремными вагонами («стольпины»). Военно-полевые суды окрестили «скорострельными». Но премьер-министр остался тверд: «Государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада.. Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна». В порядке самообороны правительство полномочно «приостанавливать все нормы права».¹ Но делать это надо было не теряя времени, так как без одобрения Думы закон мог действовать только в течение шести месяцев.

Широкомасштабное применение этого закона началось сразу же после его опубликования. За время его действия смертные приговоры были вынесены 1102 раза,² и не малая их часть приходилась на долю эсеров-максималистов. В октябре правительство произвело массовые аресты боевиков, причастных к экспроприациям в Петербурге и к покушениям в Одессе. В конце 1906 года пришел черед и самого «Медведя». 2 декабря под усиленным конвоем на специальном поезде М.И.Соколов был доставлен в Лисий Нос и там повешен. Потеря своих вождей парализовала всякую энергию, всякую возможность что-либо делать рядовых членов организации. Часть из них направилась в Финляндию, часть - за границу, а некоторые на юг России. «Этот отъезд, - вспоминал очевидец, - напоминал собою повальное бегство под натиском невидимого неприятеля».

В течение года Столыпину удалось реализовать первую часть своей программы: к лету 1907 года революционные волнения в России прекратились и страна получила долгожданное успокоение. Пришло время вплотную приступить к реформам. 9 ноября 1906 года был издан указ, имевший скромное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». В дальнейшем, дополненный и переработанный в III Думе, он стал действовать как закон 14 июня 1910 года. 29 мая 1911 года был принят закон «О землеустройстве». Эти три акта составили юридическую основу серии мероприятий, известных под названием «стольпинская аграрная реформа».

¹ Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 23.

² Представляется интересным сравнить цифры подвергшихся репрессиям революционеров - 2825 человек за 1906-1909 год, и цифры жертв революционного террора - около 17 тысяч человек за 1901-1911 гг. См. Гейфман А. «Убий!» // Родина. 1994. № 1. С. 25-26.

По мнению Столыпина модернизация страны требовала трех условий: первое - сделать крестьян полноправными собственниками своей земли, чтобы наиболее «крепкие и сильные», освободившись от опеки общины, могли обойти «кубогих и пьяных»; второе - осуществить всеобщее обучение грамоте в обязательной для всех четырехлетней начальной школе, ибо только грамотность поможет распространению сельскохозяйственных знаний, без которых не может появиться класс настоящих фермеров; и третье - необходимо было добиться усиленного роста промышленности, подкрепленного развитием внутреннего рынка.

Таким образом, разрушение крестьянской общины стало первоочередной задачей Столыпина. Власти всячески способствовали дроблению и обособлению крестьянских хозяйств путем выхода их из общины. Если хозяйство оставалось на территории села, оно получало название отруба, если оно находилось вне его пределов - хутора. Государство, через посредничество Крестьянского банка, помогало крестьянам в приобретении земель, перепродавая им в кредит земли, ранее скупленные у помещиков, или бывшие государственные. Помимо чисто экономических последствий, следует учитывать и немаловажный полицейско-охранительный подтекст подобных мероприятий: «Совместная жизнь крестьян в деревнях облегчала работу революционеров». Между 1905 и 1914 гг. из 12,3 млн крестьянских дворов 1265 тыс. (10,3%) стали владеть своей землей на праве частной собственности.¹ Этого было, конечно, недостаточно для того, чтобы навсегда отвести от России угрозу новой революции. Столыпин прекрасно понимал, что для полного успеха его преобразований требуется время. Он говорил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Но парадокс положения Столыпина состоял в том, что успокоение народа успокоило царя и его окружение. Урок первой русской революции ничему не научил Николая II, и реформы казались ему теперь излишними. Столыпин сделал свое дело - Столыпин может уйти.

«Каждое утро, когда я просыпаюсь и творю молитву, я смотрю на предстоящий день как на последний в жизни и готовюсь выполнить все свои обязанности, уже устремляя свой взор в вечность. А вечером, когда я опять возвращаюсь в свою комнату, то говорю себе, что должен благодарить Бога за лишний дарованный мне в жизни день. Это единственное следствие моего постоянного сознания близости смерти как расплаты за свои убеждения. И порой ясно чувствую, что должен наступит день, когда замысел убийцы наконец удастся».² После взрыва на Аптекарском острове в августе 1906 года П.А.Столыпина, премьер-министра Российской

¹ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 89.

² Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. С.189.

Империи, постоянно не покидало чувство смертельной опасности. В портфеле он носил маленький стальной лист, чтобы можно было загордиться им от пули как щитом. Одиннадцать покушений совершат на него революционеры-террористы. Но смерть к Столыпину придет совсем с другой стороны, хотя он предчувствовал и это. Не случайно же в откровенном разговоре незадолго до гибели он признался: «Меня убьют, и убьют члены охраны».

По своим убеждениям Столыпин был монархистом, но монархистом не узколобым. Стремясь сохранить самодержавие, он прекрасно понимал, что в условиях XX века оно нуждается в новой, более широкой, чем помещичье дворянство, опоре. Целью политики, известной как «стольпинская аграрная реформа», и было создание такой опоры - широкого класса крестьян-собственников. Крестьянин, работающий на своей земле и заинтересованный в результатах своего труда, никогда не пойдет бунтовать.

Оппозиция слева (революционеры-радикалы, для которых было выгодно положение «Чем хуже - тем лучше», ибо оно приближало революцию) с тоской наблюдали за успехами нового правительственного курса. В.И. Ленин, например, писал: «Если так будет продолжаться - это вынудит нас отказаться от всякой аграрной программы». Но парадокс ситуации состоял в том, что реформаторский курс Столыпина вызывал резкое неприятие и у крайне правых, в первую очередь у ближайшего окружения царя. Особую нелюбовь питала к Столыпину жена Николая II императрица Александра Федоровна: ей казалось, что властный премьер затмевает ее любимого Ники. В начале 1911 года эта нелюбовь превратилась в настоящую ненависть. Гнев императрицы Столыпин навлек на себя тем, что своей властью выслал из столицы небезызвестного Григория Распутина. «Божий человек» был уверен, что положение народного целителя при наследнике-цесаревиче Алексее надежно защищает его от всяких неприятностей со стороны официальных властей. Однако решительный премьер, имевший личную беседу со «старцем», вынудил его «добровольно» уехать из Петербурга. Ослушаться Распутин не посмел.

Обострение отношений премьера с императрицей дало повод правым в Государственном совете в марте 1911 года начать интригу против Столыпина. Ее инициаторами были члены совета В.Ф. Трепов и П.Н. Дурново. Как и все правые, они подозревали Столыпина в тайном демократизме за его активное сотрудничество с III Государственной Думой. Камнем преткновения послужил законопроект о земствах в Западном крае. Новый закон был призван улучшить положение русского населения (под русскими тогда понимались и украинцы, и белорусы) в тех губерниях, где традиционно были сильны позиции польских помещиков. Законопроект был заблокирован Государственным советом (о том, что эти действия были направлены именно против Столыпина, свидетельствует тот факт, что после смерти премьера он не встретил там никаких возражений). Дурново и Трепов могли торжествовать, ведь они

предварительно заручились поддержкой самого царя. Но Столыпин пошел ва-банк. На стол Николаю легло его прошение об отставке.

Может быть, Николай и удовлетворил бы просьбу премьера, поддавшись на уговоры жены и светы. Но в дело вмешалась императрица-мать. Отчитав царя как простого школьника, Мария Федоровна добилась того, чтобы ее сын оставил во главе правительства Столыпина, согласившись на его условия. Законопроект о земствах в Западном крае был проведен в обход Государственного совета по чрезвычайной 87 статье. Дурново и Трепов отстранены от дел. Столыпин мог торжествовать. Но его победа оказалась пирровой. Хорошо осведомленный обо всем, что делалось при дворе, С.Ю.Витте писал: «...Я слышал из достоверных источников, что государь не мог простить Столыпину того издевательства, которое он над ним совершил, представив ему свою отставку вместе с кондициями...» С марта по август 1911 года Столыпин, по его собственному выражению, находился в «полуотставке». Отправляясь в конце августа в Киев на торжества по случаю открытия памятника Александру II, на которых должна была присутствовать и царская семья, Столыпин прекрасно понимал, что это могут быть его последние дни в должности премьер-министра. Но он не знал, что это будут последние дни его жизни.

28 августа 1911 года Столыпин приехал в Киев. Организаторы торжеств сделали все, чтобы оттеснить главу правительства на задний план. Ему не нашлось места в экипажах, в которых следовал император, его семья и приближенные. Ему вообще не дали казенного экипажа, и председателю Совета министров пришлось нанимать извозчика. Окончательно испортило настроение появление на торжествах Распутина. Завидев Столыпина, «старец», к ужасу собравшейся толпы, вдруг завопил: «Смерть за ним! Смерть за ним едет!.. За Петром... за ним...».¹ Косноязычное пророчество имело под собой весьма серьезные основания - в окружении Распутина были люди, просчитывавшие возможные варианты событий. Поэтому его пророчества часто сбывались.

За два дня до этого в охранное отделение города Киева явился 24-летний помощник присяжного поверенного Д.Г.Богров. Начальнику местной охраны подполковнику Н.Н.Кулябко он был известен под псевдонимом «Аленский» и на протяжении последних лет являлся его платным осведомителем. За 100-150 рублей в месяц он доставлял жандармам сведения о местных анархистах и эсерах. Вот и сейчас, 26 августа 1911 года, Богров принес сообщение о том, что знакомый ему по Петербургу видный эсеровский террорист «Николай Яковлевич» предупредил его о своем приезде в Киев и попросил помочь с квартирой, а также

¹ Зырянов П.Н. П.А.Столыпин / Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С.75.

узнать приметы Столыпина. Информация сильно заинтересовала жандармов. В известность были тут же поставлены обеспечивающие охрану царя и его свиты командир корпуса жандармов генерал П.Г.Курлов, его помощники - вице-директор департамента полиции М.Н.Веригин и начальник дворцовой охраны полковник А.И.Спиридович.

Это была очень сплоченная компания. Спиридович и Кулябко были родственниками, Курлов и Спиридович имели тесные связи при дворе, а Веригину Курлов протектировал по службе. Кроме того, как минимум двое из них - Курлов и Кулябко - были нечисты на руку в обращении с казенными деньгами (чего, как известно, очень не любил премьер-министр). Наконец, Курлов, занимая должность товарища министра внутренних дел, уже давно мечтал о министерском кресле, занятом Столыпиным, и старательно подсиживал шефа. Столыпин также с самого начала искал повод избавиться от чересчур ретивого заместителя, навязанного ему против его воли. Поэтому Богров для четверки жандармов был настоящей находкой.

Позднее все они будут обвиняться в служебной халатности, в непрофессионализме, однако что бы ни говорили о них потом, это были опытные жандармы, «субры» политического сыска. Курлову и компании было прекрасно известно, что Богров «по характеру... крайне замкнутый, способный на самые экстравагантные поступки». Такой вывод подтверждали и перлюстрации его писем. В одном из них, от 1 декабря 1910 года, Богров писал: «Я стал отчаянным неврастеником... В общем же все мне порядочно надоело и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное...»¹. Подобные настроения были тогда широко распространены среди части интеллигентной молодежи, и в зависимости от темперамента, возрений, обстоятельств каждый из таких молодых людей выбирал для себя экстравагантный «подвиг»: кто кончал самоубийством, кто, наоборот, убивал свою любовницу, а кто-то хотел войти в историю, напоследок громко «хлопнув дверью» и обрета общую известность, хотя бы то была известность Герострата. Жандармы оказались тонкими психологами и «филантропами» - они предоставили Богрову возможность «хлопнуть дверью».

На самом деле эсера-террориста Николая Яковлевича не существовало в природе. Охранное отделение могло в этом убедиться, послав запрос в Петербург или установив элементарное наружное наблюдение за квартирой Богрова, на которой тот якобы остановился. Но в течение недели Курлов и компания предпочитали полагаться на сведения «Аленского», а значит только он мог опознать мифического террориста и предотвратить очередное покушение на премьер-министра. С этой целью Богрову был открыт доступ на все мероприятия, где присутствовал Столыпин. Не вызвало возражений Курлова и желание агента присутствовать в

¹ Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 218.

опере на спектакле 1 сентября. В тот вечер давали «Сказку о царе Салтане» Римского-Корсакова.

До начала спектакля Кулябко осведомился у Богрова, что делают террористы, и успокоился, узнав, что они у него дома. Богров занял свое место в 18-м ряду партера. Премьер-министр сидел в первом. Чтобы окончательно убедиться, что сегодня покушения не будет, Кулябко в антракте послал своего агента к нему на квартиру. Через несколько минут Богров вернулся, однако дежуривший у входа офицер отказался впустить его обратно, поскольку его билет был надорван. Только вмешательство Кулябко, в этот момент проходившего мимо, позволило Богрову снова оказаться в театре.

Антракт еще продолжался. Столыпин стоял лицом к партеру, облокотившись о барьер оркестровой ямы. Богров, прикрывая оттопырившийся от браунинга брючный карман театральной программой, подошел к нему и дважды выстрелил с расстояния несколько шагов. Первая пуля задела кисть правой руки, вторая рикошетом от ордена Св.Владимира попала в живот. Столыпин замедленным движением стал расстегивать белый китель, на котором расплывалось кровавое пятно. Лево́й рукой он перекрестил появившегося в ложе царя, неторопливо сел в кресло, уронил голову на грудь и потерял сознание.

Между тем Богров, воспользовавшись суматохой, быстро пробирался к выходу. Его остановили только в дверях, повалили на пол, стали избивать. Лишь вмешательство подполковника Иванова спасло ему жизнь. Окровавленного, с выбитыми зубами Богрова отвели в одно из подсобных помещений театра и допросили. Неожиданно выяснилось, что он - шпательный агент охранного отделения. Следствие велось стремительно, и уже в ночь на 12 сентября он был повешен в Лысогорском форте. Сама торопливость этой расправы вызывала и вызывает недоумение: Ивана Калаяева, убийцу великого князя Сергея Александровича, родного дяди царя - фигуры в придворной иерархии куда более значительной, чем Столыпин, продержали в тюрьме, прежде чем казнить, более трех месяцев. Егор Сазонов - убийца министра внутренних дел Плеве - вообще не был казнен. Кто-то, видимо, очень спешил убрать нежелательного свидетеля.

Официальный ответ следственной комиссии гласил: причиной гибели премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина явилась преступная халатность и пренебрежение служебными обязанностями командира корпуса жандармов П.Г.Курлова, вице-директора департамента полиции М.Н.Веригина, начальника дворцовой охраны А.И.Спиридовича и начальника киевского охранного отделения Н.Н.Кулябко. Однако из всей четверки в тюрьме побывал только последний - но не смерть Столыпина, а растрата казенных денег послужила причиной ареста Кулябко. Остальные отделались легким испутом и некоторым замедлением в

продвижении по службе. Да и арестант Кулябко провел в заключении лишь 4 месяца из положенных по приговору 16-ти. После чего по личному распоряжению Николая II был освобожден «без лишения в правах». Создавалось впечатление, что мертвый Столыпин при дворе был более приемлем, чем живой. Косвенно это подтверждает и заявление Александры Федоровны В.Н.Кокорцеву, преемнику Столыпина: «...Не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место, и что это - для блага России». Зная о подобных настроениях (а жандармы, безусловно, знали о них «по долгу службы»), легко можно было позволить себе допустить «преступную халатность».

Вторая пуля Богрова оказалась для Столыпина смертельной. Она пробила печень, и это решило дело - тогдашняя медицина оказалась бессильной. Петр Аркадьевич скончался в частной клинике Маковского, не приходя в сознание, 5 сентября 1911 года. Его похоронили в Киево-Печерской лавре рядом с могилами Искры и Кочубея, двух героев петровской эпохи, казненных по приказу Мазепы. Через год, 1 сентября, напротив киевской городской думы был открыт памятник Столыпину. На пьедестале были высечены его слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Россия, Российской Империи оставалось еще шесть лет. Но человека, который смог бы увести ее от войн и революционных потрясений, у нее уже не было.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
2. Гейфман А. «Убий!» // Родина. 1994. № 1.
3. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978.
4. Зырянов П.Н. П.А.Столыпин / Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.
5. Зырянов П.Н. Столыпин без легенд. М., 1991.
6. Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.
7. Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка 16: политический сыск при царях. М., 1993.
8. Рыбас С.Ю., Тараканова Л.В. Реформатор: Жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991.

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914-1918 ГГ.

На рубеже XIX и XX веков европейское равновесие поддерживалось системой военно-политических союзов великих держав. С одной стороны, созданный в 1885 году Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, с другой - франко-русский союз, заключенный в 1891 году. Англия придерживалась позиции «блестящего изоляционизма» и как всегда стремилась достичь своих интересов чужими руками. Однако было и нечто общее: в правящих кругах крупнейших стран Европы появляются планы, свидетельствующие о почти безграничных притязаниях.

В Англии это были планы создания «более Великой Британии», призванной в конечном счете подчинить своему влиянию весь остальной мир. («Пангерманцы» (в Германии сторонники самой агрессивной политики) проектировали создание «Великой Германии», или «Срединной Европы», которая охватила бы Австро-Венгрию, Балканы, Переднюю Азию, Прибалтику, Скандинавию, Бельгию, Голландию, часть Франции; кроме того намечалось создать огромную колониальную империю в Африке, в бассейне Тихого океана, широкую сферу влияния в Южной Америке. Французские финансовые круги не только стремились вернуть Эльзас и Лотарингию, но и захватить Рурский бассейн, а также расширить французскую колониальную империю прежде всего за счет германских владений в Африке. Правительство России хотело установить свое политическое и военное господство на Балканах, овладеть Константинополем и черноморскими проливами - Босфором и Дарданеллами, захватить австро-венгерскую Галицию и германскую Восточную Пруссию, включить в сферу своего влияния весь Иран. На Дальнем Востоке Россия стремилась закрепить свои позиции в Северном Китае и Корее. Правящие круги Австро-Венгрии добивались разгрома Сербии, чтобы укрепить свою гегемонию как в восточной, так и в западной части Балканского полуострова. Итальянские империалисты домогались подчинения Италии Триеста, Албания, участия в разделе Малой Азии и передела колониальных владений в Африке, установления итальянской гегемонии в бассейне Средиземного моря.

Широкие захватнические планы строились также империалистическими кругами неевропейских держав. Уже в начале XX в. американский сенатор Биверидж говорил: «Бог... сделал нас искусными организаторами, призванными установить порядок в мире... Из всех рас он указал на американцев, которые должны в конечном счете привести к возрождению мира». В первую очередь США намеревались утвердить свое преимущественное влияние в Западном полушарии, а также усилить свое проникновение в Китай. В Японии среди милитаристских кругов зрела мысль об установлении японского владычества над всей Восточной Азией и прилегающей частью Тихого океана.

Подготовка империалистических держав к реализации всех этих планов вылилась в ряд локальных военных конфликтов и кризисов, предшествующих первой мировой войне: японо-китайская война 1894-1895 гг., испано-американская война 1898 г., англо-бурская война 1899-1902 гг., русско-японская война 1904-1905 гг. Последняя, несмотря на свою отдаленность от Европы, тем не менее оказала самое непосредственное влияние на подготовку и ускорение первой мировой войны. Поражение России на Дальнем Востоке и последовавшая за ним первая русская революция 1905-1907 гг. привела к заметному усилению роли Германии на континенте. Ослабление России породило в определенных кругах Германии надежду на выигрыш в военном столкновении одновременно с Францией и Россией. А усилившееся после постройки в Англии «Дредноута» (этот корабль вобрал в себя опыт русско-японской войны и принципиально отличался от своих предшественников - эскадренных броненосцев, сводя на нет все существующие броненосные флоты) англо-германское соперничество на море ускорило складывание антигерманской коалиции в Европе.

В 1904 году «по сердечному согласию» («Entente Cordiale») между Англией и Францией был заключен договор, означавший урегулирование колониальных вопросов в Марокко. Кроме того он был подкреплен военной конвенцией, носившей явный антигерманский характер. А в 1907 году подписанием русско-английского договора о разделе сфер влияния в Иране. Афганистане и Тибете формирование одного из крупнейших империалистических союзов XX века - Антанты - было завершено.

Это не только не снизило напряженность, царившую в Европе, но, напротив, привело к целой серии международных кризисов: Марокканский кризис 1905-1906 гг., Боснийский кризис 1908 года, Второй Марокканский кризис 1911 года, Итало-турецкая или Триполитанская война 1911 года, и, наконец, две Балканские войны 1912-1913 гг. Лихорадка предвоенных кризисов привела к гонке обычных и особенно военно-морских вооружений. Робкие попытки России ограничить вооружения на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. так и остались на бумаге. На первый план все больше выдвигается англо-германское морское соперничество. Успешное осуществление Германией программы военно-морского строительства, разработанной адмиралом Тирпицем, вызвало в правящих кругах Англии серьезную тревогу. В ответ на стремление Германии изменить в свою пользу соотношение сил на морях Англия приступила к строительству нового типа линкоров-дредноутов.

В 1905 г. у Англии было 65 эскадренных броненосцев, а у Германии - 26. Выпуском дредноутов Англия предполагала сделать крупный скачок в развитии своей военно-морской мощи и заставить Германию признать безнадежность своих усилий поколебать морскую гегемонию Англии. Однако Германия также приступила к строительству дредноутов и уже в

1908 г. имела 9 dreadnoughtов против 12, построенных Англией. Таким образом, соотношение в области морских вооружений стало меняться в пользу Германии. Английское правительство пыталось договориться с Германией при условии признания ею фактического превосходства Англии на морях. Когда же договориться не удалось, Англия решила на строительство каждого крупного военного корабля в Германии отвечать строительством двух таких же кораблей. Со своей стороны правящие круги Германии усладили кампанию против Англии, обвиняя ее в политике «окружения Германии». Эта кампания была призвана оправдать рост германских вооружений, как сухопутных, так и морских.

К началу 1914 г. гонка вооружений достигла огромных размеров. Категорически отказываясь сократить свою морскую программу, Германия в то же время лихорадочно увеличивала сухопутную армию. Вместе со своей союзницей Австро-Венгрией она имела теперь в своем распоряжении 8 млн человек, обученных военному делу.

Страны Антанты также быстро увеличивали свои вооруженные силы. При помощи новых французских займов Россия строила стратегические железные дороги, ведущие к германской границе, расширяла кадровый состав армии. Но программа военных мероприятий правительства России должна быть выполнена только к 1917-1918 гг. Примерно такие же обстояли дела и у Франции - в 1913 г. там был принят закон о переходе от двухгодичного к трехгодичному сроку службы, что в мирное время увеличивало французскую армию на 50 %. Через два-три года Россия и Франция должны были ликвидировать перевес Германии в вооружениях. Но немецкие правящие круги не дали им сделать этого.

Германский план войны предусматривал быструю, маневренную войну на двух фронтах - западном и восточном. Его разработал начальник генерального штаба в 1891-1905 гг. Альфред фон Шлиффен. Преемник Шлиффена, Мольтке-младший, немного видоизменил его, сохранив главную идею: основной кулак из пяти армий, сконцентрированных на правом крыле, должен через Бельгию обрушиться на северную Францию, окружить и разгромить французскую армию. Против русских армий для начала предусматривались оборонительные действия ограниченными силами. Затем, после разгрома Франции, предполагалось перебросить германские корпуса на восток и нанести поражение России.

Австро-Венгрия тоже планировала войну на два фронта - против России и против Сербии с Черногорией, предусматривая также необходимость обезопасить себя со стороны своего весьма ненадежного союзника - Италии.

Французский стратегический план исходил из того, что численность французской армии была меньше германской. Поэтому французское командование предусматривало равномерное развертывание четырех армий по фронту и одной во втором эшелоне. На долю английской

экспедиционной армии выпадала второстепенная роль. Впрочем, Англия и не стремилась к широкому участию в сухопутной войне, надеясь всю ее тяжесть возложить на Францию и Россию.

Русский план с учетом политических и стратегических интересов страны требовал направить главные усилия против Австро-Венгрии. Поэтому на австрийском направлении намечалось выставить четыре из шести развертываемых активных армий. Но одновременно Россия, связанная франко-русской военной конвенцией, должна была сосредоточить на границах Германии 800-тысячную армию к пятнадцатому дню мобилизации (полная мобилизация завершалась в России за 47 дней) для активных действий против Германии. Учитывая, что соотношение сил, сложившееся в 1914 г. в пользу Германии, через некоторое время могло измениться в пользу ее противников, германские правящие круги выдвинули идею «превентивной» войны.

Мольтке-младший в беседе с начальником австрийского генерального штаба Конрадом фон Хётцендорфом заявил, что «всякая оттяжка уменьшает шансы на успех». Чтобы побудить Германию к активным действиям, пока ее флот не сравнялся по силе с английским, Великобритания умышленно пошла в 1914 г. на обострение отношений с Россией по вопросу о разделе сфер влияния в Иране, тем самым давая понять Вильгельму II, что в случае конфликта не выступит на стороне Франции и России. К тому же немецкие и австрийские стратеги после русско-японской войны не воспринимали всерьез русскую армию. Поэтому в разговоре с германским императором наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд так оценил возможности России: «Внутренние затруднения слишком велики, чтобы разрешить этой стране вести агрессивную политику».¹ Теперь Германии был нужен повод к развязыванию войны и Вильгельм II посоветовал Францу-Фердинанду крепким ударом по Сербии утвердить австрийское присутствие на Балканах.

Свидание германского императора и австрийского наследника происходило в Конопнице, откуда Франц-Фердинанд и отправился в Боснию, где на сербской границе должны были пройти военные маневры. Начальник разведки сербского генерального штаба полковник Драгутин Дмитриевич (Апис) вспоминал: «Я был убежден, что проектируемые в Боснии маневры являются предтечей к военному нападению Австрии на Сербию во главе с генерал-инспектором австрийских войск престолонаследником Францем Фердинандом, и в душе боялся этого».

¹ Всемирная история: В 24 т. Т.19. Первая мировая война. Минск. 1997. С. 139.

«Брошенной перчаткой» многие считали и намерение принца прибыть в Сараево (столицу Боснии, аннексированной Австро-Венгрией в 1908 г.) в день Святого Вида - 28 июня, когда сербы отмечали годовщину битвы на Косовом поле. В 1389 г. турецкий султан Мурад I в этот день разбил сербские войска, и Сербия на многие века попала под власть турок-османов. Сам Мурад, однако, был убит сербским воином Милошем Обиличем, ставшим национальным героем. В Сараево среди экзальтированной молодежи были свои Обиличи, и приезд эрцгерцога только подогрел их чувства. За организацию покушения взялись члены организации «Млада Босна» Данило Илич, Гаврило Принцип и их товарищи. В 11 часов утра 28 июня 1914 г. Франц-Фердинанд и его супруга Софья Хотек были застрелены в Сараево. «Теперь или никогда!» - воскликнул император Вильгельм II, узнав об убийстве в Сараево.

5 и 6 июля в Потсдаме велись лихорадочные переговоры между Германией и Австро-Венгрией. Вопрос о войне был уже решен. Австрийский дипломат А.Кробатин резюмировал: «С военной точки зрения, я должен сказать, что было бы выгоднее начать войну немедленно, нежели позже, так как в будущем соотношение сил изменится к нашей невыгоде».¹ Австрийская дипломатия теперь заботилась лишь о том, чтобы предъявить Сербии (на нее возложили вину за организацию сараевского убийства) такие требования, которые были бы неизбежно отклонены, а ультиматум составить так, чтобы ответственность за военное столкновение перенести с Австро-Венгрии на Сербию.

23 июля в Белграде был вручен австрийский ультиматум. Обвиняя сербское правительство в попустительстве террористическим актам и в поддержке движения, направленного против Австро-Венгрии, правительство Габсбургов предъявило требования, выполнение которых означало утрату Сербским государством своего суверенитета. Вильгельм II так напутствовал своих союзников: «Гордые славяне! Насколько надута и пуста вся эта так называемая Сербская великая держава, настолько же ничемны и все другие славянские государства! Давите крепче ноги этой сволочи». Еще до истечения срока ультиматума, чтобы охладить горячие головы в Вене, русский император Николай II принял решение о частичной мобилизации тех военных округов, которые граничили с Австро-Венгрией. Сербскому же правительству Россия рекомендовала ответить на ультиматум как можно мягче.

25 июля Сербия дала ответ на австрийский ультиматум: сербы готовы были выполнить 8 из 10 пунктов. Даже германский император, прочитав ответ Сербии, сделал на нем пометку: «Блестящий результат для срока в 48 часов! Он превзошел все ожидания! Отпадают основания для войны». Тем не менее 28 июля австрийская артиллерия обрушила свой огонь на сербскую

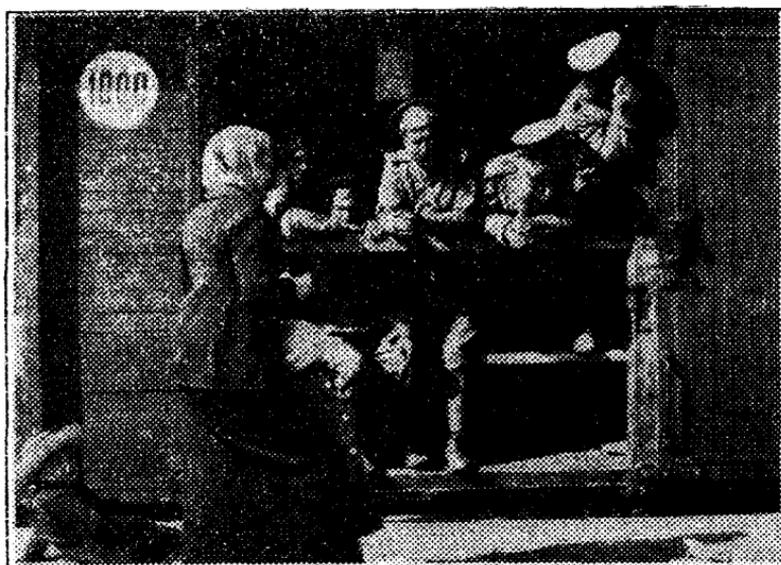
¹ Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг. М., 1990. С. 67.

столицу. Австро-сербская война была объявлена. В Германии также полным ходом шли все мобилизационные мероприятия. В этих условиях Россия вечером 30 июля приняла решение о всеобщей мобилизации. Указ об этом был объявлен 31 июля, а в полночь германское правительство предъявило России ультимативное требование отказаться от проведения мобилизации. Вечером 1 августа 1914 г., когда германский посол в России граф Пурталес получил отказ на свой ультиматум, он вручил министру иностранных дел С.Д.Сазонову ноту с объявлением войны. Так 1 августа 1914 г. Россия вступила в первую мировую войну.

Восточно-прусская операция 1914 года

С началом войны Верховным главнокомандующим русской армии был назначен великий князь Николай Николаевич, дядя императора Николая II. Россию охватил патриотический подъем, далеко превзошедший своими размерами воодушевление 1877 года. Что-то великое, напоминавшее Отечественную войну 1812 года, чувствовалось во всем, начиная с торжественного обращения Николая II не заключать мира, пока хоть один вооруженный неприятель останется на русской земле. Явка запасных на призывные пункты на 15 % превысила норму, предусмотренную Главным управлением Генерального штаба. Принимая во внимание напряженную внутривойсковую обстановку, штабисты осторожно предполагали, что на призыв явится около 80 % запасных. Явилось более 96 %. Заступничество за Сербию вызвало в русском обществе самый широкий отклик. Войну с Германией воспринимали как справедливую, новую Отечественную. Сами современники называли ее Великой Отечественной войной.

Однако куда больше чем моральная поддержка Сербии на первые решения русского командования повлияла позиция Франции. В Петрограде (немецкое название Санкт-Петербург с началом войны заменили на патриотичное Петроград) французский посол Морис Палеолог обивает пороги, требуя скорейшего перехода в наступление. На приеме у Николая II 5 августа он говорит: «Я умоляю ваше величество приказать вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной». Причем никакие доводы о том, что русская армия еще не отмобилизована и не готова участвовать в наступлении нашими союзниками в расчет не принимались. Это и понятно, ведь тот же Палеолог в разговоре с одним из высоких государственных деятелей развивал следующие положения: « По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные; это сливки и цвет человечества... С этой точки зрения

Проводы русских солдат на фронт. 1914г.

Император Николай II
и великий князь
Николай Николаевич
(слева)

наши потери будут чувствительнее русских потерь».¹ В умах английских и французских политиков и стратегов это превращалось в идею о «русском паровом катке» - неисчерпаемые людские резервы России, огромная русская армия одной своей массой способна, подобно прессу, раздавить передовую в техническом отношении немецкую военную машину.

Настойчивость французов возымела свое действие и уже 10 августа 1914 г. Ставка приказывает главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу Я.Г.Жилинскому силами 1-й и 2-й армий перейти в наступление в Восточной Пруссии. План операции состоял в том, что 1-я русская армия (генерал П.К.Ренненкампф), наступая с востока, а 2-я армия (генерал А.В.Самсонов) - с юга, разбивают противостоящую 8-ю немецкую армию (генерал М.Притвиц) и перехватывают пути ее отступления к Висле. Хотя русские армии имели некоторое превосходство в людях над немцами (1-я армия - 110 тыс. человек, 492 орудия; 2-я армия - 150 тыс. человек, 720 орудий; 8-я немецкая армия - 200 тыс. человек, 1044 орудия), противник был сильнее в огневой мощи, опирался на укрепленный район, каким была вся Восточная Пруссия, и располагал великолепной сетью путей сообщения, дававшей возможность быстро маневрировать. К моменту вступления русских в Восточную Пруссию 8-я армия была полностью сосредоточена и готова к борьбе. В то время как русские армии шли в бой недоукомплектованными, в некоторых корпусах даже не было обозов, командиры догоняли свои части уже на марше.

При таких обстоятельствах 17 августа 1-я русская армия пересекла через германскую границу. 19 августа немецкий 1-й корпус (генерал Г.Франсуа) без предварительной разведки ввязался в бой у Шталлупёнена и с чувствительными потерями был отброшен. На следующий день, 20 августа, корпус Франсуа, подкреплённый 17-м корпусом генерала А.Макензена на линии Гумбиннен - Гольдап вступил во встречный бой с 3-м и 20-м корпусами 1-й русской армии. Немцы (75 тыс. против 64 тыс. у русских) атаковали густыми цепями, за которыми следовали резервы в колоннах. Наступающие полки корпуса генерала Макензена попали под сосредоточенный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. В панике они были вынуждены отступить. Один из очевидцев сражения с немецкой стороны вспоминал: «Перед нами как бы разверзся ад. Врага не видно, только огонь тысяч винтовок, пулеметов и артиллерии. Части быстро редуют. Целыми рядами уже лежат убитые. Стоны и крики раздаются по всему полю. Своя артиллерия запаздывает с открытием огня, из пехотных частей посылают настойчивые просьбы о скорейшем выезде артиллерии на позиции. Несколько батарей выезжают на открытую позицию на высотах, но почти немедленно мы видим, как

¹ Алексеева И.В. Агония Сердечного Соглашения: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914-1917. Л., 1990. С.20.

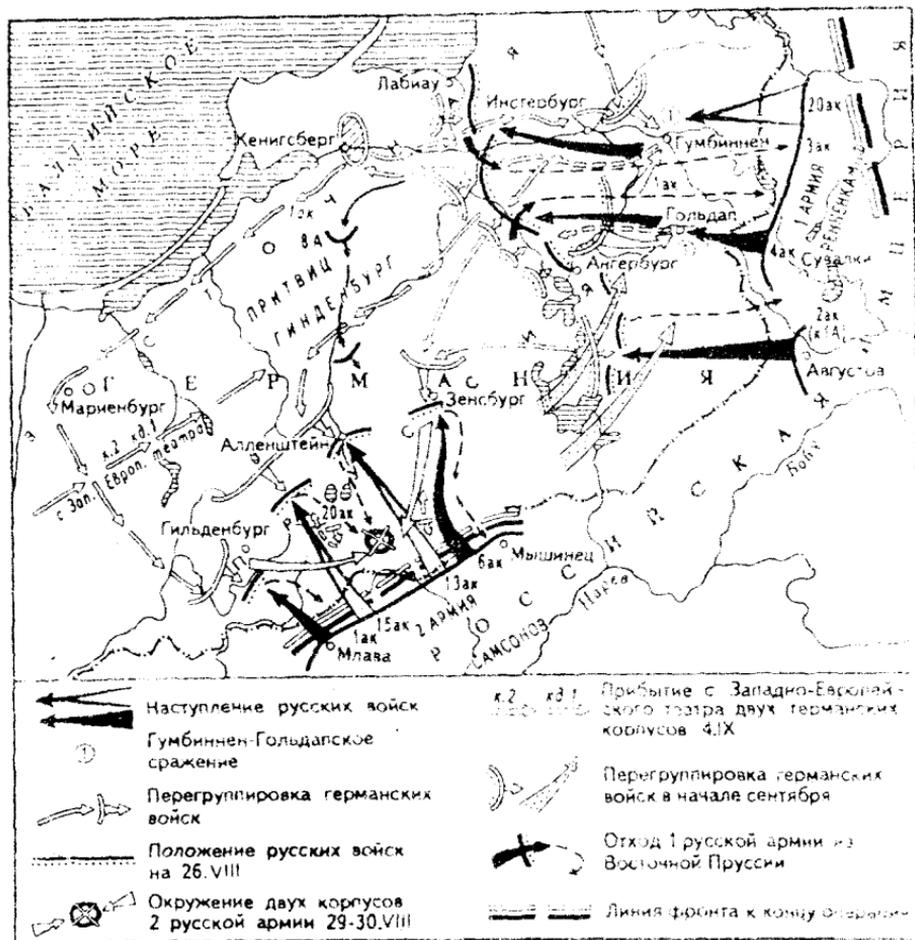
между орудий рвутся снаряды, зарядные ящики уносятся во все стороны, по полю скачут лошади без всадников. На батареях взлетают в воздух зарядные ящики. Пехота прижата русским огнем к земле, ничком прижавшись к земле, лежат люди, никто не смеет даже приподнять голову, не говоря уже о том, чтобы самому стрелять».¹ Победа русских была полная. Немцы откатились за день на 20 км. У генерала Рененкампа в резерве было шесть кавалерийских дивизий. Оставалось немного - отдать приказ на преследование. Но такого приказа не последовало.

Рененкамп и Жилинский, рассудив, что 8-я немецкая армия уходит к Висле, решили, что с ней справится подступающий с юга Самсонов. 1-я армия пошла осаждать Кенигсберг, куда, по ее данным, отошли оба разбитых при Гумбиннене немецких корпуса. В штабе 8-й немецкой армии у генерала Притвица царило смятение - он уже действительно отдал приказ об отступлении за Вислу. Прусские бароны осаждали императора Вильгельма II, умоляя спасти родовые имения от «казаков». Над Германией навис призрак русского вторжения. Уинстон Черчилль, в то время первый лорд Адмиралтейства, вспоминал: «Очень немногие слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Контратака русского 3-го корпуса, тяжелые потери Макензена вызвали в 8-й немецкой армии панику, она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых, она признала, что была подавлена мощью России».

Главные выводы из русской победы были сделаны немецким командованием. Генерала Притвица отправили в отставку. Его заменили старым генералом П.Гинденбургом, дав ему в начальники штаба молодого и энергичного Э.Людендорфа (которого впоследствии назовут «военным мозгом нации»). А с французского фронта были сняты два корпуса и одна кавалерийская дивизия для отправки в Восточную Пруссию. Еще один корпус был задержан в Меце до выяснения обстановки на востоке. Эти корпуса были взяты из армий генералов Клука и Бюлова, наступавших на Париж, на которые позже в сражении на Марне обрушится главный удар французов. Этих корпусов и не хватит немцам для успешного выполнения плана Шлиффена. Решение об их отправке с запада на восток принимается 21 августа, на следующий день после сражения под Гумбинненом.

Между тем 2-я русская армия генерала Самсонова с юга вступает в Восточную Пруссию. Ее наступление развивается по расходящимся направлениям с 1-й армией. Корпуса Самсонова безостановочно наступают по сыпучим пескам, обозы отстали далеко в тылу, солдаты по несколько дней не получают хлеба. Командующий фронтом Жилинский требует от 2-й армии

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994. С.39.

Восточно-прусская операция 4 (17) августа – 1 (14) сентября 1914 г.

ускорить наступление, уверяя Самсонова, что Ренненкамф удерживает контакт с немцами и Самсонову остается только зайти немецкой 8-й армии во фланг и тыл, чтобы довершить ее полный разгром. Однако коллеги после русско-японской войны не зря прозвали Ренненкамфа «Кунктатор» - «Медлитель». Он даже и не пытался воспользоваться результатами своей победы под Гумбиненном, а продолжал топтаться на месте.

Людендорф, обнаруживший, что 1-я русская армия практически не продвигается, решил обрушиться на 2-ю армию Самсонова, без оглядки шедшую на северо-запад. Планы русского командования для немцев не были секретом - все русские приказы передавались по радио открытым текстом и немцы легко их перехватывали. К 26 августа немцы собрали против 2-й армии все свои войска восточнее Вислы, примерно 13 своих против 9 усталых русских дивизий. Немецкое командование ставило перед собой цель полностью окружить и уничтожить 2-ю русскую армию. При таких обстоятельствах 26-31 августа разгорелось сражение при Танненберге.

Немцы обрушили свой главный удар на фланговые корпуса армии Самсонова, стремясь захватить его армию в клещи. В то время как на его флангах отбивались 1-й и 6-й корпуса, Самсонов, не знавший, что против него сконцентрированы все силы 8-й немецкой армии, продолжал наступать в центре силами 13-го и 15-го корпусов. Только 29 августа генерал отдал приказ об отступлении. Несмотря на численное превосходство, Гинденбургу и Людендорфу так и не удалось осуществить свой план окружения 2-й армии. Отрезанными от своих оказались части центральных 13-го и 15-го корпусов (около 30 тыс. человек). Генерал Самсонов погиб, до конца разделив участь своих солдат. А выдавив из Восточной Пруссии 2-ю русскую армию, немцы перенесли удар против Ренненкамфа и тот поспешно отвел свои части за Неман.

Армию Александра Васильевича Самсонова безоговорочно принесли в жертву, чтобы помочь нашим союзникам выправить положение на Западном фронте. И пусть корпуса, снятые из ударной немецкой группировки, нацеленной на Париж, не успели к Танненбергу. Но их не было и в сражении на Марне. Восточно-прусская операция стала примером самопожертвования русской армии во имя обеспечения общесоюзнической победы. Маршал Ф.Фох, командовавший французскими войсками в 1914 г., говорил: «Большие войны, особенно те, которые затрагивают несколько союзных государств, и большие сражения, разыгрывающиеся во время таких войн, нельзя рассматривать только с точки зрения каждой из участвующих в них групп сил... Мы не можем забывать о наших союзниках на Восточном фронте, о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне».

Восточно-прусская операция обошлась русской армии потерей 245 тысяч человек. Но все таки это было частной неудачей Восточного фронта. Ведь главные русские силы концентрировались южнее против Австро-Венгрии. В целом же для хода первой мировой войны эта операция имела решающее значение - она сорвала немецкий план молниеносной войны, заставила державы Тройственного союза втянуться в затяжную войну, выиграть которую Германия и ее союзники не имели шансов.

Галицийская операция

Практически одновременно с началом наступления русского Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии на Юго-Западном фронте началась так называемая Галицийская битва, которая продлилась 33 дня с 18 августа по 21 сентября 1914 г. Генерал Н.И.Иванов, командующий Юго-Западным фронтом, сосредотачивал четыре свои армии (3-я - генерал - Н.В.Рузский; 4-я - генерал А.Е.Эверт; 5-я - генерал П.А.Плехе; 8-я - генерал А.А.Брусилов), чтобы нанести концентрический удар в Галиции с севера и востока.

Австро-венгерское командование (Главнокомандующий - эрцгерцог Фридрих, начальник Генерального штаба - генерал Ф.Конрад фон Хётцендорф) намеревалось раньше русских перейти в наступление, чтобы разгромить правое крыло их войск (4-ю и 5-ю армии). Общее соотношение сил, казалось, позволяло австрийцам сделать это (у русских - 600 тыс. чел., 2099 орудий; у австрийцев - ок. 850 тыс. чел., 1800 орудий). Но по просьбе союзников русское командование приступило к операции, не завершив полного сосредоточения и развертывания своих армий. 18 августа перешла в наступление на левом крыле 8-я армия генерала Брусилова, а 23 августа - все армии русского Юго-Западного фронта.

Тем временем австро-венгерские 1-я (генерала В.Данкля) и 4-я (генерала М.Ауффенберга) армии предприняли наступление на Люблин и Холм. В районе южнее Красника 23-24 августа они встретились с корпусами выдвигавшейся им навстречу 4-й русской армии. В ожесточенном встречном сражении встретились 6,5 русских и 12 австрийских дивизий. После двухдневных тяжелых боев, когда австрийцы создали угрозу охвата 4-й армии с флангов, ее дивизии отошли и к 25 августа сосредоточились на позициях в 20-45 км юго-западнее и южнее Люблина.

Австро-венгерское командование, ободренное своими успехами у Красника, вознамерилось нанести поражение русским войскам между Вислой и Холмом. Русское же командование в ходе этих боев уточнило развертывание армий противника. Левый фланг группировки австро-венгров оказался намного западнее, чем предполагалось. Поэтому на помощь генералу Эверту были двинуты дополнительно три корпуса, а 5-й армии генерала Плехе было приказано

поддержать 4-ю и атаковать во фланг силы противника, наступавшие на люблинском направлении.

С 26 августа на широком фронте от Вислы западнее Красника до Днестра южнее Бучача австро-венгерские армии стремились осуществить двойной охват 4-й армии генерала Эверта. Их попытки выйти в тыл русским с запада успехов не имели. На правом фланге 4-й русской армии все атаки противника были отражены, и лишь на левом фланге генералу Данкло удалось в районе Красностава потеснить Гренадерский корпус, вынужденный отойти к северу. В последующие дни положение армии генерала Эверта не изменилось.

Одновременно происходили ожесточенные боевые действия между 5-й русской (генерал Плевел) и 4-й австро-венгерской (генерал Ауффенберг) армиями, известные под названием Томашевского сражения, или сражения под Комаровом. 27-28 августа в этом районе одновременно пытались наступать как австрийские, так и русские корпуса. Неудачные атаки и отход 17-го и 25-го русских корпусов поставили 5-ю армию в тяжелое положение, обнажив ее центр. Австрийское командование, желая усилить свои войска на этом направлении, двинуло против армии Плевел еще и 1-ю армию генерала Данкля. 29-30 августа австрийцы, развивая успех, заняли Красностав. Теперь полный разгром 19-го, 5-го и 17-го русских корпусов становился неизбежным.

Прекрасно сознавая опасность своего положения, генерал Плевел решил отвести свою армию в северо-восточном направлении, выровняв линию фронта со своим соседом справа 4-й армией генерала Эверта. Для того, чтобы ввести противника в заблуждение и тем обеспечить планомерный отход, части 5-й русской армии 31 августа предприняли энергичные контратаки по всей линии фронта.

Положение австро-венгерских войск было не менее сложным. За свои успехи они расплачивались большими потерями в личном составе. А наступление австрийских армий в расходящихся направлениях приводило к образованию разрывов между ними, чреватых опасными фланговыми ударами русских, которые могли привести к катастрофе всего фронта.

Особенно напряженная обстановка складывалась на восточном участке австро-венгерского фронта. Вторгнувшиеся в Восточную Галицию 3-я (генерала Рузского) и 8-я (генерала Брусилова) русские армии развивали победоносное наступление в направлении на Львов. Войска 3-й австро-венгерской армии генерала Брудермана на реке Золотая Липа были вынуждены отступать, несмотря на энергичные призывы австрийского командования и присылку помощи с Сербского фронта. Последствия этого отступления могли оказаться для австрийцев самыми катастрофическими - русские армии могли выйти непосредственно в район оперативной базы

1-й и 4-й австро-венгерских армий, действия которых, по мнению Конрада фон Хётцендорфа, должны были решить вопрос целой компании.

31 августа ситуация на фронте 5-й русской армии значительно улучшилась. Исчезла угроза окружения на правом фланге 19-го корпуса, который сам, перейдя в контратаку при поддержке кавалерии, отбросил австрийцев почти на 20 км в сторону Замостья. Австрийские попытки обойти левый фланг армии Плеве также не увенчались успехом. Таким образом 5-й русской армии ко 2 сентября удалось осуществить свой план: оторваться от противника и выйти на одну линию с 4-й армией, тем самым ликвидировав угрозу окружения. Тем самым стойкость 4-й и 5-й русских армий сорвали замыслы австро-венгерского командования, приковали к себе превосходящие силы противника, нанесли им весьма чувствительные потери и позволили перейти в наступление частям 3-й и 8-й армий в направлении на Львов. Командующий 4-й австрийской армией генерал Ауфенберг так подвел итоги первых боев: «Ужасное разочарование! Беспомощная ярость! Пропали лучшие плоды победы! Не нахожу слов!».¹

Между тем, войска Рузского и Брусилова, отбросив в боях на реках Золотой Липе и Гнилой Липе 3-ю австрийскую армию генерала Брудермана, повели стремительное наступление на Львов. Здесь 12 русским дивизиям противостояли 7,5 австрийских. Правда, австрийское командование направило сюда 2-ю армию генерала Бём-Эрмолли в составе 6 дивизий. В ходе боев 29-31 августа австрийцам было нанесено чувствительное поражение. Вот что доносил в штаб Юго-Западного фронта командующий 8-й армией генерал Брусилов: «Трехдневное сражение отличалось крайним упорством, позиция австрийцев, чрезвычайно сильная по природе, заблаговременно укрепленная двумя ярусами (окопов), считавшаяся, по показаниям пленных офицеров, неприступною, взята доблестью войск... Противник, пытавшийся удержать нас с фронта и атаковать во фланг со стороны Галича, отброшен с большими для него потерями...».² Русские захватили свыше 20 тысяч пленных, в том числе одного генерала, три знамени, более 70 орудий. Войска противника были сильно деморализованы и 3 сентября оставили Львов, куда и вошли передовые части 8-й армии.

Австрийское командование, пытаясь вернуть себе этот крупнейший город Галиции, концентрирует к западу от него три своих армии: 2-ю, 3-ю и 4-ю. Помимо этого генерал Конрад фон Хётцендорф засыпает немецкое командование на Восточном фронте просьбами о помощи. Начальник австрийского Генштаба просит Гинденбурга направить 8-ю немецкую армию вместе с прибывшими с Западного фронта корпусами из Восточной Пруссии в направлении на Седлиц, чтобы выйти в тыл наступающим войскам русского Юго-Западного фронта. Однако

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т.3. М., 1994, с.206.

² История первой мировой войны. 1914-1918 гг. В 2-х т. Т.1. М., 1975. С. 344.

Гинденбург оказался глух к просьбам союзников и в начавшемся 5 сентября к западу от Львова Городокском сражении австрийцы вновь потерпели поражение.

Русские 4-я, 5-я и 9-я (генерала П.А.Лечицкого) армии ударом с севера вынудили 1-ю австрийскую армию к отходу. Тем самым под угрозой обхода и окружения оказалась вся австрийская группировка, собранная Конрадом западнее Львова. Спасая войска от неминуемого разгрома, Конрад был вынужден в ночь на 12 сентября отдать своим армиям приказ об общем отступлении за реку Сан.

Русские войска, преследуя противника, 17 сентября осадили мощную австрийскую крепость Перемышль со 130-тысячным гарнизоном. Но серьезные потери, понесенные в ходе предыдущих боев, общее расстройство и недостаток боеприпасов вынудили русское командование снять блокаду и отойти на восточный берег реки Сан. Общее преследование австрийцев было прекращено к 21 сентября. Галицийская битва завершилась.

Общим итогом этой операции стало тяжелое поражение, нанесенное австрийской армии русскими войсками. На 400-км фронте от Вислы до Днестра австрийцы потеряли свыше 400 тысяч человек (из них 100 тысяч пленными). Австро-венгерская армия лишилась до 45% своего личного состава. На поле боя было брошено и досталось русским в виде трофеев 400 артиллерийских орудий. Каждая австрийская дивизия потеряла в среднем по 7,5 тысяч человек. Русские потери в среднем на дивизию достигали до 4,5 тысяч человек. А общие потери составили 230 тысяч (из них 40 тысяч пленными) и 94 орудия. Такой ценой русские продвинулись вперед на 280-300 км и заняли Галицию и часть австрийской Польши, создав тем самым угрозу вторжения в Венгрию и Силезию. Поражение австро-венгерских войск в Галицийской операции отвлекло силы Австро-Венгрии от Сербии, свело на нет успехи немцев в Восточной Пруссии и подорвало боеспособность главного союзника Германии. Чтобы помочь Австро-Венгрии, немцам пришлось снять часть сил с Западного фронта, что в свою очередь облегчило положение англо-французских войск.

Завершающие операции компании 1914 года

После победы в Галиции перед русским верховным командованием встал вопрос: что дальше? Логика развития событий требовала концентрации всех усилий против австрийских войск, их окончательного разгрома, прорыва через Карпатские перевалы на Венгерскую равнину и окончательного вывода Австро-Венгрии из войны. Но наши союзники по Антанте - французы и англичане - требовали от великого князя Николая Николаевича, чтобы он, опираясь на приграничные крепости в Польше, развернул наступление в Силезию, прямо «в сердце Германии». Николай Николаевич Романов кроме импозантной гвардейской внешности и почти двухметрового роста другими стратегическими талантами не отличался. А его начальник штаба

генерал Алексеев, хотя и обладал стратегическим чутьем, но не имел должной твердости характера, чтобы настоять на своем, и обычно ограничивался уговорами там, где необходимо было отдать приказ.

Таким образом в конце сентября русским командованием было принято почти Соломоново решение: продолжать наступление против Австро-Венгрии и одновременно готовить вторжение в Силезию. Во исполнение этого замысла было решено 2-ю армию Северо-Западного фронта (генерал С.М.Шейдеман) и 4-ю (Эверт), 5-ю (Плеве) и 9-ю (Лечицкий) армии Юго-Западного фронта двинуть в район Варшава-Новогеоргиевск с целью дальнейшего наступления в глубь Германии. 3-ю (с 3 сентября ею командовал генерал Радко Дмитриев, а генерал Рузский был назначен командующим Северо-Западным фронтом вместо смещенного Жилинского) и 8-ю (Брусилов) армии Юго-Западного фронта оставили осаждать Перемышль.

Пока русское командование проводило перегруппировку сил и определяло свои задачи, немецкое командование на русском фронте, вытеснив войска 1-й армии из Восточной Пруссии, получило подкрепление с Западного фронта. Там, во Франции, после битвы на Марне установилась постоянная линия фронта. Начиналась позиционная война, та самая, о которой месяц за месяцем сводки будут скупо сообщать: «На Западном фронте без перемен». Зато на Восточный фронт против России немецкое командование, пользуясь хорошо разветвленной сетью железных дорог, сможет перебрасывать корпус за корпусом. В середине сентября из таких корпусов и частей 8-й немецкой армии была в районе Кракова сформирована 9-я немецкая армия, командование которой было поручено генералу Гинденбургу. В его подчинении находились также и войска 1-й австрийской армии генерала Данкля.

Точного плана действий у немецкого командования не было. Вот что о тех событиях вспоминал неизменный начальник штаба Гинденбурга генерал Людендорф (тот кого немцы будут величать «военным мозгом нации»): «В каком масштабе разовьется германское наступление главным образом зависело от того, осведомлены или нет русские о новой перегруппировке немецких сил».¹

28 сентября германо-австрийские войска перешли в наступление и оттеснили русские авангарды на правый берег Вислы, но форсировать Вислу и Сан не смогли. Имея на первом этапе операции преимущество в живой силе и артиллерии, к десятым числам октября немцы вышли к Варшаве, а австрийцы к Ивангороду. Попытка взять их штурмом не удалась; тот же Людендорф вспоминал: «В дни боев под Варшавой и Ивангородом приходилось целые ночи не смыкать глаз, а уцелевшие солдаты вспоминают о них с ужасом».

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994., с. 59.

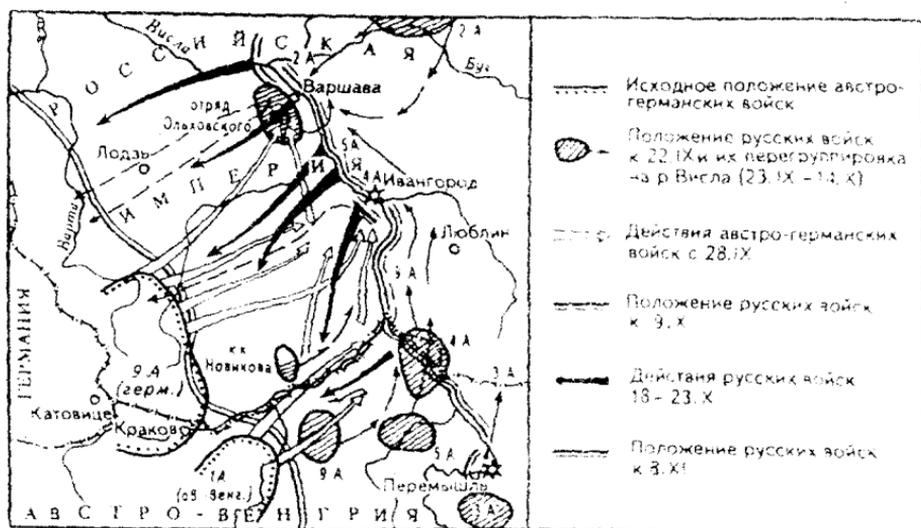
К этому времени армии Юго-Западного фронта, совершив в походном порядке марш в сотни километров из Галиции, были переброшены в район Ивангорода и Варшавы. В ожесточенном встречном сражении 9-14 октября наступление немцев и австрийцев было остановлено. А уже 18 октября 2-я, 4-я, 5-я и 9-я русские армии сами перешли в наступление. Понеся значительные потери - из 310 тысяч австро-германских войск было потеряно свыше 100 тысяч (русские потери были вдвое меньше) - Гинденбург приказал 27 октября своим войскам начать планомерное отступление на исходный рубеж. Из-за начавшейся распутицы преследование противника русским войскам пришлось прекратить. Так к 8 ноября 1914 года завершилась Варшавско-Ивангородская операция первой мировой войны.

Русское командование, окрыленное новой после Галицийской битвы победой, рвалось вступить на землю Германии. Несмотря на усталость, обнаружившуюся нехватку боеприпасов, боевой дух русских войск был исключительно высок. Ореол «победителей при Танненберге» померк, а спины немцев, удиравших от Варшавы до самой границы, запомнились. Наступавшие войска жаждали реванша за гибель 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии.

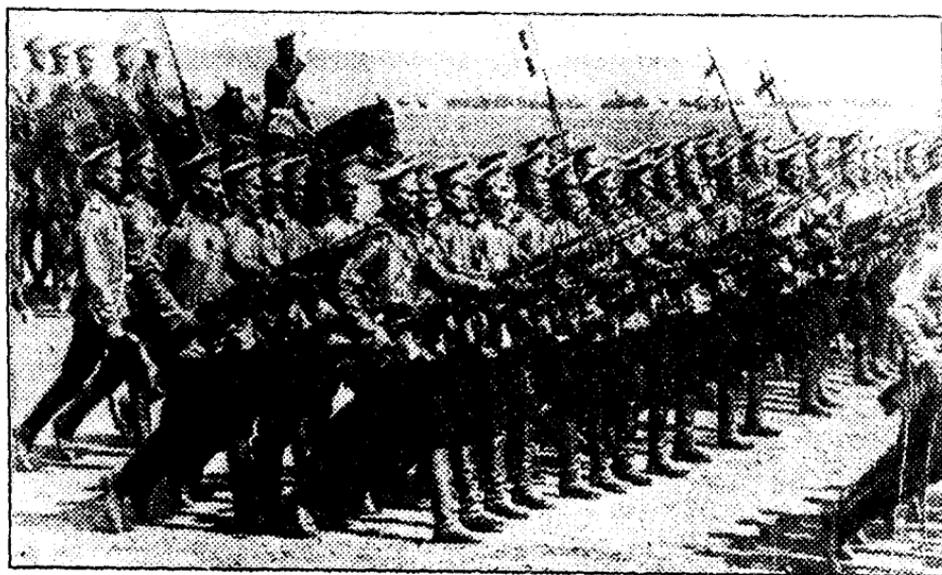
Положение для немцев сложилось действительно критическое, и неизвестно, как бы повернулись дальнейшие события, если бы не обычная ошибка русских штабов - приказы войскам систематически передавались по радио простым кодом. Уже 1 ноября Гинденбург узнал, что русские пехотные дивизии «после 120-верстного преследования» от Варшавы остановились, чтобы привести себя в порядок перед вторжением в Германию. Начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн (сменивший на этом посту Мольте-младшего) писал, что перехват радиogramм «давал нам возможность с начала войны на Востоке до половины 1915 года точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие контрмеры».

Именно такой «контрмерой» по мнению германского командования и должна была стать переброска немецкой 9-й армии в район Торна. На усиление 155-тысячной армии, во главе которой поставили энергичного генерала А.Макензена, с Западного фронта были переброшены дополнительные войска общей численностью в 124 тысячи человек. План Макензена состоял в том, чтобы упреждающим ударом с севера от Торна на Лодзь «сбить в кучу» части 2-й (163 тысячи) и 5-й (86 тысяч) русских армий, устроить им «шлиффеновские клещи», окружить и уничтожить. Немецкое наступление началось 11 ноября, за три дня до предполагаемого наступления русских.

Но даже после того как последовал удар Макензена в стык 1-й и 2-й русских армий, командующий Северо-Западным фронтом генерал Рузский до 14 ноября ставил своим войскам главной задачей «глубокое вторжение в Германию». Лишь стойкость 2-го армейского и 5-го

Варшавско-Ивангородская операция 15 (28) сентября – 26 (8) ноября 1914г.

Пехотный полк на смотре. Из фондов Музея Артиллерии

Сибирского корпусов, несмотря на трехкратное превосходство противника, не позволила немцам осуществить задуманное. И хотя им удалось достаточно глубоко вклиниться в расположение войск 2-й армии, «сбить в кучу» и окружить их немцам не удалось. Более того, когда части 2-й и 5-й русских армий были развернуты с западного направления на север, немцам пришлось плохо. Пять дивизий, находившихся на острие удара Макензена, так называемая группа Шеффера (48 тысяч), сами попали в окружение контратакующих русских. К 23-24 ноября, потеряв 42 тысячи убитыми, ранеными и пленными, остаткам этой группы удалось прорваться к своим.

Людендорф так весьма пессимистично подвел итоги Лодзинской операции: «Крупная оперативная цель - уничтожить русских в излучине Вислы не была достигнута...».¹ Группа Макензена из 5,5 корпусов, скрытно сосредоточенная в районе Торна, обеспечила немцам первоначальный успех. Но немецкое командование переоценило свой успех и недооценило стойкость русских войск. Итогом Лодзинской операции стало установление линии фронта по рекам Бзура, Равка и Ныда к началу декабря 1914 года. Потери каждой из сторон в этой операции превысили 200 тысяч человек. Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции стали завершающими операциями кампании 1914 года.

Итоги первых месяцев войны для России были гораздо более впечатляющими, чем у наших союзников по Антанте. Из четырех крупных операций начального этапа войны три были безусловно выиграны Россией. Австро-Венгерские вооруженные силы понесли весьма чувствительные потери и были поставлены на грань катастрофы. Русские войска заняли Галицию, вышли к Карпатским перевалам и вели осаду Перемышля. Попытки немецкого наступления в русской Польше разбились о стойкость защитников Варшавы и Ивангорода и обернулись для немецкой армии значительными потерями без особого видимого результата.

Эти успехи не в последнюю очередь были достигнуты за счет умелого применения русской артиллерии. Противник называл ее «волшебной», собственная пехота боготворила ее, именуя «спасительницей». В отчете для генерального штаба подчеркивалось: «Блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили полное одобрение и восхищение, наша артиллерия стрелять умела, она не забыла уроков полигонных, и каждый раз, когда надо, она давала то, что может дать современная артиллерия в умелых руках». Но все эти успехи приводили к огромному расходу боеприпасов, что стало для стратегов из Генерального штаба весьма неприятной неожиданностью. По их расчетам на всю войну отводилось не более шести месяцев. На этот срок и были заготовлены боеприпасы - в

¹ История первой мировой войны. 1914-1918 гг. В 2-х т. Т.1. М., 1975. С.382.

среднем по 1000 снарядов на орудие. Но, к примеру, во время Галлицийской битвы батареи Юго-Западного фронта за три недели наступления расстреливали по тысяче снарядов на орудие. Так что уже к концу 1914 года в войсках стал ощущаться так называемый «снарядный голод».

Другим следствием первых месяцев войны стало то, что Россия в сражениях против Германии, Австро-Венгрии и Турции положила почти всех тех, кто мог бы быть костяком многомиллионных сил военного времени - кадровых офицеров, унтер-офицеров и старослужащих солдат. Генерал Н.Н.Головин писал: «Действия русских армий в конце 1914 года руководились той же резко и со страшнейшим напряжением проводимой идеей выручить наших союзников. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на русский фронт, не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с широкой, общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская армия терпит убитыми и ранеными около 1 000 000 людей, и что делает особо чувствительными эти потери - это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава».

Английский премьер времен первой мировой войны Дэвид Ллойд Джордж в канун второй мировой войны, в апреле 1939 года, напоминал: «Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 году планы были составлены точно с такой целью, и она чуть-чуть не была достигнута, если бы не Россия... Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только бы захватили Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции».¹ На что Уинстон Черчилль в своих мемуарах заметил: «Мудрые слова». К сожалению, осознание роли России пришло к нашим союзникам со значительным опозданием.

1915 - год «Великого Отступления»

Зимой 1914-1915 гг., когда окончательно исчезли надежды на реализацию «плана Шлиффена», перед германским командованием встал вопрос: куда направить основной удар в кампании 1915 года. Командующий немецким Восточным фронтом Гинденбург и его начальник штаба Людендорф требовали переноса центра тяжести войны на их направление. Это мнение было поддержано рейхсканцлером Германии Бетман-Гольвегом и с энтузиазмом встречено австрийским командованием. И хотя германский генеральный штаб прекрасно представлял себе трудности ведения войны на востоке (особенно печален был опыт Наполеона), его начальник Фалькенгайн согласился с тем, чтобы «попытаться достичь против восточного колосса желанного окончательного исхода». Наиболее решающим доводом в пользу

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 66.

плана Гинденбурга-Конрада Фалькенгайн признавал то положение, что «Австро-Венгрия в короткий срок рухнет, придавленная гнетом войны».¹ А это в свою очередь повлечет необратимые последствия для всего центрального блока.

Германские генералы не опасались за последствия на западе. Спокойствие, воцарившееся там, замечает Н.Н.Головин, «наводило немцев на мысль, что французское и британское главнокомандование окажутся более эгоистичными, чем русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 года, что помощь союзников ограничится формулой «постольку поскельку», а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию». Военные руководители Германии сочли, что в 1915 году они смогут выбить Россию из войны.

Было решено осуществить гигантский охват всего русского фронта от Балтийского моря до Карпат, - ударные группировки сосредоточились в Восточной Пруссии и у Кракова. Отсюда и должны были последовать два сходящихся удара. Конрад и австрийское командование также торопили с наступлением, стремясь деблокировать осажденный русскими Перемышль. И все же Фалькенгайн продолжал сомневаться в предприятии, исход которого «оставался совершенно туманным. Опыт Наполеона не вызывал на подражание его примеру».

Верховный главнокомандующий России великий князь Николай Николаевич достаточно точно представлял себе свои силы и намерения врага. Поэтому в директиве к войскам в феврале 1915 года он указывал: «К сожалению, мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение в одном из наиболее выгодных для нас направлений. Единственным способом действий, подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела войск левого берега р. Вислы с целью частыми контрманиеврами на правом берегу Вислы и в Карпатах, по выборам главнокомандующих фронтами, остановить противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения».

Но, к сожалению, эта точная и компетентная оценка обстановки на фронте не оказала никакого влияния ни работу самой Ставки, ни на командование обоих русских фронтов. Как командующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов, так и командующий Северо-Западным фронтом генерал Рузский давно поняли, что за внешней жесткостью великого князя скрывались нерешительность и вера в предопределенность всего высшим силам. Как замечал С.Ю.Витте, знавший Николая Николаевича еще до войны, он был «вообще мистически тронут... постоянно

¹ История первой мировой войны. 1914-1918 гг. В 2-х т. Т.2. М., 1975, с.17.

занимался шарлатанами мистицизма... Он натворил и, вероятно, еще натворит много бед России». В начале 1915 года вместо того, чтобы приказать Иванову и Рузскому перейти к жесткой обороне, Николай Николаевич позволил обоим командующим фронтами строить планы весеннего наступления. Причем, и Иванов, и Рузский в качестве участков будущего наступления выбрали районы сосредоточения немецких и австрийских сил. И это при явно проявившейся уже нехватке боеприпасов, винтовок и снаряжения.

Кроме того, совершенной неожиданностью для командования русского Северо-Западного фронта стало скрытное сосредоточение немецких 8-й (генерала Отто фон Белова) и 10-й (генерала Эйхгорна) армий в Восточной Пруссии в районе Мазурских озер. Обе эти немецкие армии по мысли Гинденбурга должны были взять в клещи войска 10-й русской армии генерала А.М.Сиверса, окружить их и уничтожить. Немецкое наступление началось 7-8 февраля 1915 года.

Начались тяжелые, ожесточенные бои. Воплотить свой замысел в жизнь немецкому командованию не удалось. Корпуса русской 10-й армии в относительном порядке отошли на Гродно и Осовец. Все, кроме 20-го корпуса генерал-лейтенанта П.И.Булгакова. Этот корпус к 15 февраля оказался отрезанным от своих в Августовских лесах четырьмя корпусами армии Эйхгорна. В течение пяти дней части корпуса вели непрерывный бой с германцами, делая одну за другой попытку прорвать кольцо окружения. Голодные, не спавшие несколько ночей подряд, русские солдаты приковали к себе вдвое превосходящие силы противника. 21-й немецкий корпус был уничтожен почти полностью. Его артиллерия и знамена лотарингских полков попали в руки русских. Отдельным полкам (113-му и 114-му) удалось прорваться к Гродно. Но главные силы 20-го русского корпуса, расстреляв весь запас патронов и снарядов, 21 февраля пошли на прорыв только со штыками.

Волна русских солдат, сбив пехоту противника, докатилась до огневых позиций немецких батарей, стрелявших сначала беглым огнем, гранатой на удар и, наконец, картечью в упор. Бойцы 20-го корпуса падали чуть ли не у колес вражеских орудий. Корпус погиб в Августовских лесах. Германский генерал, руководивший боем, обратился к кучке израненных и контуженных русских офицеров, попавших в плен: «Все возможное в человеческих руках вы, господа, сделали: ведь, несмотря на то, что вы были окружены, вы все-таки ринулись в атаку, навстречу смерти. Преклоняюсь, господа русские, перед вашим мужеством». ¹ И отдал честь.

Мужественное сопротивление 20-го корпуса в Августовских лесах отвлекло немецкое командование от решения главной задачи операции. И позволило русскому командованию

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 71.

подтянуть резервы и организовать оборону с опорой на крепость Осовец. Таким образом путь в юго-восточном направлении противнику был прегражден. По этому поводу Фалькенгайн был вынужден флегматично заметить: «Немецкие силы дошли до пределов боеспособности... Они не могли уже сломить сопротивление скоро и искусно брошенных им навстречу подкреплений».¹

Практически одновременно началось австро-германское наступление в Карпатах. Здесь против двух русских корпусов 8-й армии генерала Брусилова противник сосредоточил 7,5 корпусов. Превосходство в силах было настолько очевидным, что, казалось, исход сражения предрешен. Но используя труднопроходимую местность, особенности горного театра военных действий, русским удалось задержать противника в Карпатах в течение всего февраля 1915 года. Попытки австрийцев прорваться на помощь блокированному Перемышлю не дали никакого результата. А с подходом на помощь 8-й армии резервов русским удалось остановить австро-германские войска.

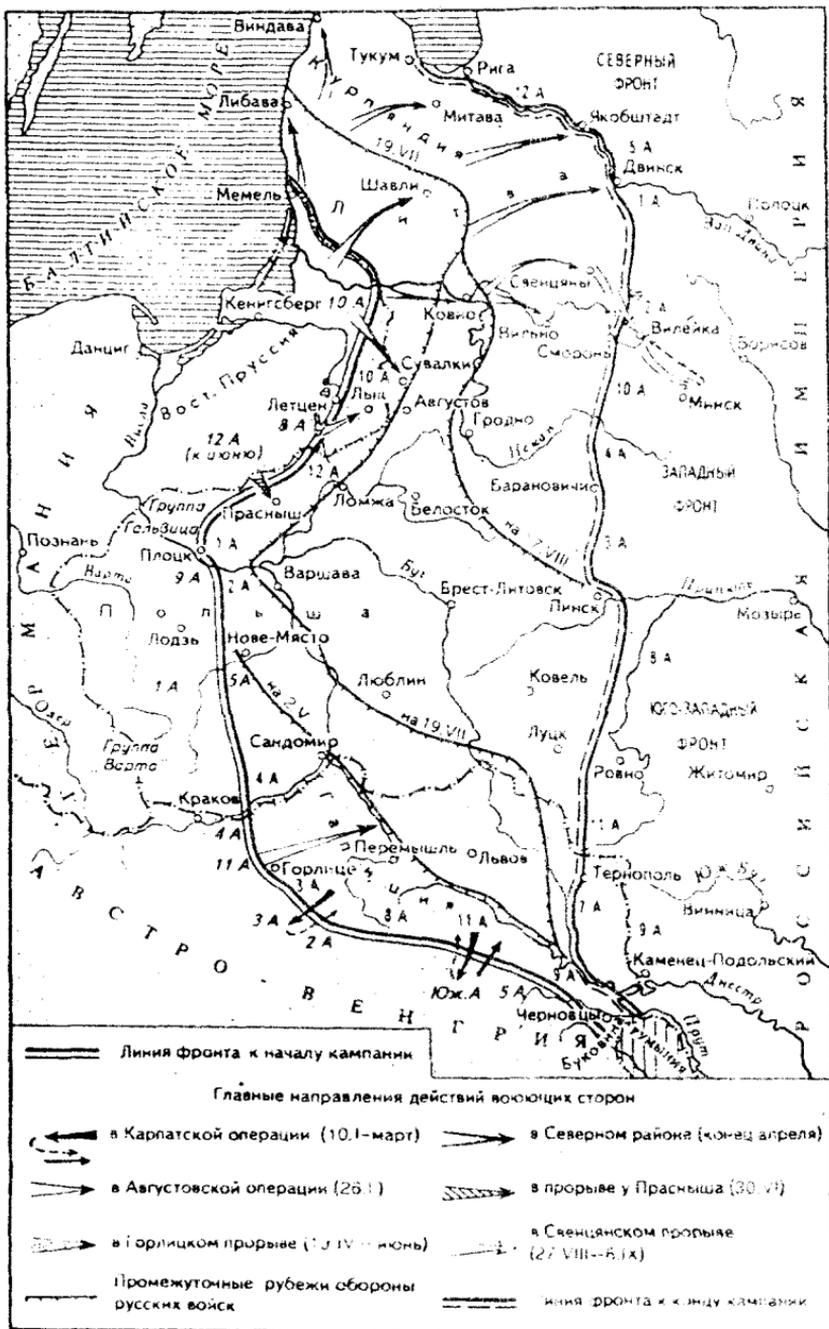
22 марта пал Перемышль. В плен попали 9 австрийских генералов, 2500 офицеров, 120 тысяч солдат, было взято 900 орудий. Антанта еще не знала таких побед. Главнокомандующий французской армией маршал Жоффр, спеша отпраздновать победу русских, распорядился выдать всем чинам от солдата до генерала по стакану красного вина.

В целом же зимне-весенние операции 1915 года не дали сколько-нибудь заметных преимуществ ни одной из сторон. Русская Ставка сумела разгадать и расстроить замыслы противника. Планы австро-германского командования были сорваны. Однако это привело к израсходованию русских резервов, что отодвигало на задний план осуществление каких-либо наступательных операций.

Рассматривая положение на Восточном фронте, сложившееся к апрелю 1915 года, немецкое командование решило отказаться от своей излюбленной тактики охватов (которые за все предыдущее время не дали сколько-нибудь заметных результатов) и провести мощный фронтальный удар, который был должен привести к прорыву русского Юго-Западного фронта. Местом прорыва немцы избрали участок фронта 3-й русской армии в районе Горлице.

Удар подготавливался весьма тщательно. К проведению операции привлекались отборные войска, снятые с французского фронта. Это были Сводный, Гвардейский, 41-й резервный и 10-й армейские корпуса. Они считались лучшими соединениями в германских вооруженных силах. Их объединили в 11-ю армию, командование которой поручили генералу Августу фон Макензену. В месте с приданными австрийскими частями 11-я армия насчитывала 357 тысяч

¹ История первой мировой войны. 1914-1918 гг. В 2-х т. Т.2. М., 1975, с.23.

Кампания 1915 г. на восточно-европейском театре

штыков и сабель при 1272 легких и 334 тяжелых орудиях. В русской 3-й армии было 219 тысяч человек и 679 орудий (из них только 4 тяжелых). Непосредственно же на 35-километровом участке прорыва у Горлице Макензен обеспечил себе превосходство в живой силе в 2 раза, в легкой артиллерии - в 3 раза, в тяжелой артиллерии - в 40 раз.

2 мая 1915 года немецкие войска начали наступление. Вот когда в полной мере сказалось превосходство противника в вооружении. Немецкая артиллерия буквально сметала линии русских позиций, рвала проволочные заграждения, уничтожала живую силу. А русская артиллерия молчала. Вот что вспоминал офицер-артиллерист, участник тех боев: «На одну «очередь» нашей батареи немцы отвечают десятью: шрапнелью и гранатами по нашим окопам, а «чемоданами» - по резервам и штабам». «Чемоданы» это снаряды тяжелых орудий. Немецкие тяжелые батареи, стрелявшие с закрытых тыловых позиций, были даже вне досягаемости огня нашей полевой артиллерии, поэтому фактически безнаказанно вели расстрел русских позиций. После того как линия русских окопов превращалась в месиво из воронок, немецкая пехота быстрым броском занимала русские позиции. Вслед за пехотой подтягивалась полевая артиллерия, которая помогала отражать возможные контратаки русских, а потом подтягивались тяжелые батареи и все начиналось заново.

В 3-й русской армии на одно артиллерийское орудие приходилось в день по 5-10 снарядов. Генерал Радко Дмитриев, командующий 3-й армией, засыпает штаб Юго-Западного фронта просьбами о присылке снарядов и патронов. Командующий фронтом генерал Иванов отвечает: «Положение дел с боевыми припасами вам известно по прежним моим предупреждениям. Ваши требования по размерам неосуществимы». И либо присылает половину от требуемого, либо ничего. Уже 7 мая начальник штаба 3-й армии отдал распоряжение «об отправке всей излишней артиллерии в тыл», чтобы избежать захвата бездействующих орудий противником. И против мощи немецкой артиллерии осталась только русская пехота. Немецкие генералы не жалели снарядов, русские - людей.

Горлицкий прорыв немцев позиций 3-й армии повлек за собой цепную реакцию всего Юго-Западного фронта. Оказавшись под угрозой флангового удара, приказ на отступление вынуждены были отдать и командующие 4-й, 8-й и 11-й русских армий. Существенной ошибкой русской Ставки стало и то, что резервы, посылаемые с целью ликвидировать прорыв, вводились в сражение по частям и быстро гибли в борьбе с превосходящими силами противника, не оказывая существенного влияния на обстановку. Русское командование даже не сделало попытки нанести удар по флангам группировки Макензена, таранившей русский фронт.

При абсолютном превосходстве врага в тяжелой артиллерии и жесточайшем снарядном голоде у русских последствия Горлицкого прорыва нетрудно было предвидеть. Хотя и неся

потери, немцы продвигались на восток. 3 июня был оставлен Перемышль, 22 июня - Львов. Русские армии откатывались к границам России. Галиция была эвакуирована за два месяца. Техническое превосходство врага подавляло. В разгар этих тяжелых боев в русских войсках обнаружилась нехватка всего - винтовок, чтобы вооружать пополнение, сапог, чтобы обути солдат.

Поражения оскорбили и ожесточили армию, виновников не надо было разыскивать, их имена были на устах - придворная камарилья, старший генералитет, оказавшийся неспособным обеспечить войска. Бездарность высшего командования была в глаза. Оставшиеся в живых рядовые и офицеры-фронтовики знали, что они до конца и даже больше исполнили свой долг. Людендорф признавал: «Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как бы оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны... К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными».¹

Горлицкая операция не оправдала возлагавшихся на нее немецким командованием надежд. Нанести решающее поражение русским не удалось. Русский стратегический фронт прорван не был. Армии Иванова последовательно отходили на восток. Продолжать движение вслед за ними не было смысла. Военные действия «могли затянуться до бесконечности». А именно этого больше всего боялось немецкое командование. Обстановка не позволяла ему терять время - на французском фронте соотношение сил складывалось не в пользу Германии.

И Фалькенгайн, и Конрад сошлись во мнении что главная цель лета 1915 года - окружение группировки русских войск, расположенных в Польше. Для достижения этой цели были разработаны и осуществлены три крупные операции: операция группы армий Макензена в междуречье Вислы и Буга, Риго-Шавельскую и Наревскую. Все они проводились одновременно и поставили русское верховное главнокомандование в очень трудное положение.

Наступление группы Макензена (11-й германской и 4-й австро-венгерской армий) в полосе между Вислой и Бутом началось 26 июня 1915 года. Оно развивалось крайне медленно. Противник, с трудом преодолевая сопротивление армий Юго-Западного фронта, к середине июля сумел выйти на рубеж Люблин - Холм.

Не принесла сколько-нибудь значительного успеха германцам и Наревская операция, проведенная в период с 13 июля по 2 августа 1915 года силами 12-й немецкой армии генерала Гальвица. К началу боевых действий 12-я армия насчитывала 177 тысяч человек и 1255 орудий. Силы русских были представлены 1-й армией генерала Литвинова. Она насчитывала 107 тысяч человек и 377 орудий. Обеспеченность армии боевыми припасами была еще ниже, чем 3-й

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Т.1. М., 1923, с.118-119.

русской армии накануне Горлицкого прорыва. Не хватало не только снарядов (дневная норма была установлена в 5 выстрелов на орудие), но и ружейных патронов. Тысячи бойцов не имели винтовок.

В 5 часов 13 июля германские снаряды обрушились на окопы первой линии русских позиций и в течение 4-5 часов вели интенсивную артподготовку. Эффективность немецкой артподготовки была очень высока - до 30% потерь боевого состава. Но это вовсе не обеспечило немецкой пехоте легкой победы. Русские солдаты в обороне и контратаках проявили такую стойкость и упорство, что приводили в изумление противника. Шесть дней упорного сражения у Прасныша позволили немцам ценой тяжелых потерь продвинуться лишь на 25-30 км. Русские не были разбиты, а лишь сдвинуты со своих позиций и оттеснены к Нареву.

В погоне за решающим успехом враг не останавливался перед нарушением законов и обычаев войны, широко пустив в дело отравляющие газы. Впервые в войне немцы применили химические снаряды на русском фронте еще в январе 1915 года. Командующие поставили вопрос о контрмерах. В начале марта Ставка ответила: «Верховный главнокомандующий относится к употреблению (химических) снарядов отрицательно». Положение изменилось к началу лета 1915 года: в апреле и мае получили известия о немецких газобаллонных атаках хлором на Западном фронте - в районе Ипра, где погибло 5 тысяч человек, и на участке 2-й русской армии, в результате которой умерло свыше тысячи человек.

В начале июня Ставка обратилась к военному министру В.А.Сухомлинову: «Верховный главнокомандующий признает, что, ввиду полной неразборчивости нашего противника в средствах борьбы, единственной мерой воздействия на него является применение и нашей стороной всех средств, употребляемых противником». Хотя последствия газовых атак невероятно преувеличивались, нельзя было допустить, чтобы войска угнетались оружием, которое есть только у противника. С осени 1915 года на фронт для выполнения газобаллонных атак стали отправляться химические отряды, а с 1916 года армия получает и химические снаряды. Для защиты академик Н.Д.Зелинский создает эффективный угольный противогаз.

Путь германской и австрийской армий, вступивших на территорию России, отмечали массовые убийства мирных жителей и пленных, разнузданный грабеж. С фронта шли сообщения об истязаниях захваченных в плен, выставлении перед собой под обстрел в качестве прикрытия мирных жителей. И это не были отдельные эксцессы военного времени. Это была целенаправленная политика германского командования. Вот что по этому поводу говорил кайзер Вильгельм II: «Все должно быть утоплено в огне и крови, необходимо убивать мужчин и женщин, детей и стариков, нельзя оставить ни одного дома, ни одного дерева. Этими террористическими методами..., война будет окончена менее чем в два месяца, в то время как,

если я приведу во внимание гуманные соображения, война продлится несколько лет». А вот как обосновывали грабежи служебные инструкции немцев. «Германские основные принципы высшего командования войсками» гласили: «Самый простой и самый удобный для солдат способ продовольствия - это от квартирохозяев; этим сберегаются собственные запасы, но он неравномерен, допускает не особенно тесное сосредоточение войск, и при этом средства даже богатейших стран скоро исчерпываются... Реквизиции, как производимые административными учреждениями в больших размерах, так и войсками для удовлетворения их потребностей данного момента, являются наиболее выгодными способами продовольствия в неприятельской части театра военных действий».¹

Население прифронтовой полосы знало, что его ждет, тысячи людей снимались с мест и уходили вместе с русскими войсками. Потоки беженцев затруднили дороги, осложняя воинские перевозки. Это была настоящая трагедия, названная современниками емкими, сейчас почти забытыми словами: Великое Отступление.

Чтобы избежать окружения в так называемом «польском выступе» русские войска были вынуждены отходить. В начале августа была оставлена Варшава. Без боев очищаются крепости Ивангород, Гродно, Осовец, Брест-Литовск. Новый командующий Северо-Западным фронтом генерал М.В.Алексеев с большим искусством выводит войска на восток. Нигде планомерный отход не превращался в беспорядочное бегство.

В кровопролитных схватках русские войска дрались превосходно, но мужество и жертвенность не могли компенсировать возраставшей нехватки вооружения и боеприпасов. «Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в компании 1915 года, - писал генерал Головин. - Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изощрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы. Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки; предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытые для артиллерии. Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 52.

характеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в компанию 1915 года».¹

Потери убитыми и ранеными России достигают рекорда - 235 тысяч человек в месяц (в среднем по 140 тысяч человек за всю войну). Великое Отступление обошлось русской армии в 1410 тысяч убитых и раненых. Учет тех, кто погиб, был труден, а зачастую невозможен: тяжелораненые погибали на оставленных полях сражений или добивались противником. При отступлении части торопливо хоронили «своих» и «чужих» убитых. Все чаще при отпевании у свежевырытых братских могил-рвов звучали скорбные слова священников: «Имена же их Ты, Господи, веши». Когда бесчисленные солдаты и офицеры гибли только потому, что не были толком вооружены и обучены, это вызывало горечь и гнев.

Скорбные вереницы санитарных поездов развозили по России раненых - живое доказательство приходящего на фронты. «Надвигается на нас горе великое, - писала о тех днях легендарная русская певица Надежда Плевицкая. - Вот оно грянуло, содрогнулась земля, и полилась кровь. Не стану описывать того, что знает каждый, а я сбросила с себя шелка, наряды, надела серое ситцевое платье и белую косынку. Знаний у меня не было, и понесла я воину-страдальцу одну любовь... Лежит передо мной изувеченный неизвестный человек, и никаких чинов-орденов у него нет. Он, видишь ты, не герой, а свою жизнь отдает отечеству одинаково со всеми главнокомандующими и героями. Только солдат отдает свою жизнь очень дешево, иногда и по ошибке того же главнокомандующего».

В то время как русские армии отступали, неся жестокие потери, русское Верховное главнокомандование обратилось в июне 1915 года к союзникам по Антанте с официальными просьбами открыть наступление на западе, чтобы облегчить положение на Восточном фронте. 7 июля в Шантильи собрался первый за войну межсоюзнический военный совет, где совещались представители Франции, Англии, России, Бельгии, Сербии и Италии, вступившей в войну на стороне Антанты в мае 1915 года. Русский военный агент во Франции А.А.Игнатьев просил нанести «решительный удар» на западе, пока Германия скована на востоке. Услышав слово «решительный», Жоффри нахмурился и объяснил, что при обозначившемся размахе войны самые блестящие успехи не приводят к решительным результатам, размеры военных усилий зависят от итогов работы промышленности. Совет постановил: на западе будут предприниматься «локализированные действия», большое наступление откроется по накоплении запасов и пополнении артиллерии.

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 90.

Частные наступательные операции на Западном фронте летом 1915 года немцы без труда отбили, справедливо расценив их как отвлекающие. Обещанное большое наступление началось в самом конце сентября в Артуа и Шампани, где немцы ближе всего подошли к Парижу. В бой пошли 53 французские и 14 английских дивизий при поддержке 5 тысяч орудий. Только французы израсходовали на артиллерийскую подготовку 3 миллиона снарядов. Итог - продвижение за две недели на 10-15 км и огромные потери. Позиционное сидение на западе возобновилось.

Доверие к союзникам рушилось. Крылатой в русской армии стала фраза: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». Английский военный представитель генерал Нокс записал разговор осенью 1915 года с генерал-квартирмейстером штаба Западного фронта Лебедевым: «Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький Лебедев, горячий патриот, увлекся воем. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами таились как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним... Лебедев ответил... что Англия делает много, но она не делает всего, что могла бы делать. Россия ничего не бережет и все отдает: что может быть дороже ей, чем жизнь ее сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей своих бережет... Он сказал: «Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете ли вы, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами? Мы прекрасно сознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны». Что мог я ответить на это, ибо знал, что многое из сказанного Лебедевым правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее, чем некоторые из наших государственных деятелей, на беседах которых я присутствовал».

Только спустя много лет некоторые западные политические деятели смогли оценить то, что сделала Россия в 1915 году. Премьер-министр Великобритании времен первой мировой войны Дэвид Ллойд Джордж в своих мемуарах писал: «Когда летом 1915 года русские армии шли на убой под удары превосходящей германской артиллерии и не были в состоянии сопротивляться вследствие недостатка винтовок и патронов, французы копили свои снаряды, как будто это были золотые франки, и с гордостью указывали на огромные запасы в резервных складах за линией фронта...

Когда Англия начала по-настоящему производить вооружение и стала давать сотни орудий большого и малого калибров и сотни тысяч снарядов, британские генералы относились к этой продукции так, как если бы мы готовились к конкурсу или соревнованию, в котором все дело заключалось в том, чтобы британское оборудование было не хуже, а лучше оборудования любого из ее соперников, принимающих участие в этом конкурсе...

Военные руководители в обеих странах, по-видимому, так и не поняли того, что должно было быть их руководящей идеей, они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и что для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для содействия достижению общих целей...

На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914-1915, и в 1916 годах, что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет собственных насущных нужд...

Мы бросили Россию на произвол ее собственной судьбы».¹

К исходу сентября 1915 года 1300-километровый Восточный фронт стабилизировался на линии Рига-Двинск-Пинск-Черновицы. Были оставлены Польша, часть Литвы, очищена Галиция. Враг, хотя и углубился в пределы России, был истощен. В сентябре попытка Гинденбурга пробить фронт и вывести в русский тыл большую массу конницы (Свенцянский прорыв) привела только к новым неоправданным немецким потерям. На юге в самом конце сентября Брусилов внезапным ударом разгромил 4-ю австрийскую армию у Луцка.

Обозревая восточный театр осенью 1915 года, Гинденбург с глубоким разочарованием писал: «Русские вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». В свою очередь Фалькенгайн мрачно констатировал: «Выполненные операции не достигли вполне своей цели». Немцы захватили порядочные территории, но в выполнении своей основной цели - уничтожении русской армии - не преуспели.

Общественное мнение России, оправившись от первого шока неожиданных поражений, пришло в негодование. Как могло случиться, что у армии нет достаточного количества боеприпасов и артиллерии? Почему уроки кампании 1914 года не пошли впрок? И конечно же постоянно звучал традиционный русский вопрос: кто виноват? Требовали назвать конкретного виновного, и он был назван: военный министр В.А.Сухомлинов. Занимая эту должность с 1909 года, он неоднократно публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. Все как-то сразу поверили, что этот человек виновен в преступной халатности, лихоимстве. Сразу вспомнили о приятельских отношениях министра и «святого старца» Г.Е.Распутина. Зазвучали голоса о государственной измене. Сразу всюду всем стали мерещиться немецкие шпионы. Министр был отрешен от должности 25 июня 1915 года.

Видя такие настроения в русском обществе, царь постоянно думал о том, как переломить ход событий. В конце концов (не без сильного влияния супруги) Николай II пришел к решению возглавить руководство армией. Смысл этого поступка был довольно простым и

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 93.

объяснялся традиционными представлениями о безграничной любви народа к царю. Николаю казалось, что если во главе войск встанет помазанник Божий, то простые солдаты, воодушевленные его предводительством, воспринут духом и сокрушат врага.

Император приступил к новым обязанностям. 23 августа был опубликован приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг защиты Родины до конца и не посраим земли русской».¹ Прежний главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был переведен на должность командующего Кавказским фронтом.

Эффект от этого решения оказался прямо противоположный. Боевой дух армии поднять не удалось, а вот авторитет царской власти, изрядно пошатнувшийся за предыдущие годы правления Николая II, теперь был окончательно подорван. Пребывание царя в Ставке, в Могилеве, не только не способствовало улучшению дел на фронте, но приводило к их ухудшению и в тылу. Вынужденный в силу своего нового положения находиться на фронте, Николай фактически передоверил управление страной своей супруге. И влияние таких людей как Распутин и придворная камарилья резко возросло.

«Брусиловский прорыв»

Планы летней компании 1916 года русское командование очень тесно увязывало с действиями англо-французских войск на Западе. Именно нашим союзникам по Антанте отводилась летом 1916 г. решающая роль в наступлении на немцев. Более года англо-французы готовились нанести Германии решительный удар. Русскому же фронту после поражений 1915 года отводилась вспомогательная роль - демонстративными действиями приковать к себе немецкие силы и не дать перебросить их на запад. Главная роль, таким образом, отводилась Верховным командованием русским Северному и Западному фронтам, стоявшим против германцев. Юго-Западному фронту, противостоящему австрийцам, нужно было нанести всего лишь отвлекающий удар.

Но немцы не стали дожидаться наступления союзников и перехватили инициативу. 21 февраля 1916 г. на французские позиции под Верденом в течение нескольких часов было обрушено 2 млн артиллерийских снарядов. Заработала жуткая верденская «мельница» или «мясорубка», как ее называли солдаты. На узком участке фронта шириной не более 40 км немцы нанесли мощнейший удар, пытаясь прорвать французские укрепления. Первоначально

¹ Боханов А.Н. Николай II / Романовы: Исторические портреты: Книга вторая. М., 1998, с.664.

они добились некоторого успеха и даже отгеснили французов на 3-4 км. Но французское командование подтянуло к атакованному участку резервы, и борьба пошла на полное истощение. Бои под Верденом продолжались на протяжении почти 10 месяцев. В результате французам удалось отбросить немцев в исходное положение. В верденской «мясорубке» было перемолото 69 французских и 50 германских дивизий, общие потери превысили 1 млн человек, а линия фронта осталась там же, где и была.

Союзники немцев, австрийцы, также предприняли весной 1916 г. наступление против Италии. 15 мая в районе Трентино итальянские позиции были прорваны. Не ожидавшие ничего подобного итальянцы дрогнули и побежали. По мере того как ускорялось отступление итальянской армии, русское и французское командование получало все возрастающий поток просьб и требований о помощи. Итальянцы буквально умоляли ускорить наступление англо-французов на западе и русских на востоке, с тем чтобы заставить австрийцев оттянуть свои силы от Италии. Французский главнокомандующий маршал Жоффе наотрез отказался изменить дату наступления, намеченного на 1 июля. Наступление же на русском фронте должно было начаться 15 июня. Главная роль отводилась в нем Северному и Западному фронтам генералов Куропаткина и Эверта, но оба они явно не рвались в бой. И тогда командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов испросил для своих войск разрешения нанести раньше срока «вспомогательный, но сильный удар».

К началу июня Брусилов имел 40 пехотных и 15 кавалерийских дивизий. Ему противостояли 39 пехотных и 10 кавалерийских дивизий противника. Австрийцы 9 месяцев укрепляли свои позиции, состоявшие из трех полос, удаленных друг от друга на 3-5 км. В первой полосе - три линии окопов, прикрытых 19-21 рядами проволочных заграждений. Иногда таких заграждений было несколько, на расстоянии 20-80 шагов друг от друга. Нередко заграждения были оплетены толстой стальной проволокой, не поддававшейся резке ножницами. Было много бетонированных блиндажей, узлов сопротивления. Все окопы были обильно снабжены пулеметами, траншейными пушками, бомбометами, минометами, ручными гранатами и огромным запасом боеприпасов. На отдельных участках через проволоку пропустили электрический ток, в предполье были заложены фугасы. Прорвать такую оборону, не имея минимум трехкратного превосходства в силах, в то время считалось невозможным. Да и опыт боев под Верденом, казалось, только доказывал это.

Брусилов учел отрицательные уроки войны во Франции и выдвинул новую идею - наступать всем Юго-Западным фронтом, протянувшимся на 340 км, выделив, разумеется, ударные участки (их было четыре, шириной в 15-20 км каждый), на них и взломать вражескую оборону. Напряженными инженерными работами передовая линия окопов была подведена на

50-300 м к переднему краю врага. Пехоте предписывалось наступать четырьмя волнами, «перекатами» - пока первые волны, затопив вражеские укрепления, добивают защитников, другие идут дальше. Было отработано взаимодействие артиллерии и пехоты, обученной идти за огненным валом собственных орудий. Датой наступления было выбрано 4 июня 1916 года.

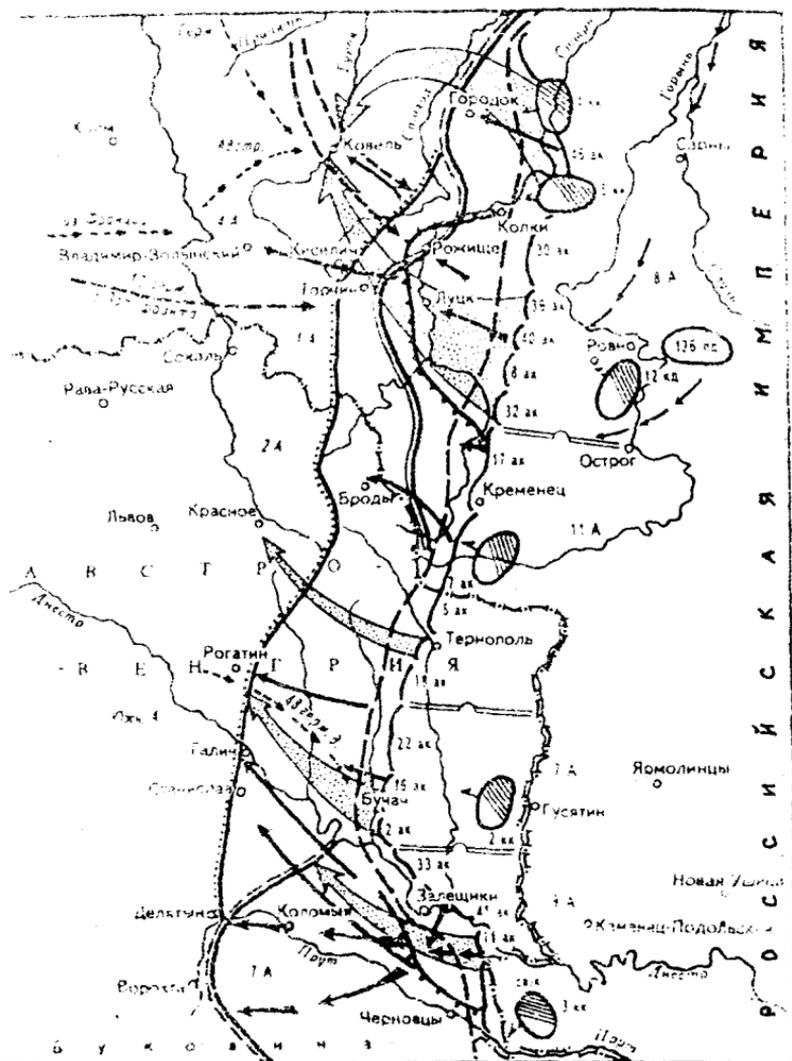
В это раннее теплое утро австрийские войска, зарывшиеся перед русским Юго-Западным фронтом, не увидели восхода солнца. Вместо солнечных лучей с востока пришла ослепительная и ослепляющая смерть - тысячи снарядов превратили обжитые, сильно укрепленные позиции в ад. Разбуженные грохотом в блиндажах австрийские солдаты в ужасе застыли. Земля ходила ходуном в сплошном реве снарядов русской полевой артиллерии, сметавшей проволочные заграждения и брустверы, часто ухали леденящие кровь взрывы - тяжелые орудия и мортиры разрушали укрепления. Не убитые, не погребенные заживо за время артиллерийской подготовки, оглушенные, контуженные австрийцы с готовностью поднимали руки, стоило русскому гренадеру с граватой встать у входа в убежище. Так, например, прапорщик 8-го стрелкового полка Егоров с десятью разведчиками заставил сложить оружие 827 солдат и офицеров противника, захватил 4 пулемета и при этом отразил атаку целого эскадрона венгерской кавалерии.¹

Утром 4 июня 1916 г. произошло невиданное и неслыханное в истории унылой позиционной войны. Почти на всем протяжении Юго-Западного фронта атака удалась. Это была небывалая победа! За первую неделю наступления войска Брусилова взяли свыше 100 тысяч пленных, сотни орудий, громадное количество другого вооружения, брошенного австрийцами. Глубокое продвижение сначала четырех, а затем шести русских армий было просто невероятным. 8-я армия, например, за первые одиннадцать дней боев прошла 70-75 км, - по 6,5 км в сутки!

Австрийские войска, уверенные в прочности своего фронта, были деморализованы. Один пленный австрийский офицер на допросе заявил: «Наши позиции неприступны и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: эти позиции были взяты русскими, завешаем всем - никогда и никому с ними не воевать».

Исполнинская победа Брусилова всколыхнула надежды, что наступление, начавшееся на его фронте, захватит остальные, как гигантский вал взметнется и обрушится на границы Германии и Австро-Венгрии.

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т.4. - М., 1994, с. 40.

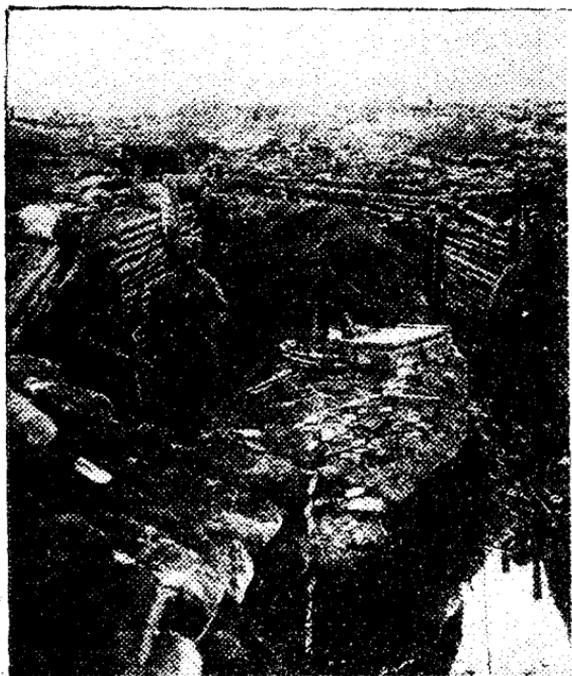
Р О С С И Й С К А Я И М П Е Р И Я

	Линия фронта к 22 мая		Направление прорывов армий по плану операции
	Граница продвижения 8 и 9 армий к концу мая		Направление наступления по директиве Брусилова 12 июня
	Линия фронта к 3 июня		Контратака первых германских подкреплений
	Линия фронта к началу июля		Резервы
	Линия фронта к началу сентября		Прибывающие части

Наступление Юго-Западного фронта летом 1916г.

А.А.Брусилов в годы
первой мировой войны

Русские солдаты в
захваченном вражес-
ком окопе.
Из фондов Музея
Артиллерии

Для германского главнокомандующего генерала Фалькенгайна брусиловский прорыв явился весьма неприятным сюрпризом. Как меланхолично заметил немецкий историк: «То, что, по образу мыслей генерала Фалькенгайна, считалось почти невозможным, свершилось с неожиданностью и очевидностью опустошительного явления природы». Паническое отступление австрийцев было чревато полным крахом всего Восточного фронта, а следовательно и поражением в войне. Германия предприняла экстренные меры для спасения своего союзника. В район прорыва, особенно под Ковель, стали спешно стягиваться резервные немецкие дивизии. «Ковельская дыра, - писал очевидец, - стала постепенно заполняться свежими германскими войсками, собранными чуть ли не побатальонно с разных мест русского фронта». В общей сложности к участку прорыва противник перебросил 45 дивизий. С Западного фронта явились лучшие из лучших: в составе X корпуса - 20-я брауншвейгская «стальная дивизия», получившая это название по повелению императора Вильгельма II. Она, дав «клятву смерти» в боях на французском фронте, получила право носить на каске эмблему - голову Адама, которую имели только пресловутые «гусары смерти».

Во второй половине июня X корпус бросился на русских. «Германцы засыпали нас десятками тысяч снарядов беспрерывно в течение четырех дней. Одна отчаянная атака сменялась другой... 20 июня, после сорок второй атаки, брауншвейгская пехота смерти, наконец, присмирела. Утром 21 июня весь X корпус, ввиду огромных потерь, был сменен резервами и вышел из боя «Никогда, - говорили пленные брауншвейгцы, - мы не допускали мысли, что здесь, на Восточном театре, могут происходить такие кровопролитные бои. У нас, во Франции, было куда спокойнее. Подобному разгрому мы не подвергались еще ни разу с начала войны».¹ X корпус потерял более 70 процентов личного состава. В полках «стальной дивизии» выжили всего по 300-400 человек.

Брусиловский прорыв сразу же облегчил положение французов под Верденом. Легко вздохнула и Италия, так как австрийцы прекратили свои атаки в Трентино (16 австрийских дивизий было переброшено оттуда в Галицию).

«Россия пожертвовала собой ради своих союзников, - пишет английский историк Лиддел Гарт, - и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатыми должниками России». Однако в тот момент союзное командование на Западе так не считало. Наступление англо-французов на Сомме началось лишь 1 июля 1916 г., когда армии Брусилова были обескровлены и время было упущено. Как заметил Фалькенгайн, «в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме».

¹ Яковлев Н.Н. Последняя война царской России. М., 1994, с.178.

Франко-английские войска превосходили немцев в начале боев по живой силе в 4 раза, по тяжелой артиллерии - более чем в 5 раз. На Сомме англичане впервые применили новое чудо-оружие - танки. Тем не менее, результат пятимесячного сражения был ничтожен. Общие потери превысили 1,3 млн человек. Ценой таких огромных потерь союзникам удалось отбить у немцев 200 кв. км территории.

Брусилов к осени 1916 г., когда русские были остановлены на реке Стоход, занял 25 тысяч кв. км. За пятимесячное движение в Галиции Юго-Западным фронтом, подводил итоги генерал, «было взято в плен свыше 450 тыс. офицеров и солдат, т.е. столько, сколько, по всем имеющимся у нас довольно точным сведениям, находилось передо мной неприятельских войск. За это же время противник потерял свыше 1,5 млн убитыми и ранеными. Тем не менее, к ноябрю перед моим фронтом стояло свыше миллиона австро-германцев и турок. Следовательно, помимо 450 тыс. человек, бывших вначале передо мной, против меня было перекинуто с других фронтов свыше 2,5 млн бойцов».

Брусиловский прорыв, по словам одного из его участников, выделил «русского бойца на высшую ступень по сравнению с его западными союзниками». Русская армия еще раз показала всему миру, на что она способна под руководством энергичного и целеустремленного командира даже при самых скромных технических средствах. «Вспомогательный» удар Юго-Западного фронта мог привести к полному разгрому противника, поддержки своевременно Брусилова Северный и Западный фронты, где, собственно, и планировался главный удар. Но трагедия русской армии состояла в том, что на высших командных постах почти не было людей брусиловского склада. Так, Эверт без обиняков заявил: «С какой стати я буду работать во славу Брусилова!» И наступление Западного фронта захлебнулось в крови, так и не принеся никакого результата. После чего Эверт потребовал подкреплений. Подкреплений, которые были так нужны в Галиции.

В своих воспоминаниях Брусилов с горечью констатировал: «При дружном воздействии на противника нашими тремя фронтами являлась полная возможность - даже при тех недостаточных технических средствах, которыми мы обладали по сравнению с австро-германцами - отбросить все их армии далеко к западу. А всякому понятно, что войска, начавшие отступать, падают духом, расстраивается их дисциплина, и трудно сказать, где и как эти войска останутся и в каком порядке будут находиться. Были все основания полагать, что решительный перелом в кампании на всем нашем фронте совершится в нашу пользу, что мы выйдем победителями, и была вероятность, что конец нашей войны значительно ускорится с меньшими жертвами. Не новость, что на войне упущенный момент более не возвращается, и на горьком опыте мы эту истину должны были пережить и перестрадать».

Опыт наступления Юго-Западного фронта вселил в русское командование известный оптимизм. На весну-лето 1917 года планировалось последнее решительное наступление, которое должно было сокрушить истощенную трехлетней войной Германию. Но расчеты военных опрокинули события, которые вспыхнули в тылу русской армии в феврале 1917 года. Поэтому победа над Германией была достигнута не в 1917, а в 1918 году. Но России среди держав-победительниц уже не было. На просторах бывшей Российской империи всюду бушевала революция и гражданская война.

Библиографический список

1. Алексеева И.В. Агония Сердечного Согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914-1917. Л., 1990.
2. Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. Т. 1-3. М., 1938.
3. История первой мировой войны. 1914-1918 гг. В 2-х т. М., 1975.
4. Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. М., 1992-1994.
5. Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг. М., 1990.
6. Писарев Ю.А. «Наши дети будут ходить по Вене...» Сараевское убийство 28 июня 1914 года и «Млада Босна» // Родина. № 8-9. 1993.
7. Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М., 1964.
8. Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.
9. Флот в первой мировой войне. В 2-х т. М., 1964.
10. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974.
11. Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994.

СМЕРТЬ «СВЯТОГО СТАРЦА»

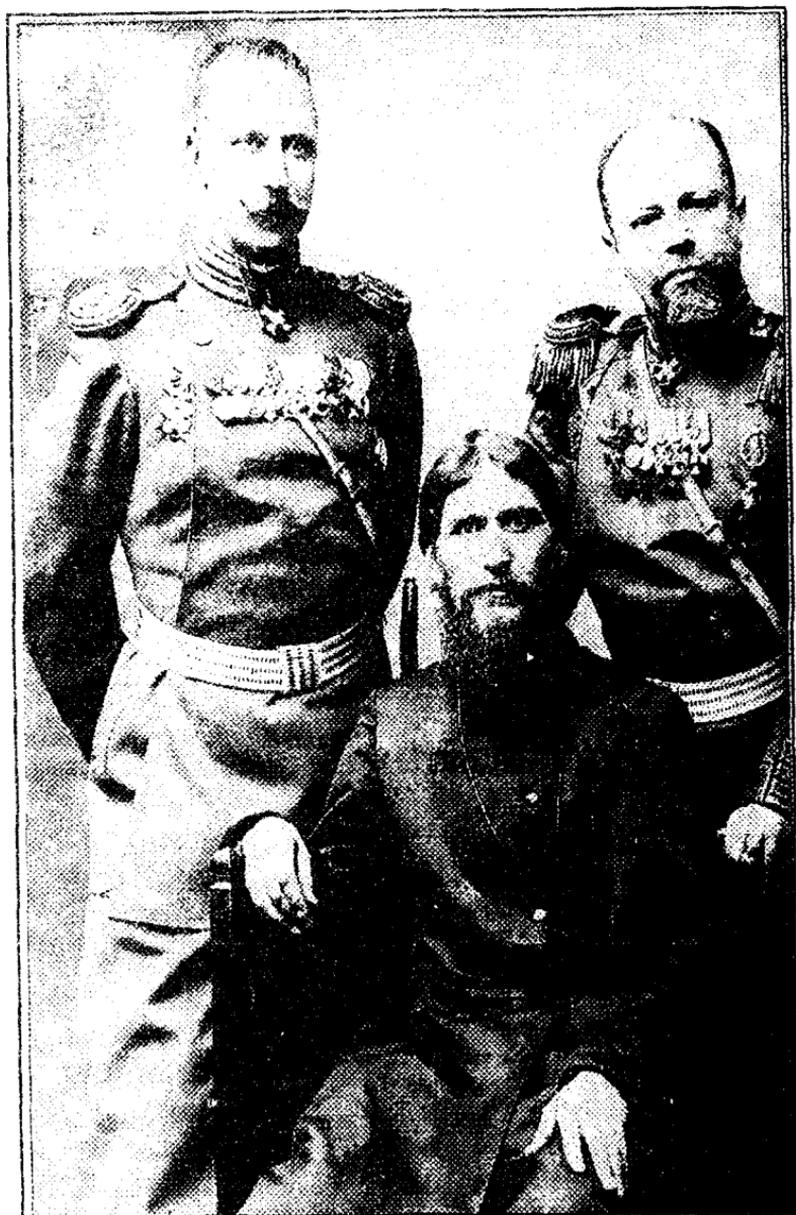
30 июля 1904 г. в семье русского императора Николая II наконец произошло долгожданное событие: его супруга Александра Федоровна после четырех девочек родила сына. Наследника-цесаревича назвали Алексеем. Радость родителей не омрачали даже тревожные сообщения с театра боевых действий русско-японской войны. Однако беда не заставила себя долго ждать.

Очень скоро выяснилось, что маленький наследник неизлечимо болен. Диагноз - гемофилия. Причина болезни - наследственность по материнской линии. Женщины гемофилией не болеют, они являются лишь носителями «испорченного» гена. У мужчин болезнь проявляется в форме несвертываемости крови. И если наружное кровотечение можно остановить с помощью тугой повязки, то внутренние кровоизлияния могут повлечь за собой быстрый летальный исход. Медицина в таких случаях в начале XX века была бессильна.

Жизнь царской семьи превратилась в настоящий ад. Алексей, желанный для обоих супругов наследник, в любой момент мог умереть от пустяковой для здорового ребенка царапины, ссадины или ушиба. Нравственные страдания Александры Федоровны усугублялись сознанием собственной «вины». Натура нервная и экзальтированная, она увидела путь к спасению сына в религии. Может быть, Бог окажется милосерднее земных эскулапов и дарует ей чудо - сохранит маленькому Алексею жизнь. Но чуда не происходило. Похоже, молитвы Александры Федоровны до Бога не доходили. И тогда она стала искать того, кто станет ее предстателем перед Всевышним, того, кто отведет смерть от ее любимого «бэби», от ее «солнышка».

При царском дворе появились многочисленные маги, чародеи, блаженные и юродивые. Николай II, сам человек очень набожный, увлечению жены мистикой не препятствовал. При таких обстоятельствах 1 ноября 1905 года в Царском Селе появился «человек Божий Григорий из Тобольской губернии». Фамилия «старца» была Распутин. С тех пор мрачная тень «божьего человека» будет неразрывно связана с жизнью царской семьи.

Григорий Ефимович Распутин был уроженцем села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии. По его собственным словам, когда он прибыл в Петербург, ему было 42 года. В Сибири остались жена, трое детей и бурная молодость. Односельчане наградили Григория прозвищами «конокрад» и «варнак» за его пристрастие к водке, чужому добру и женщинам. Не раз бивали его нещадно. За разгульное поведение сельский сход предлагал его выслать в Восточную Сибирь. И вдруг Григорий бросил пить, стал укрощать свою плоть многочасовыми молитвами. Временами его посещали видения святых. Паломничество в соседний Верхотурский монастырь произвело на него настолько сильное впечатление, что с тех

Распутин с офицерами

пор он становится «странником». В родном Покровском он проводил только лето, а после уборки урожая отправлялся в путешествия по святым местам.

Односельчане считали, что Гришка-варнак стал таким «странным» после того, как они ударили его колом по голове. Отец Григория объяснял его любовь к странствиям обычной ленью.

Чем дальше Распутин уходил от родного села, тем больше становилась его «святость». Посещая монастыри, общаясь с такими же, как он, «странниками», Григорий приходит к мысли, что в Бога можно верить по-разному: «Триста вер в свете - триста истин... У каждого человека в душе своя библия...» Его экзальтированная набожность, которой поначалу восторгались даже иерархи православной церкви, балансировала на грани с ересью. Наиболее близким по духу для него оказалось учение секты хлыстов, провозгласившее грех формой покаяния. Чем выше грех, тем больше покаяние. «Не согрешишь - не покаешься», - любил повторять Распутин. Но хлыстом, в чем позднее будут обвинять его враги, он не был.

Бросив пить, он не менее рьяно взялся за борьбу с «блудным бесом». И долго пытался перебороть его молитвой. Увы, «блудный бес» наиболее искушает как раз тех, кто бросил ему вызов. Трудность побороть искушение увеличивалась тем, что в Распутине было нечто, несомненно притягивающее женщин.

Со временем он проделал эволюцию от человека, борющегося с искушением, затем старающегося оправдать его с религиозной точки зрения, а под конец свободно отдающегося ему и даже настойчиво помогающего женщин. С этим связаны и знаменитые походы Распутина в баню со своими почитательницами. По мысли «старца», быть голым среди голых женщин и побороть себя было большим «подвигом», чем отсидеться от соблазна за монастырскими стенами. Однако от «изгнания страстей» с помощью поцелуев и бань недолго был путь к более радикальным средствам. Свидетельства иеромонаха Илиодора (Труфанова), как они с Распутиным в 1910 году в Царицыне изгоняли «блудного беса» из одержимых, читаются наподобие «Декамерона». Если Труфанов считал, что бес сидит «под ложечкой» и изгонять его нужно «молитвой, крестом да водой», то Распутин усматривал беса в другом месте, и, соответственно, другое орудие требовалось для его изгнания. Подобные подвиги во славу веры сделали имя Распутина весьма известным в церковных кругах.

В 1904 году vikарий Казанской епархии Хрисанф рекомендовал «божьего человека» ректору Петербургской духовной академии епископу Сергию. Тогда же, по словам самого Распутина, он познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским, который благословил его и сам попросил благословения, так сказать, определил себе преемника.

Русская православная церковь была обеспокоена тем, что вокруг императрицы, пользуясь ее увлечением мистицизмом, увивались разные темные личности типа месье Фялиппа или знаменитого Папюса. Волновала церковь не их сомнительная деятельность, а принадлежность к католицизму и масонским кругам. Уже не раз им пытались противопоставить исконно русских знахарей, ведунов или юродивых, но все безуспешно. Через них епископы надеялись влиять на Александру Федоровну, а следовательно, и на Николая II в вопросах, связанных с реорганизацией церкви: Сибирский «самородок» был для них настоящей находкой.

В салонах столичной аристократии появился простой мужик в крестьянской рубашке и смазных сапогах, с нечесаной бородой и грязными ногтями. От него исходил острый неприятный запах. Это было так экзотично и интригующе. Это отвечало извечному идеалу самодержавия о единении царя и народа. Церковные иерархи могли торжествовать. Однако вскоре стало ясно, что «марионетка» не желает подчиняться «кукловодам». Присутствие Распутина благотворно влияло на здоровье цесаревича, чем «старец» не преминул воспользоваться. Отказавшись от поиска чудесного лекарства, способного излечить наследника, он самого себя сделал залогом его здоровья: «Покуда я рядом с наследником, с ним ничего не случится», - не уставал повторять Григорий. Облегчая страдания мальчика, Распутин тем самым облегчал и нравственные страдания матери. Для Александры Федоровны он становится «Другом» - так она часто называет его в письмах к мужу.

Крестьянская смекалка помогла Распутину быстро усвоить тот образ, который хотели видеть в Царском Селе. В лучших патриархальных традициях он называл Николая и Александру «папашей» и «мамашей». Его косноязычная сбивчивая речь, пересыпанная цитатами из Священного писания и грубыми крестьянскими словечками, производила на императрицу впечатление настоящего откровения свыше. Имея возможность одеваться у лучших портных столицы, Григорий предпочел сохранить в одежде псевдонародный стиль. Но соблазны Петербурга взяли верх над «божьим человеком». Была забыта непримиримая борьба с «блудным бесом». Фантастические слухи о пьяных оргиях «старца» в кругу своих почитательниц поползли по столице. Скандалы, порочившие честь царской семьи, не входили в планы его покровителей, и они решили призвать «старца» к порядку. Но Распутин, почувствовав свою власть, закусил удила.

Ректор Духовной академии епископ Феофан, впервые представивший Распутина царской семье, первым и обратился к царю с разоблачениями «святого черта». В результате... Феофан был сослан в Таврическую губернию. «Заткнул я ему глотку», - злорадовался в кругу приятелей Распутин. Пытались выслать «божьего человека» из столицы и П.А.Столыпин, и сменивший его на посту премьера В.Н.Коковцев, и председатель Государственной Думы

М.В.Родзянко (лишь на время это получилось у Столыпина). Были заведены два дела, обвинявшие Распутина в хлыстовстве и попытке изнасилования монахини. Но найти веские доказательства противникам «старца» не удалось, и он отделался только легким испугом. Куда серьезнее обернулась для Григория встреча с недавними единомышленниками - Саратовским епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором. Гермоген устроил Распутину настоящее судилище. Зачитав своим зычным голосом обвинения в его адрес, епископ спросил правда ли это. Перепуганный «старец», повалившись на колени, залепетал: «Правда, правда, все правда». И тогда Гермоген, человек большой физической силы, начал расправу. Он бил Распутина кулаками и нагрудным крестом по голове, в гневе крича: «Ты, гад, губишь, разбиваешь наши священные сосуды!» «Старца» даже хотели оскопить, но потом ограничились его клятвой на святых мощах впредь не блудить и не переступать порога царских дворцов.

Но клятвы своей Григорий не сдержал. Он пожаловался «папаше», что на его жизнь якобы было совершено покушение. Николай II пытался примирить его с епископами, но Гермоген заявил: «Близко к себе его, скота, не подпущу». Гермогена сослали в Литву, а Илиодора заточили в исправительный монастырь. Распутин вышел из этой борьбы победителем. Более того, он понял, что на высших постах в русской православной церкви желательно иметь своих друзей. Пользуясь своим влиянием на Александру Федоровну, он проводит на ряд престижных мест своих кандидатов. Особенно усилилось влияние Распутина на императрицу в 1912 г. после случая в Спале. Тогда сильно ударившийся коленом цесаревич Алексей оказался в критическом положении. Врачи бессильно разводили руками. Все с минуты на минуту ожидали смерти мальчика. Но после того, как из Покровского от «божьего человека Григория» была получена телеграмма: «Бог воззрил на твои слезы. Не печалься. Твой сын будет жить...», Алексею действительно стало лучше и он пошел на поправку. Александра Федоровна окончательно уверовала в святость своего «Друга» и на все обвинения в его адрес отвечала: «На святых всегда клеветают».

С началом Первой мировой войны Распутин перебрался в Петербург и обосновался в доме номер 64 по Гороховой улице. Его квартира напоминала приемную высокопоставленного сановника. С утра до вечера в ней толпились просители, а «божий человек» направлял министрам записки типа: «Слушай министр я послал к тебе одну бабу бог знает что ты ей наговорил оставь это устрой тогда все будет хорошо если нет намну тебе бока расскажу любящему распутия». Эта писанина была равносильна приказу. С каждым днем вмешательство Распутина в управление государством и даже в руководство военными операциями становилось все более навязчивым и беспардонным. Когда же Николай II объявил себя главнокомандующим и, уезжая в Ставку, оставлял внутренние дела на усмотрение Александры Федоровны, то ни

одно дело не решалось без совета с «Другом». Все, кто по долгу службы или из монархических соображений пытались раскрыть царской семье глаза на безобразия Распутина, немедленно отправлялись в отставку. Александра Федоровна порвала отношения даже с родной сестрой, осмелившейся усомниться в безупречности «старца».

Деятельность Распутина полностью подрывала авторитет царской власти. С этим никак не могли смириться монархисты крайне правого толка. Физическое устранение «святого черта» давно обсуждалось в этой среде. Осенью 1916 года заговор созрел окончательно. По словам князя Феликса Юсупова, идея эта принадлежала ему. Богатство князей Юсуповых превышало даже сокровища русских царей, с которыми князь Феликс породнился, женившись на племяннице Николая II Ирине. Деньги и родственные связи выводила Феликса Юсупова из-под юрисдикции обычного закона: что бы он ни сделал, каторга ему не грозила. Задумывая убийство Распутина, он руководствовался не побуждениями корысти, а идеей спасения Отечества. Этим он привлек на свою сторону великого князя Дмитрия Павловича, депутата Государственной Думы В.М.Пуришкевича, поручика Сухотина и военного врача Лазаверта.

План заговорщиков был прост: заманить Распутина в тихое место и убить как собаку. Местом был избран дворец Юсуповых на Мойке, где в подвале была оборудована специальная комната. Орудием убийства должен был послужить быстродействующий яд - цианистый калий. Труп было решено бросить в прорубь на Неве. Оставалось самое главное: заставить Распутина прийти в нужное место так, чтобы его никто не видел. С этой целью Феликс Юсупов стал проявлять усиленный интерес к «старцу». Внимание рафинированного аристократа из враждебно настроенного лагеря льстило самолюбию Распутина, и он охотно пошел на сближение. Обещание Юсупова познакомить Распутина со своей женой красавицей Ириной заставило его забыть об осторожности, и он принял приглашение князя прибыть во дворец около полуночи 16 декабря 1916 года.

К условленному времени все заговорщики были на месте. Доктор Лазаверт, надев резиновые перчатки, «сервировал» стол. В три шоколадных пирожных на специальном блюде он вложил изрядные порции яда. Растворив цианистый калий в нескольких каплях воды, его поместили в три пустых бокала. Когда все было готово, Феликс Юсупов отправился за своим «гостем», а остальные поднялись вверх с тем, чтобы имитировать дружескую вечеринку. Это должно было отвлечь Распутина и подтвердить присутствие во дворце княгини Ирины (которая в то время была в Крыму).

Около полуночи князь и мужик заняли свои места за столом. В камине горел огонь, освеща все красноватыми бликами. Феликс нервничал и усиленно угощал гостя, подвигая ему блюдо с пирожными. Разговор шел об оккультизме и царской семье, неожиданно перескочили

на предупреждение министра внутренних дел Протопопова о готовящемся покушении на Распутина. Тот только добродушно посмеивался. Наконец «старец» решил попробовать угощение. Феликс напряженно следил, как Распутин со вкусом жует широкое с отравленной начинкой. Сначала одно, за ним второе. По уверениям Лазаверта, дозы, положенной в каждое из них, было достаточно, чтобы убить нескольких человек. Распутин был жив! «Старец» попросил Юсупова спеть, увидев в комнате гитару. Два часа Феликс дрожащим голосом пел цыганские романсы, наблюдая, как Распутин пьет вино из отравленных бокалов. И с ним ничего не происходило.

Под каким-то предлогом Юсупов в полубомбочном состоянии покинул Распутина. Наверху его уже давно ожидали заговорщики. Когда стало ясно, что первоначальный план летит ко всем чертям, решено было застрелить «старца». Феликс с браунингом в руке вновь спустился в подвал.

Через минуту все было кончено. Распутин с пулей в области сердца лежал на каменном полу. На выстрел сверху спустились все остальные. «Настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора», - вспоминал Ф.Ф.Юсупов.

Для Феликса, однако, кошмар той ночи не закончился. Когда князь минут десять спустя вернулся к «группу», «групп» накинулся на него и попытался задушить. Оставив в руках Распутина оторванный погон, Юсупов вырвался на лестницу с криком: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! Он убегает!» Пуришкевич настиг беглеца уже на улице. Распутин бежал через двор, вопя: «Феликс, Феликс, все скажу царице!» Четвертым выстрелом депутат Государственной Думы свалил свою жертву. Позже, когда тело «старца» извлекут из проруби, поползут слухи, что он некоторое время был жив еще и под водой. Это не более чем легенда. Владимир Митрофанович Пуришкевич как заправский киллер сделал контрольный выстрел в голову.

Распутина не стало, но «подвиг» заговорщиков оказался напрасным - царская Россия доживала свои последние дни. Видимо, предчувствовал это и кто-то из интеллектуального окружения «старца», так много сделавшего для подрыва авторитета самодержавия. В якобы последнем письме, авторство которого приписывают Распутину, именован «старца» вещалось: «Русской земли царь, когда ты услышишь звон колокола, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, т.е. детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ...»

Библиографический список

1. Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. (Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914-1917.). Л., 1990.
2. Амальрик А., Юсупов Ф. Распутин. Конец Распутина. М., 1992.
3. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993.
4. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978.
5. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991.
6. Масси Р. Николай и Александра. Петрозаводск, 1995.
7. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
8. Пуришкевич В.М. Как я убил Распутина. М., 1993.
9. «Святой черт». Сб. М., 1990.
10. Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

В силу определенных, достаточно далеких от науки обстоятельств, в нашей исторической науке сложилось традиционное разделение событий 1917 года на февральскую - буржуазно-демократическую и октябрьскую - социалистическую революции. Это разделение надуманное и искусственное, к сожалению, довольно часто встречается и сейчас. Беспристрастный анализ показывает что и февраль, и октябрь 1917 года - это закономерные звенья одного и того же политического процесса. И хотя, безусловно, существовали другие - альтернативные - варианты развития событий, но в силу определенных как объективных, так и субъективных причин победила альтернатива октябрьская. Поэтому в этом очерке, отказавшись от традиционного деления на вторую и третью русские революции, мы события семнадцатого года постараемся рассмотреть как единый процесс. В конце концов сегодня никому не приходит в голову рассматривать события Великой Французской революции как революции 1789 или 1793 годов. И события рокового 1917 года мы будем анализировать как единую Великую (по своим последствиям никак не менее, а может быть и более Великую, чем Французская) Русскую революцию.

Восемь дней, которые решили судьбу империи

Новый 1917 год, казалось, не сулил лидеру леворадикальной большевистской партии Владимиру Ильичу Ульянову (более известному в партийных кругах под псевдонимом Ленин) ничего хорошего. Сам он вот уже более десяти лет прозябал в эмиграции. Мировая война, на которую Ленин возлагал большие надежды, длилась уже почти три года и никак не перерастала в мировую революцию. Брошюры, которые он писал, не находили отклика, а вместе с ним и гонимых. Одним словом, причин для оптимизма у него не было, и он в январе 1917 года мрачно заявлял группе швейцарских рабочих: «Ближайшие годы... приведут Европу к народным восстаниям... но мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции».¹ Как это часто с ним бывало, Владимир Ильич ошибался: революция в России грянула месяц спустя. Прав был монархист В.В.Шульгин, утверждая: «Они (революционеры) не были готовы, но все остальное было готово».²

Основным вопросом всех русских революций, безусловно, был вопрос аграрный. Решенный наполовину в 1861 году, а значит фактически нерешенный, этот вопрос оставался кровоточащей раной русской деревни. По мнению простых мужиков, хозяином земли должен быть тот, кто на ней работает. Однако крестьянам в России (составляющим подавляющее большинство населения) принадлежала лишь половина пахотной земли. Второй половиной

¹ Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1999, с. 187.

² Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989, с.165.

владели дворяне-помещики. Именно барскую землю мужики и мечтали поделить по справедливости и без всякого выкупа. Первым грозным предвестником «черного передела» стала революция 1905 года. Она осложнилась поражением России в русско-японской войне, забастовками и стачками молодого пролетариата, протестовавшего против жутких условий труда в эпоху первоначального накопления капитала, стремлением образованной части общества изменить существующее самодержавное устройство государства.

Тогда, в 1905-1907 гг., самодержавие устояло. Устояло, потому что имело в своих руках вооруженную силу — армию. Но и тогда царю пришлось пойти на уступки: Николай II даровал «Манифест 17 октября» и разрешил энергичному премьеру П.А.Столыпину заняться аграрным вопросом, не затрагивая, впрочем, существующего положения в деревне. Столыпин сделал все что мог: из среды самих крестьян он попытался создать опору самодержавию, новый класс крепких хозяев — крестьян-собственников. Его реформы начались успешно и обещали дать неплохой результат. Но для этого требовалось время. Время и отсутствие каких-либо внешних потрясений. Незадолго до смерти П.А.Столыпина писал: «Война будет фатальной для России и правящей династии». Однако избежать войны России не удалось. Опасный водоворот политических кризисов в Европе, разделенной на два враждебных блока, не миновал ее. 1 августа 1914 года Российская Империя вступила в первую мировую войну.

Три года войны оказались для страны непосильным испытанием. Военные поражения как никогда снизили авторитет царской власти и показали полную неспособность правительства справиться с ситуацией не только на фронте, но и в тылу. Вынужденная перестройка экономики на военный лад привела к тому, что 80% заводов России работали для нужд фронта, и нужды гражданского населения практически не удовлетворялись. В тылу образовался дефицит промышленных товаров. Не имея возможности купить то, что им нужно, крестьяне сократили поставки в города, в результате цены на продукты выросли так же быстро, как и на промышленные товары. Страна вошла в полосу инфляции и дефицита. С июля 1914 по январь 1917 г. цены на основные товары поднялись в 4-5 раз. Заработная плата не поспевала за их ростом. Условия жизни рабочих катастрофически ухудшались.

Число бастующих росло подобно взрыву: менее 35 тыс. в 1914 г., 560 тыс. в 1915 г., 1100 тыс. в 1916 г. Покупательная способность служащих падала еще быстрее. Перед лицом этой ситуации правительство Николая II не приняло никаких мер для борьбы с инфляцией, для замораживания цен и заработной платы или введения карточной системы.

Даже победоносное наступление генерала Брусилова летом 1916 года и перспектива благополучного завершения войны в 1917 году ничего уже не смогла изменить. Заметенная снегом Россия замерла в ожидании чего-то грозного и страшного. Депутат Государственной

Думы П.Н.Миллюков в декабре 1916 года говорил: «Атмосфера насыщена электричеством, все чувствуют приближение грозы и никто не знает, куда упадет удар».¹ Отдельные политические лидеры, например А.И.Гучков (имевший неплохие связи в армии), прибегли к проверенному историческому средству: стали готовить военный переворот с целью отстранения от власти Николая II. Переворот был намечен на середину марта 1917 года. Но события стали стремительно развиваться совсем по другому сценарию.

В середине февраля 1917 года из-за снежных заносов и отсутствия достаточного количества локомотивов и вагонов (занятых для военных перевозок) ухудшилось продовольственное снабжение Петрограда. Власти столицы решили ввести карточную систему - запасов муки в городе оставалось на 10-12 дней. Частные пекарни тут же закрылись - владельцы ожидали повышения цен, а значит, и барышей. У государственных хлебных магазинов выстроились длинные хвосты очередей. Многочасовое стояние в очередях, дороговизна, холод (на улице было -43°), угроза голода сделали свое дело. 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1917 года, уставшие от многочасового стояния в очередях, люди принялись громить булочные. С Выборгской стороны через Неву к центру города двинулись колонны бастующих рабочих. Вернее, работниц, поскольку среди забастовщиков в основном были женщины, таким образом отмечавшие Международный женский день. Они кричали: «Хлеба!» Демонстрация носила мирный характер. Антиправительственных лозунгов почти не было. Не было и столкновений с полицией.

«Бабий бунт» не особенно беспокоил генерала С.С.Хабалова, командующего Петроградским гарнизоном. Ночью по его распоряжению в городе были расклеены афиши, обещающие сытую и спокойную жизнь населению столицы. В Могилев, в ставку, где с 22 февраля находился Николай II, была отправлена телеграмма: «Волнения были, но меры приняты». Императрица из Царского Села сообщала супругу о том, что сын и две дочери заболели корью. В бурное царствование Николая случались вещи и посерьезнее голодных бунтов.

Между тем, 24 февраля к женщинам-работницам присоединились рабочие-мужчины. Общее число бастующих перевалило за 200 тысяч. Погромы хлебных лавок и магазинов продолжались. Лозунги: «Хлеба!», доминировавшие раньше, терялись среди знамен с надписями: «Долой царизм! Долой войну!». Министры, заседавшие в Маринском дворце, с удивлением обнаружили, что не могут покинуть здание из-за окруживших его толп демонстрантов. Накал речей уличных ораторов возрастает. Городовых встречают криками, свистом, камнями и осколками льда. На следующий день, в субботу, число демонстрантов

¹ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991, с. 13.

увеличивается до 300 тысяч. На улицы выходит и «образованная публика» - все хотят стать свидетелями хода истории. Начались столкновения рабочих с полицией, появились первые убитые и раненые. Но сил полиции было явно недостаточно для наведения порядка, и большая часть города оказалась во власти демонстрантов. Вечером 25 февраля генерал Хабалов получил телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии».¹

Ночью перекрестки улиц были заняты войсками, на чердаках господствующих зданий размещены пулеметные команды. Против небольших скоплений демонстрантов кавалерии приказывалось действовать нагайками, а особо агрессивных рубить шашками и расстреливать. В распоряжении Хабалова было около 200 тысяч штыков и сабель - вполне достаточно для борьбы с безоружной толпой. Бездействие власти в предыдущие три дня спровоцировало рост числа демонстрантов. В воскресенье 26 февраля улицы Петрограда загромодила 500-тысячная толпа. С окраин к центру города двинулись колонны бастующих рабочих. По пути к ним присоединялось много любопытных. Уже четвертые сутки демонстрации были любимым времяпрепровождением жителей столицы. Но в тот день праздника свободы не получилось. В морозном утреннем воздухе отчетливо прозвучала команда: «Огонь!». В 1905 году солдаты, не раздумывая, выполнили бы приказ. Но теперь, когда императорская гвардия полегла на полях сражений в Восточной Пруссии и Галлии, этого не случилось. Гвардейские полки Петроградского гарнизона были укомплектованы в основном молодыми новобранцами и запасными старших возрастов, вопреки всем приказам, не из крестьян, а из рабочих. И солдаты отказались стрелять. Однако после некоторой заминки пулеметы заговорили. Пулеметчиками стали офицеры.

К вечеру общее число убитых и раненых превысило несколько сот человек. Толпы демонстрантов были рассеяны. Правительство, считавшее, что победа осталась за ним, ввело чрезвычайное положение в столице и объявило о роспуске Государственной Думы. Ночью охранка произвела многочисленные аресты лидеров левых социалистических партий, подозревая их в организации демонстраций. Председатель Думы М.В.Родзянко направил Николаю телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. На улицах происходит беспорядочная стрельба... Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно...» По поводу этой телеграммы царь насмешливо заметил графу В.Б.Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему даже отвечать не буду».

¹ Масси Р. Николай и Александра. Петрозаводск, 1995, с. 441.

Расстрел и аресты произвели гнетущее впечатление. Утром 27 февраля никто не предполагал, что, по выражению Л.Д.Троцкого, «работа была уже сделана на девять десятых». Накануне ночью солдаты нескольких гвардейских полков (Павловского, Вольнского, Преображенского) взбунтовались против своих офицеров, которым не могли простить приказа стрелять в толпу. За убийство командиров по законам военного времени полагался расстрел. Бунтовщикам не было пути назад, утром они с оружием присоединились к рабочим. Первоначально их было всего 10 тысяч, однако ободренные этим рабочие воспрянули духом. Приступом был взят Главный арсенал, и восставшие получили 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов. По дороге солдаты подожгли тюрьму, освободив всех арестованных (не только политических, но и уголовников), после чего стали грабить магазины и винные погреба, чтобы «отпраздновать свой успех в борьбе за свободу». К вечеру число «борцов за свободу» в солдатских шинелях достигло 70 тысяч. Правительство стремительно теряло свою власть. Даже законопослушная Дума отказалась подчиниться приказу царя и решила продолжить работу. Наиболее смелые депутаты быстро поделили министерские портфели в будущем правительстве.

Только 27 февраля царь лоял, что в столице происходят не просто беспорядки. Наконец было произнесено роковое слово «революция». Будучи главнокомандующим 10-миллионной армией, Николай II решил использовать военную силу для подавления восстания. Он приказал генералу Н.И.Иванову следовать во главе специального отряда в Петроград, чтобы «водворить порядок». Местом сбора надежных войск было выбрано Царское Село, где находилась императрица с детьми. Сам Николай собирался выехать туда на следующий день.

Между тем, в Петрограде 28 февраля все было уже кончено. Царские министры арестованы. В распоряжении Хабалова оставалось не более полутора тысяч человек. Город находился во власти восставших солдат и рабочих. П.Н.Милков от лица Временного комитета Государственной Думы, заседавшего в Таврическом дворце, заявил о том, что Дума «взяла власть». Так на свет появилось Временное правительство, в состав которого вошли представители «цензовых» слоев населения, т.е. люди не бедные. Но власть и этого правительства оказалась иллюзорной. Революционные солдаты и рабочие согласны были подчиняться приказам только Петроградского Совета, который был создан в соседнем с новым правительством зале Таврического дворца. В Совет вошло по одному депутату от каждой роты и по одному - от тысячи рабочих. Лидерство в Совдепе захватили представители левых социалистических партий, которым не нашлось места в правительстве. В этот же день, 28

¹ Розенталь И. Когда отказываются пожать руку царю // Родина. №7. 1995, с.40.

февраля, восстал гарнизон Царского Села, и восставшие получили в свои руки коронованных заложников - императрицу Александру Федоровну с детьми.

В очередной раз подтверждалась народная мудрость: друг познается в беде. Ни друзей, ни верных сторонников у царской семьи в нужный момент не оказалось. Даже кузен Николая II командир Гвардейского флотского экипажа великий князь Кирилл Владимирович нацепил красный бант и увел своих матросов присягать новому правительству. (Впрочем, после гибели Николая этот князь с красным бантом поспешил провозгласить себя императором всероссийским, а его потомки до сих пор считают себя законными наследниками царского престола). Не лучше себя показали и старшие военачальники действующей армии. Вероятно, сработал механизм государственного переворота, который готовили думские лидеры во главе с А.И.Гучковым. Начальник штаба Ставки генерал М.В.Алексеев, командующие фронтами и флотами (за исключением Черноморского) в один голос умоляли царя остановить междоусобное кровопролитие ради продолжения войны с Германией. Не сумев пробиться к своей семье в Царское Село, Николай II 1 марта прибыл в Псков, в Ставку Северного фронта. Во время доклада царю командующий фронтом генерал Н.В.Рузский, проинструктированный Алексеевым, предъявил телеграммы старших военных начальников, в которых царю предлагалось отречься в пользу 13-летнего сына Алексея. Мудрецы из Думы полагали, что фигура царя-отрока, с одной стороны, сплотит общество для завершения войны, с другой - послужит надежной гарантией ограничения самодержавия и провозглашения Конституции.

Царь выслушал Рузского как всегда внешне спокойно, хотя отлично понимал, что выбор у него небольшой: либо отречься, либо с верными войсками идти на восставшую столицу. Поход на Петроград был чреват не только значительными жертвами, но и гибелью горячо любимой Николаем семьи. Рисковать он не хотел. Помимо этого генералы затронули весьма чувствительную струну в душе Николая - любовь к Родине. По их словам, высшим актом патриотизма явилось бы его отречение. Перед таким доводом император не смог устоять. Ради победы России он был готов отказаться от престола. Днем 2 марта он дал Рузскому принципиальное согласие. Оставалось дожидаться представителей Думы и подписать официальный документ.

Страшный смысл слова «отречение» Николай понял не сразу. Он не ограничивался простой передачей власти от одного лица другому. Как бывшему императору Николаю Романову ни при каких условиях не разрешат остаться рядом с наследником. Отрекаясь от престола, отец отрекался от своего ребенка, ребенка больного, которому врачи не могли гарантировать жизнь даже до 16 лет. И когда депутаты Государственной Думы А.И.Гучков и В.В.Шульгин прибыли в Псков, Николай объявил им: «...Расстаться со своим сыном я не способен... Я решил отречься

в пользу моего брата». Его умоляли, убеждали, уговаривали. Николай остался непреклонен. Отречение было подписано в 23 часа 40 минут 2 марта 1917 года. Тщательно разработанные планы политиков и военных рухнули в одночасье. Дальнейшее развитие событий становилось непредсказуемым.

В ту же ночь царский поезд отбыл в Могилев для прощания с войсками. Оставшись один, Николай записал в дневнике: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!».¹

Приказ №1 и его последствия

Когда утром 3 марта Гучков и Шульгин доставили текст отречения Николая II из ставки Северного фронта в Петроград, у них еще оставалась надежда, что все идет по их плану. Правда, вместо тринадцатилетнего сына царь отрекся в пользу младшего брата Михаила. Но у Михаила, известного своим мягким характером, еще проще будет добиться гарантий Конституции. Однако когда члены Временного правительства явились на Миллионную улицу в квартиру князя Путятина, новый император Михаил Александрович сам потребовал от правительства гарантий безопасности. А когда министры таковых дать не сумели, Михаил тоже написал отречение: «...Прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».² Россия 3 марта 1917 года из империи превратилась в республику.

Что заставило великого князя Михаила Александровича искать гарантий у Временного правительства? Таковы были последствия печально известного Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1917 года. Приказ состоял из семи пунктов и предписывал: 1) выбрать во всех воинских частях комитеты из представителей нижних чинов; 2) выбрать представителей в Петроградский Совет; 3) воинские части подчиняются только Петросовету и своим комитетам; 4) приказы Временного правительства выполняются, если не противоречат постановлениям Совета; 5) все оружие находится в распоряжении и под контролем солдатских комитетов и «ни в коем случае не выдается офицерам даже по их требованиям»; 6) при исполнении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы они пользуются равными со всеми правами, в частности «вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется»; 7) титулование офицеров «ваше превосходительство,

¹ Божанов А.Н. Николай II / Российские самодержцы (1801-1917). М., 1993. С. 380.

² Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1999, с. 191-192.

благородие» и пр. заменяется на обращение «господин офицер», запрещается обращаться к солдатам на «ты», обо всех нарушениях солдаты обязаны доводить до сведения своих солдатских комитетов.

Приказ № 1 появился в кулуарах Таврического дворца, где среди хаоса и анархии революционного Петрограда почти одновременно возникли два правительства. Легитимное - Временное правительство из числа депутатов Государственной Думы, и революционное, самопровозглашенное - Петроградский Совет, объединивший всех недовольных представителей мелких социалистических партий, не получивших министерских портфелей. В условиях, когда реальная власть находилась в руках восставших солдат Петроградского гарнизона, хозяином положения становился тот, кто смог бы подчинить себе эту стихию.

27-28 февраля к зданию Таврического дворца толпами шли солдаты разных частей, тем самым демонстрируя свой отказ повиноваться «старому режиму». Неприязнь к «старому режиму» выплеснулась прежде всего в избития «контрреволюционных» офицеров, погромы винных лавок и магазинов, грабежи квартир «царских министров». Долгожданная свобода обернулась кровавым русским бунтом, бессмысленным и беспощадным. А пока существовала угроза того, что царь двинет с фронта верные полки для наведения порядка в столице, для революционных солдат символом контрреволюции стали золотые офицерские погоны. Но больше вина их пьянила вседозволенность, возможность поквитаться с «их благородиями» за старые обиды.

Так, солдаты привели полковника 1-го стрелкового полка Четверикова в здание Технологического института и требовали тут, сейчас, судить его за строгость к солдатам. С помощью студентов начали суд. Но вбежал еще один солдат - выхватил шапку и зарубил полковника.

Командира лейб-гвардии Московского батальона полковника Михайличенко целый день возили по городу на грузовике, показывая народу «этого кровопийцу». Поднимали его на руках - и бросали об пол автомобильной платформы. После сильно избитого доставили в Таврический дворец и сдали под арест.

На Миллионной улице революционные солдаты ворвались в квартиру генерала Штакельберга. Он долго не пускал их, пытался вместе с денщиком выставить их вон. Генерала обвинили в том, что на улице убит матрос выстрелом из его особняка. «Я не обязан следить, кто тут шляется», - с презрением бросил генерал. Солдаты закричали: «Убить! Расстрелять! На набережную!» - и потащили его по Мошкову переулку. Еще в толпе стали стрелять по генералу из револьвера. Уже раненого его поставили к парапету. Генерал взмолился о пощаде. Его не

слушали. Кто-то командовал: «Пли!». Раздался залп. Генерал упал на бок. Теперь без команды с азартом стреляли в лежачего.

На Неве у Франко-Русского завода на ремонте стоял крейсер «Аврора». Рабочие ворвались на него - и крейсер присоединился. Захватывали винтовки, револьверы, пулеметы. Командир крейсера капитан 1-го ранга Никольский был выволочен на берег и убит за отказ нести красный флаг. Старший офицер Огранович ранен штыком в шею.¹

В правление Путиловского завода ворвались вооруженные солдаты. «Выдайте кассу!», - потребовали у военного директора генерал-майора Дубницкого. Тот отказался. Его повезли в Государственную Думу. Вместе с ним поехал генерал Борделиус: «Я вас не оставлю, вместе служили...» От Нарвской заставы генералов высадили: «Нечего кровопийц возить!». Погнали штыками до Балтийского вокзала, избивая, - и утопили под лед Обводного канала.

Офицеров убивали за отказ сдать оружие, за нежелание приколоть красный бант, за осуждающий взгляд. На улицах русского города под штыками русских солдат гибли седые полковники и капитаны, уцелевшие в окопах русско-японской и первой мировой. Гибли и безусые прапорщики, только-только получившие свой первый чин. Особо дикая резня произошла в Кронштадте. Ее зачинщиками стали матросы кронштадтского полуэкипажа, состоящего из худших, даже уголовных элементов, списанных с судов и не посылаемых в бой. Ночью, с мола, они врываются на пришвартованные корабли и расстреливали и кололи штыками офицеров. Тела убитых бросали на лед, а их каюты безжалостно грабили. Происходили грабежи и убийства и в самом городе. Т.Мельник-Боткина с ужасом вспоминала: «...Людей обкладывали сеном и, облив керосином, сжигали... расстреливали отцов на глазах у сыновей». Другой очевидец кронштадтских событий писал: «На площади перед собором стояли ящики, в которые сваливали тела... Когда один ящик оказался не полон, кто-то крикнул «здесь еще место для двоих есть, ловите кого-нибудь». Поймали какого-то проходившего прапорщика и тут же убив, бросили в ящик».

По официальным оценкам советских историков в те дни в Кронштадте было убито «всего» 120 офицеров и чиновников, а еще 600 избито и арестовано.² Жертвы солдатских мятежей в Петрограде и его пригородах никто, по-видимому, не считал. Да и кому в момент торжества народной свободы, в конце концов, были интересны судьбы этих «реакционеров» - одним больше, одним меньше. Однако, когда хмельной угар первых часов восстания стал проходить, до солдат стал доходить страшный смысл содеянного: шла тяжелейшая война с внешним

¹ Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987, с.179.

² Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990, с.274.

Восставшие ведут переодетых городских

Похороны жертв
Февральской революции
в Петрограде.
23 марта 1917 г.

врагом и по законам военного времени их могла ждать только смертная казнь. Опасность грозила восставшему Петроградскому гарнизону с фронта, от верных Николаю II войск. Гарантию безнаказанности могло дать новое революционное Временное правительство. Но председатель Государственной Думы М.В.Родзянко революционным полкам таких гарантий не давал, а напротив призывал солдат: «Возвращайтесь в казармы, повинуйтесь своим офицерам!».

И тогда восставшие нижние чины петроградского гарнизона нашли себе заступника в лице Петроградского Совета. Деятели Совета, особенно меньшевики-циммервальдисты Гиммер, Соколов, Стеклов, поняли, что для них это прекрасный шанс поставить революционные войска под свой контроль и тем самым вырвать их из рук «буржуазного» Временного правительства. Тем более что никакой ответственности за последствия своих решений они не несли - ведь выпавшую из рук царского правительства власть подхватили не они, а министры-капиталисты. И именно министрам Временного правительства на практике придется столкнуться с последствиями самостоятельности Советов. Между тем формула К.Маркса «Дезорганизовать армию - это и условие победоносной революции и ее результат» могла принести блестящие плоды. Для этого стоило только грамотно изложить и записать солдатские требования.

Так в комнате № 12 Таврического дворца с согласия Исполнительного Комитета Петроградского Совета на свет и появился Приказ № 1. Первоначально его редакция была еще более жесткой, чем вышеизложенные пункты. В частности, по требованию солдат революционные части петроградского гарнизона не должны были выводиться из города (какой-никакой, а Петроград - это тыл, а в тылу на войне всегда лучше, чем на фронте). Требовали солдаты и выборности офицеров в своих частях. Однако от последнего пришлось отказаться из-за ультиматума Миллюкова. Но и в том виде, в каком приказ был опубликован, он имел страшную разрушительную силу. Тем более, что частей Петроградского гарнизона он касался только на бумаге, а на практике деятели из Петросовета явочным порядком довели его до сведения всех, в том числе и фронтовых, воинских частей.

Славная вековая история русской армии завершалась трагедией. Рушился священный принцип любой армии - воинская дисциплина. Офицеры теряли дисциплинарную власть над солдатами. Любой приказ, связанный с риском для жизни, нижние чины после 1 марта расценивали как покушение на свои гражданские права и свободы, т.е. как контрреволюцию. В лучшем случае они отказывались выполнять такие приказы, но бывало и так, что убивали своих командиров. Невиданного размаха достигло дезертирство. К началу лета 1917 года в беггах находилось около 2 млн. солдат. Русский фронт первой мировой войны, выдержавший самые тяжелые испытания в 1914-1916 гг., стремительно рушился.

Как же стало возможным, что та самая армия, которая позволила Николаю II в 1905 году удержаться на троне, теперь, в 1917 году, почти без всякого сопротивления перешла на сторону восставшего народа? Ведь Петроградский гарнизон составляли элитные гвардейские части, славные своими вековыми традициями и личной преданностью престолу. Однако гвардейцы 1917 года только по названию были преображенцами, семеновцами, финляндцами и волынцами, качественный состав императорской гвардии стал совершенно иным. Показателен такой пример. Осенью 1916 года Николай II во время смотра войск вызывал из строя старослужащих солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пять человек на роту. Из некоторых рот не выходил никто. Та гвардия, которая могла и хотела встать на защиту последнего русского царя, полегла в районе Мазурских озер в Восточной Пруссии, в ковельских болотах, на равнинах Галиции, в предгорьях Карпат. Личный состав почти всех полков русской армии за годы первой мировой войны полностью менялся по шесть-семь раз. По сути это уже не была прежняя армия - это был вооруженный народ.

Деятели Петросовета, в отличие от министров Временного правительства, очень тонко уловили эту разницу и постарались сыграть на самых низменных инстинктах вооруженной толпы. Они постарались внедрить в сознание солдатских масс простую и доходчивую мысль, основанную на чувстве самосохранения: «Лучше в тылу сражаться за свои классовые интересы, чем на фронте погибать за чужие». Из-за сиюминутных партийных интересов, из-за мелких политических амбиций деятели Совета постарались закрыть глаза на национальные интересы России. Ведь если бы русская армия победоносно завершила первую мировую войну, им пришлось бы надолго отказаться от своих планов построения светлого будущего. А министры Временного правительства не нашли в себе ни сил, ни желания противостоять разрушительному действию советского Приказа № 1. Более того, этот приказ приобрел вполне законную силу, а наиболее отличившиеся «герои» 27-28 февраля получили от Временного правительства награды за свои революционные «подвиги». Например, унтер-офицер Вольнского полка Тимофей Кирпичников, первым убивший своего командира, был произведен в прапорщики и награжден Георгиевским крестом.¹

Так все жертвы, понесенные Россией и армией, оказались напрасными. Как позднее писал Уинстон Черчилль: «Несмотря на большие и страшные ошибки, существовавший в ней строй к этому времени (к 1917 году) уже выиграл войну для России... Но на пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями».² Посетивший Россию в начале лета 1917 года

¹ Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989, с.38.

² Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 233.

французский социалист А. Тома придерживался, однако, другого мнения. Все увиденное он назвал «самой солнечной, самой праздничной, самой бескровной русской революцией».¹

Во всем своем трагизме последствия «Приказа №1» проявились летом 1917 года. На рассвете 18 июня под гром сотен артиллерийских орудий полки 11-й и 7-й армий русского Юго-Западного фронта пошли в атаку. Это было последнее наступление старой русской армии в первую мировую войну. После грандиозного успеха генерала Брусилова летом 1916 года наступление наших войск могло стать катастрофой для всего австро-германского фронта. Мощный удар у Зборова пришелся в стык II австро-венгерской и Южной германской армий. За четыре дня боев фронт был прорван. В плен попали около 20 тысяч солдат и офицеров противников. Но, как вспоминал позднее об этих боях генерал Людендорф: «Это уже не были прежние русские». Например, из 20 дивизий 7-й армии атаковало только 8. Остальные, находившиеся в резерве, митинговали и выносили резолюции о недоверии министрам-капиталистам и мире без аннексий и контрибуций.

23 июня к наступающим войскам присоединились части 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова, перед которым ставилась задача нанести вспомогательный удар. Вспомогательный удар привел к полному уничтожению 26-го австро-венгерского корпуса. Попытавшийся закрыть брешь 13-й корпус немцев был с тяжелыми потерями отброшен. Во фронте противника образовалась дыра. Ударный клин 8-й армии выдвинулся к Ломнице. К 28 июня австро-германские войска оставили города Галич и Калуш. Однако и русским войскам требовался день или два, чтобы подтянуть резервы и произвести перегруппировки. Директивой от 28 июня командующий Юго-Западным фронтом генерал Гутор предписал вверенным ему войскам возобновить наступление «не позже 30-го числа». Но ни через день, ни через два атаки не возобновились. «Демократические основы устройства армии» взяли свое. Командирам приходилось тратить время на разговоры с солдатскими комитетами и уговаривать митинговавшие и не желавшие наступать части.

6 июля наступила развязка. Воспользовавшись заминкой русского наступления, немцы подтянули резервы и нанесли у Перепельников мощный удар по 25-му корпусу 11-й армии. Распропагандированные дивизии корпуса взбунтовались и беспорядочной толпой хлынули с фронта. Противник захватил 10 орудий и 3 тысячи пленных. Немцы, по собственному их признанию, были «шешеломлень» подобным успехом. Отход 25-го корпуса увлек за собой и 17-й. За ним последовал отход 1-го Гвардейского, 5-го и 49-го армейских корпусов. Оказался под ударом обнаженный правый фланг 7-й армии, и это, в свою очередь, заставило ее начать

¹ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991, с. 34.

отступление. Поражение 6 июля превратилось 7-го в разгром 11-й армии, а 8-го в катастрофу всего фронта. Вступивший вместо Гутора в командование фронтом генерал Корнилов так говорил о сложившейся обстановке: «На полях, которые нельзя назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования».¹ Так, 9 июля всего три роты германцев обратили в бегство 24 батальона из состава 45 корпуса, а 2-я Финляндская и 126-я пехотная дивизии отказались драться. Тогда офицеры этих дивизий - 300 человек - пошли одни на 10 тысяч неприятелей. Никто из них не вернулся...

А к осени 1917 года старая русская армия прекратила свое существование.

Русская революция и «немецкие деньги»

В своей книге «Моя борьба» Адольф Гитлер, солдат Западного фронта первой мировой, возвращаясь к году 1916, писал: «Победу России можно было оттянуть - но по всем человеческим предвидениям она была неотвратима».² В Германии все, от рядового до кайзера, понимали, что гибель идет с Востока. Еще одного наступления, подобного Брусиловскому прорыву русского Юго-Западного фронта, австро-германские войска просто не выдержат. Новый 1917 год не оставлял немцам ни единого шанса на победу. Спасти их могло только чудо. Как утопающий хватается за соломинку, так германское правительство ухватилось за известие о февральских событиях в Петрограде. Однако Временное правительство, сменившее Николая II, заявило о своей готовности продолжать войну до победного конца. Но у германского руководства по-прежнему оставалась надежда на то, что к власти в России могут прийти люди, которые будут заинтересованы в прекращении войны.

Победа России в этой войне не устраивала не только ее противников, но и некоторых российских политиков. С самого начала войны вожди Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) выдвинули лозунг о поражении собственного правительства. Особенно на этом настаивал Владимир Ильич Ленин, ратовавший за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Опыт первой русской революции убедил лидера большевиков в том, что захватить власть в условиях, когда царское правительство опирается на поддержку вооруженных сил, практически невозможно. Только внешняя война и именно поражение в этой войне способно дать революционерам, возможно, единственный шанс на успех. Как видим, цели Вильгельма II и Ленина были различны, но условие их достижения было общим - поражение России в первой мировой войне.

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т.4. - М., 1994, с.291.

² Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994, с. 232.

Чем дольше длилась мировая бойня, чем больше стран в нее втягивалось, тем призрачнее становились ожидания кайзера и лидера большевиков. Февральская революция вдохнула в них новые надежды. Ленин, проживавший в то время в швейцарском городе Цюрихе, жадно поглощал информацию, поступающую из далекой России. То, что было целью и смыслом всей его жизни - свержение ненавистного самодержавия - произошло неожиданно легко и быстро и, самое главное, без его участия. Тихая и благополучная Швейцария, в которой было так приятно переждать военное лихолетье, внезапно превратилась для Ленина в зачлустный полустанок, мимо которого проносился «локомотив истории». И Ленин на него не успевал.

Троцкий, любивший звонкую фразу, об этой ситуации писал так: «Ленин неистовствовал в цюрихской клетке, изыскивая пути выхода». Проблема заключалась в том, что как русский подданный он не мог проехать через территории воюющих с Россией стран, не будучи интернированным.

Путь через Англию для него был также закрыт. «Я уверен, - сообщал Ленин 6 марта Инессе Арманд, - что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем». Последующие события показали, что вождь большевиков был недалек от истины. Союзники России по Антанте охотно пропускали сторонников войны, таких как Г.В.Плеханов, Л.Г.Дейч, Г.А.Алексинский, арестовывая и задерживая интернационалистов-«пораженцев», как было с Л.Д.Троцким, Г.И.Чудновским, Г.Н.Мельничанским и другими.

Возможно, с возвращением на родину у Ленина так ничего бы и не вышло. И, кто знает, остался он в Швейцарии до конца войны, сочиняя «Письма из далека», состоялся ли бы октябрьский переворот? Но ситуация была такой, что в переезде Ленина и его соратников в Россию были заинтересованы не только большевики, но и, особенно, германское военное руководство. Один из крупнейших военачальников Германии Эрих Людендорф, «военный мозг нации», вспоминал: «Помогая Ленину поехать в Россию, наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданным. Россию было нужно повалить».¹ Согласие на проведение операции было получено на самом высшем уровне. Кайзер Вильгельм II в письме рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу ставит единственное условие: «Я бы не стал возражать против просьбы эмигрантов из России... если бы в качестве ответной услуги они выступили за немедленное заключение мира».

Отречение Николая II состоялось 2 марта 1917 года. А уже 3 апреля Петроград торжественно встречал Владимира Ильича Ленина. Той ветреной апрельской ночью, когда Ленин с броневика бросал знаменитые призывы к социалистической революции, никто из его

¹ Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1999, с. 198-199.

восторженных слушателей не интересовался, каким образом ему удалось так быстро вернуться. Всю жизнь вождь большевиков исповедовал революционную мораль, когда благая цель оправдывает любые средства. Но, будучи трезвым политиком и зная цену репутации честного человека, свое сотрудничество с немцами он постарался обставить со всеми возможными приличиями. Так на свет и появился пресловутый «пломбированный вагон». Этот вагон обладал правом экстерриториальности, т.е. являлся как бы частью нейтральной Швейцарии. Чтобы его имя не ассоциировалось с германскими властями, Ленин намеренно устранился от организации переезда, передоверив формальности швейцарцу Фрицу Платтену. С этой же целью Ленин настоял, чтобы кроме большевиков в «пломбированном вагоне» оказались представители других социалистических партий. В довершение всего на полу коридора вагона мелом была отмечена граница между российскими революционерами и германскими офицерами, сопровождавшими их. Переходить ее без согласия пассажиров немцам было строго запрещено.

Игра в экстерриториальность и конспирацию теряла всякий смысл, если учесть скорость передвижения «пломбированного вагона» по территории Германии. Ему как «важному дипломатическому транспорту» давали всюду зеленый свет. Это пришлось испытать на себе даже немецкому кронпринцу, чей поезд почти два часа ожидал в Галле пока будет пропущен транспорт с Лениным и его группой. Группа насчитывала 32 человека, из них только 19 были большевиками. Не оставлял своими заботами дорогих гостей и немецкий Генеральный штаб. Штабисты были готовы «на тот случай, если бы едущим русским был запрещен въезд в Швецию», переправить их в Россию через немецкую линию фронта.

Единожды совершив «благородный» поступок, немецкая «широкая душа» уже не могла остановиться. Зная о предстоящих большевикам расходах, немцы предложили их лидеру некоторую сумму «для пропаганды мира». Сомнения по поводу моральности подобного поступка, если они и были у Владимира Ильича, к этому времени давно отпали. Вопрос теперь стоял не «брать или не брать?», а «как взять так, чтобы никто не узнал об этом?» И в этом неоценимую услугу Ленину оказал Александр Лазаревич Гельфанд (Парвус).

Парвус, уроженец Минской губернии, доктор философии Базельского университета, имел достаточно широкий круг знакомств среди грандов европейской социал-демократии. Он был лично знаком с Плехановым, Аксельродом, Засулич, Цеткин, Каутским, Адлером. Троцкого заворожила его смелая теория «перманентной революции». Самое деятельное участие Парвус принимал в первой русской революции, за что был сослан в Сибирь. Оттуда бежал за границу, где в немецкой социал-демократической партии занял видное место, долгое время являясь главным редактором саксонской газеты «Арбайтер цайтунг». Первая его встреча с Лениным

состоялась еще до 1905 года. Но в то время Ленин не нуждался в его услугах. А вскоре последовали события, подорвавшие репутацию Парвуса в среде социалистов.

Причиной скандала стало сотрудничество Парвуса с А.М.Горьким, интересы которого он в качестве литературного агента защищал в Германии. Пьесы Горького пользовались популярностью и приносили значительную прибыль. Двадцать процентов литагент брал себе, остальное делилось следующим образом: четверть передавалась Горькому, три четверти в кассу социал-демократической партии. В результате у Парвуса собралось что-то около 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал письмо, простодушно сообщая Горькому, что все эти деньги он потратил на путешествие по Италии с одной барышней. Горький посмеялся, но куда надо сообщил. Партийный суд в составе Каутского, Бебеля и Цеткин морально осудил Парвуса, и тот был вынужден уехать в Константинополь. Лишенный возможности заниматься революционной деятельностью, Александр Лазаревич неожиданно для всех преуспел на ниве коммерции. Став советником в правительстве младотурок и посредничая в торговле между Турцией и Германией, он очень быстро сколотил солидный капитал, а заодно стал известен в кругах, близких кайзеру. Но все это не поколебало его уверенности в том, что «перманентная революция» неизбежна. И великая честь начать ее по праву принадлежит Германии. Империалистическая война и возможность победы реакционной царской России над социал-демократической (в будущем) Германией ставили крест на надеждах Парвуса. Поэтому в январе 1915 года он обращается к немецкому послу в Константинополе фон Вангенхайму с рискованным планом: «Интересы германского правительства вполне совпадают с интересами русских революционеров. Русские социал-демократы могут достичь своей цели только в результате полного уничтожения царизма. С другой стороны, Германия не сможет выйти победительницей из этой войны, если до этого не вызовет революцию в России. Но и после нее Россия будет представлять большую опасность для Германии, если она не будет расчленена на ряд самостоятельных государств...»¹

Насколько этот план заинтересовал стратегов из германского Генштаба, свидетельствует тот факт, что уже в мае 1915 года Парвус в Цюрихе встречается с Лениным. Ни в одной биографической хронике Владимира Ильича свидание с «щедрым другом» не упоминается. Небогатый на события месяц май исследован с особой скрупулезностью. Хроника указывает, что в связи с переездом на отдых в горы Ленин выписывает из библиотеки книги «Курортный справочник» и «Влияние высокогорного климата и горных экскурсий на человека», о Парвусе ни слова. Умолчание объясняется легко и просто: в ходе дискуссии о социально-политических

¹ Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1999, с. 203.

последствиях мировой войны и возможной революции в России в результате победы Германии, Парвус предложил лидеру большевиков значительную сумму денег, сомневаться в происхождении которых не приходилось. Моральная сторона вопроса Ленина не интересовала: «Революция - дело тяжелое. В беленьких перчатках, чистенькими ручками ее не сделаешь». Но свои руки Ленин пачкать не захотел.

И тогда в нейтральном Копенгагене Парвус открывает научно-исследовательский институт причин и последствий войны. Одним из первых его сотрудников становятся Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг). Именно он в дальнейшем будет служить связующим звеном между Парвусом и большевиками. Ганецкий, у которого год назад не было денег даже на молоко своему ребенку, создает собственную фирму в Стокгольме. Парвус снабжает его различными товарами: от химических препаратов и лекарств до дамских чулок и карандашей. Ганецкий отправляет их в Россию, где и превращает в звонкую монету. По законам коммерции деньги должны были возвратиться к Парвусу, но отправляются пряником в партийную кассу большевиков в распоряжение Владимира Ильича. Знали о происхождении денег в руководстве большевиков лишь единицы.

Способ отмывания денег, выбранный Лениным и Парвусом, полностью себя оправдал. До сих пор суммы, прошедшие через фирму Ганецкого, остаются загадкой. Занимавшийся этой проблемой немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн в 1921 году писал: «Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше пятидесяти миллионов золотых марок». Бернштейн бросил вызов коммунистам Германии и российским большевикам: он готов предстать перед судом, если они находят, что он оклеветал Ленина. Но центральные комитеты двух коммунистических партий многозначительно промолчали, фактически признав все утверждения Бернштейна.

Подтверждают это и немецкие документы, в одном из которых говорится: «Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган «Правду», вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии».

Именно эта солидная финансовая поддержка позволила Ленину после возвращения из Цюриха буквально наводнить Россию огромным количеством большевистских газет, листовок, прокламаций. В июле 1917 года партия уже имела 41 газету с ежедневным тиражом в 320 тысяч экземпляров; 28 газет выходили на русском языке, остальные на армянском, латышском, татарском, польском и других языках. «Правда» издавалась тиражом в 90 тысяч экземпляров.

ЦК партии после февраля приобрел собственную типографию за 260 тысяч рублей. Никакие партийные взносы не могли обеспечить издательскую деятельность подобного размаха. Основной огонь своей пропаганды Ленин сосредоточил на проблеме выхода России из войны, т.е. немедленном заключении сепаратного мира с Германией. Для Временного правительства это означало полное крушение его и без того зыбкого авторитета. Зато лидер большевиков получал редкий, необыкновенный шанс захватить власть в стране. Чтобы нейтрализовать опасного оппонента, А.Ф.Керенский и его коллеги объявили Ленина «германским агентом». Владимир Ильич был вынужден уйти в подполье.

Следователи Временного правительства собрали 21 том различных документальных свидетельств связи Ленина с немцами, но доказать свое обвинение не смогли. Да при такой постановке вопроса это было в принципе невозможно. Ведь Ленин не был «немецким шпионом», на чем настаивало следствие, он, выражаясь современным языком, был «агентом влияния» Вильгельма II, при всем при этом преследуя исключительно собственные интересы. Ни одна немецкая марка не пропала даром - лидер большевиков один стоил десятка армейских корпусов. В результате каждый получил то, что хотел: Ленин - власть, кайзер - свободу рук на Западном фронте. Когда же окрыленный успехом Парvus в ноябре 1917 года предложил свои услуги Ленину в деле строительства социализма в революционной России, вождь мирового пролетариата, как всегда через посредников, ответил ему: «Дело революции не должно быть запятнано грязными руками».

«Мятеж» генерала Корнилова

5,6,7 июля 1917 года большинство петроградских газет вышло с сенсационными заголовками, смысл которых сводился к тому, что В.И.Ленин и партия большевиков - немецкие шпионы. Так в глазах современников соединились два рядом стоящих события: инспирированная большевистскими вождями попытка вооруженного восстания в Петрограде 4 июля и мощный контрудар немцев под Тарнополем 6 июля. Первое привело к гибели сотен жителей столицы, второе обернулось катастрофой русского Юго-Западного фронта.

Однако, несмотря на весь трагизм ситуации, новый лидер Временного правительства Александр Федорович Керенский мог быть доволен. Он получил в свои руки прекрасную возможность устранить с политической арены самых опасных конкурентов - партию большевиков. И хотя шпионская деятельность Ленина вызывала у Александра Федоровича обоснованные сомнения, упустить такой шанс он не хотел. Ведь еще в июне 1917 года вождь большевиков заявил о готовности взять власть и нацелил свою партию на ее захват.

Обвинение в шпионаже не только наносило сокрушительный удар по авторитету большевиков, но и снимало с Временного правительства ответственность за неудачи на фронте.

Обвинение в шпионаже резко снижало влияние большевиков на петроградский пролетариат и особенно на солдат столичного гарнизона. Обвинение в шпионаже, наконец, позволяло Временному правительству продемонстрировать силу и впервые с февраля 1917 года прибегнуть к политическим репрессиям и нейтрализовать влияние Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Двоевластие пришел конец, а из рук большевиков было выбито мощное и хорошо отлаженное оружие - их пропагандистская машина. В те тревожные июльские дни юнкера разгромили типографию газеты «Правда», за решеткой оказались Троцкий, Каменев, Луначарский, Антонов-Овсенко, Дыбенко, Коллонтай и десятки других партийных активистов. Сам Ленин был вынужден перейти на нелегальное положение и, покинув столицу, укрыться в местечке Разлив. Корреспондент газеты «Живое слово» так подвел итог всему случившемуся: «Большевики скомпрометированы, дискредитированы и уничтожены... Мало того. Они изгнаны из русской жизни, их учение бесповоротно провалилось и оскандалило себя и своих проводников перед целым светом и на всю жизнь».

Но, устранив большевиков, Керенский и Временное правительство не смогли также легко избавиться от жгучих проблем и противоречий, которыми была пронизана жизнь тогдашней России. Глава нового состава Временного правительства не нашел в себе сил решить такие вопросы, как вопрос о мире, вопрос о земле, вопрос о национальном и государственном устройстве будущей России. Вместо этого Александр Федорович призывал к консолидации всех сил русского общества для того, чтобы довести войну с Германией до победоносного конца и провести выборы в Учредительное собрание, на плечи которого и перекладывалось решение всех проблем. Между тем, в стране все больше воцарялись хаос и анархия. Десятки тысяч солдат самовольно покидали фронтовые позиции, в деревнях крестьяне захватывали и делили помещичьи земли, финны и украинцы требовали автономии, в городах росло число стачек и забастовок рабочих, над страной нависла тень продовольственного, транспортного и топливного кризиса. В таких условиях многим стало казаться, что единственная сила, способная вывести страну из кризиса, - это армия. В разговорах все чаще стали мелькать выражения «железная рука», «твердый порядок» и даже «диктатура».

Не было недостатка и в кандидатах: бывший верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, начальник штаба ставки генерал Алексеев, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак. Но все они не устраивали нового премьер-министра А.Ф.Керенского, который и сам был не прочь сыграть роль Бонапарта. Поэтому двое первых под благовидными предлогами были отправлены в отставку, а адмирал Колчак выехал с военно-морской миссией в Соединенные Штаты Америки. Беда была только в том, что Александр Федорович, человек сугубо штатский («штафирка»), не пользовался авторитетом ни

у офицерского корпуса, ни у генералитета. Поэтому и возникла идея о своеобразном «тандеме» - союзе думающей «головы» и исполняющей задуманное «твердой руки». Вот тогда на политическом небосклоне и стала стремительно подниматься звезда генерала Корнилова.

Судьба Лавра Георгиевича Корнилова была довольно типична для русского офицера. Сын сибирского казака по окончании Михайловского артиллерийского училища начинает «тянуть служебную лямку» с первого офицерского чина. В его послужном списке - военно-разведывательная экспедиция в Восточную Персию. В ходе ее Корнилов изучил персидский и ряд других азиатских языков, глубоко усвоил мусульманские обычаи и традиции (поэтому он будет пользоваться большим авторитетом и уважением среди мусульманских воинских формирований). Вдумчивого офицера, автора книги «Кашгария и Восточный Туркестан» командование посылает в Академию генерального штаба, которую Корнилов заканчивает с золотой медалью. Во время русско-японской войны он - начальник штаба стрелковой бригады, за храбрость получает Георгия 4-й степени. К началу первой мировой войны уже генерал, командир дивизии, хотя имя его в широких армейских кругах пока известно не широко.

В 1914 году 48-я дивизия, входящая в состав 8-й армии генерала Брусилова, оказавшись на острие русского наступления в Галиции, показала себя очень хорошо. В историю русской армии она вошла под именем Стальной. Правда, Брусилов в качестве недостатка комдива 48-й отмечал его «зарывчатый» характер, но в наступлении от этого было больше пользы, чем вреда. Хуже пришлось 48-й Стальной ранней весной 1915 года, когда немцы, нанося концентрические сходящиеся удары, задумали отрезать далеко выдвинутую вперед группировку в Карпатах. Дивизия Корнилова сразу из авангарда превратилась в арьергард, прикрывающий отход войск Юго-Западного фронта. В это время русская армия испытывала чудовищный недостаток боеприпасов. На хорошо обеспеченное и подготовленное наступление немцев Корнилов мог отвечать только яростными штыковыми контратаками. Во время одной из них раненый комдив и попал в плен.

Казалось бы, судьба 45-летнего генерал-лейтенанта предрешена до конца войны. Тихая комнатка в бараке в одном из лагерей для военнопленных в Австро-Венгрии. Строгое, но почтительное отношение охраны - все-таки генерал. И вереница серых, похожих друг на друга, однообразных дней в плену. Подобная перспектива Корнилова не устраивала. И генерал, хоть и не генеральское это дело, с третьей попытки бежит. Бежит сначала с «завербованным» австрийским солдатом, потом один, пешком, и, наконец, перейдя линию фронта в районе румынской границы, попадает к своим.

Вот тогда-то, летом 1916 года, имя Корнилова и приобретает всероссийскую известность. Портреты невысокого, худого генерала с небольшой бородкой-клинышком, с чуть раскосыми

«калмыцкими» глазами облетели страницы всех периодических изданий. Сам Николай II удостоил героя аудиенция и лично вручил Георгия 3-й степени. После непродолжительного отпуска генерал получал под свою команду 25-й корпус и отбыл на фронт. А с февраля 1917 года, с началом революции, последовал просто фантастический взлет его карьеры.

Последним своим приказом до подписания отречения царь назначает Корнилова командующим Петроградским военным округом. Инициатором подобного назначения стал военный министр нового Временного правительства А.И.Гучков. Для того, чтобы справиться с разбушевавшейся солдатской стихией вышедших из-под контроля войск Петроградского гарнизона, ему понадобился решительный, но не слишком разбирающийся в пестром политическом спектре существовавшего тогда множества партий, генерал. Тот, кого искал Гучков, должен быть безусловным патриотом, сторонником доведения войны с Германией до победы, пользоваться среди солдат популярностью и авторитетом и, главное, не быть скомпрометированным тесной связью со «старым режимом». Помимо Корнилова у Гучкова, конечно, были и другие кандидаты. Например, очень близкий к новому военному министру генерал Крымов. Крупного телосложения, решительный, с густым повелительным голосом и чуть кривоватыми «кавалерийскими» ногами, Крымов командовал Туземной, или Дикой, дивизией. Это кавалерийское соединение, считавшееся одним из лучших в русской армии, было укомплектовано солдатами-мусульманами из народностей Северного Кавказа. На вопрос, какой режим они предпочитают - «старый» или «новый», горцы честно отвечали: «Нам все равно, какой режим, мы просто режем». ¹ Вот с этими своими «орлами» Крымов и предлагал Гучкову в 2-3 дня навести порядок в революционном Петрограде. Может быть, Гучков и воспользовался бы предложением Крымова, но возникли два препятствия: во-первых, Дикая дивизия находилась на Румынском фронте и ее переброска потребовала бы значительного времени; во-вторых, субординация. Крымов командовал дивизией, а на должность командующего столичным округом тянул как минимум командующий армией.

Однако новый командующий, на взгляд депутатов всевозможных советов и солдатских комитетов, слишком часто говорил о дисциплине и порядке. Это выглядело подозрительно, если не сказать контрреволюционно. Ну, а когда в апреле 1917 года во время очередных массовых беспорядков он приказал выдвинуть на улицы пушки, Петросовет призвал солдат гарнизона не выполнять приказы командующего. Корнилов «обиделся» и попросился на фронт. Ему доверили 8-ю армию Юго-Западного фронта.

¹ Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989, с.49.

К тому времени веяния Февральской революции из Петрограда уже проникли в войска, стоявшие на фронте. Дезертирство становилось все более массовым явлением. Солдаты отказывались выполнять приказы офицеров, рушилась дисциплина, фронт захлестнула митинговая стихия. И тогда в 8-й армии стали создаваться «ударные батальоны», или «батальоны смерти». Инициативу поддержал комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте Б.В.Савинков. Служить в таких батальонах могли только добровольцы, те, кто умел и хотел воевать. По мнению Корнилова, эти части должны были стать ядром новой возрождающейся русской армии. Именно они привели к успеху в июне 1917г., когда части 8-й армии прорвали немецкий фронт под Калушем и Галичем. Но успех оказался кратковременным. 6 июля 1917г. немцы прорвали позиции 11-й армии под Тарнополем - для Юго-Западного фронта это была страшная катастрофа.

Чтобы ликвидировать ее последствия, новый премьер Временного правительства А.Ф.Керенский по рекомендации Савинкова назначил командующим фронтом хорошо зарекомендовавшего себя Корнилова. 8 июля генерал вступил в должность и сделал почти невозможное - остановил немцев, тем самым увеличив свою популярность, укрепив авторитет «спасителя Отечества» и облегчив Керенскому выбор нового главнокомандующего, когда у него возникли разногласия с Брусиловым, прежним главнокомандующим. Корнилов казался Керенскому более покладистым и сговорчивым, чем другие высшие чины русской армии, и премьер видел в нем лишь орудие (ту самую «твердую руку») для выполнения собственных замыслов. 19 июля генерал стал верховным главнокомандующим.

Действительно, Корнилов, в отличие от большинства своих коллег, не настаивал на упразднении института комиссаров и солдатских комитетов, а лишь предлагал ограничить их полномочия. Не был генерал и оголтелым противником февральской революции. Это рождало у Керенского надежды на то, что с новым главнокомандующим всегда можно будет договориться. Заявления же Корнилова о наведении порядка на фронте и в тылу, о необходимости дисциплины в армии и возобновлении смертной казни Керенского не пугали. Он и сам после июльского восстания в Петрограде не имел ничего против дисциплины и порядка. Тем более в Петрограде, где столичный тыловой гарнизон разложился от безделья и антивоенной пропаганды разных партий.

Вскоре был разработан и план конкретных действий. В связи с ухудшением положения на рижском участке фронта Корнилов предложил тыловые части, стоявшие в Петрограде, переформировать в особую армию, ненадежные полки вывести из столицы, а к остальным применить жесткие дисциплинарные меры. Планировались некоторые репрессивные действия и против левых социалистических партий, особенно большевиков, считавшихся немецкими

шпионами. В случае возможных беспорядков предполагалось ввести в столицу снятый с Румынского фронта 3-й конный корпус в составе Уссурийской и Туземной дивизий.

В целом Керенский план одобрил. Начало его выполнения было намечено на 27 августа. Единственное, что не устраивало премьера, так это кандидатура командира 3-го конного, генерала Крымова. Не без основания считалось, что если Крымов со своими «туземцами» начнет репрессии, то доведет их до конца и не остановится даже перед тем, чтобы «перевешать 20-30 человек лишних». Это и смущало, и нервировало Александра Федоровича. Чтобы окончательно урегулировать все детали предстоящей операции, Керенский отправляет в ставку к Корнилову в Могилев свое доверенное лицо - Б.В.Савинкова. Встреча состоялась 23-го, договоренность была достигнута, Туземная и Уссурийская дивизии погружены в эшелоны и двинуты к столице, Савинков получил заверения, что Крымов договоренность главнокомандующего и премьера не нарушит. 24-го Савинков уехал в Питер. Здесь-то Его Величество Случай и сыграл с высокими договаривающимися сторонами злую шутку.

Случай материализовался в лице Владимира Николаевича Львова, обер-прокурора синода в первом составе Временного правительства. В августе Владимир Николаевич был уже не у дел, но активно старался к ним вернуться. Упорные слухи о диктатуре и военном перевороте, готовившемся в стране, подвигли Львова на личную встречу с Керенским. После свидания с премьером Львов вынес твердое убеждение, что Керенский поручил ему договориться с Корниловым о принципах формирования нового правительства с чрезвычайными полномочиями. Сам Александр Федорович подобное поручение в своих мемуарах наотрез отрицал. Тем не менее, 24 августа Львов оказался в Могилеве и потребовал свидания с главнокомандующим как представитель главы правительства. Львов прибыл в ставку, когда Савинков уже отбыл в столицу, и Корнилов решил, что премьер прислал нового эмиссара, чтобы согласовать какие-то детали, и принял его. Повторив Львову то же самое, что и Савинкову, генерал попросил Владимира Николаевича передать Керенскому его просьбу на время наведения порядка в столице в целях его личной безопасности прибыть в ставку. На беду, ночь перед встречей с Корниловым Львов провел на квартире у своего знакомого казачьего офицера. Подвыпивший есаул, как бы выражая мнение всех военных, весьма нелицеприятно отзывался о премьер-министре и выражал горячее желание собственными руками повесить Александра Федоровича на фонарном столбе. В голове бедного Львова все смешалось, как в доме Облонских. И когда он прибыл утром 26 августа в Петроград для встречи с Керенским, началась игра в испорченный телефон.

Пожелания генерала Корнилова Львов облек в форму ультиматума, а от себя присовокупил совет не ездить в Могилев, ибо это может быть ловушкой, и за жизнь премьера он не

поручится. Керенский, и без того подозревавший популярного и решительного главнокомандующего в бонапартизме, получил подтверждение своим страхам. Оставалось оформить свои подозрения документально, что Александр Федорович и проделал с ловкостью профессионального юриста.

Во второй половине дня 26 августа Керенский предложил Львову вызвать ставку по телеграфу и, наконец, расставить все точки над «и» в личном разговоре премьера и главнокомандующего. То, что случилось дальше, походило на фарс и дешевый водевиль, только вот последствия имело куда как трагические. Придя к аппарату раньше Львова, Александр Федорович был настигнут озарением. По нити он один начал переговоры с Корниловым, сообщив генералу, что в аппаратной находится вдвоем со Львовым. Керенский попросил Корнилова подтвердить правильность изложенного Львовым, не уточняя, что именно тот изложил. Корнилов, полагая, что речь идет о договоренности, достигнутой с Савинковым, не подозревая о подвохе и не уточняя деталей, ответил утвердительно. Керенский, закончив разговор, тут же попросив пришедшего Львова письменно изложить «ультиматум» генерала, что тот охотно и сделал. Таким образом, телеграфная лента переговоров со ставкой подтверждала всё изложенное Львовым и неопровержимо свидетельствовала об «знамене» Корнилова.¹

На следующее утро, 27 августа, страна с удивлением узнала с «мятеж» главнокомандующего против премьера. Керенский призвал все «здоровые» силы русского общества к защите завоеваний революции. Корнилов получил уведомление правительства о снятии с поста главнокомандующего, а из газет узнал, что он мятежник. Возмущенный поведением Керенского, нарушившего все договоренности и сорвавшего весь план, генерал сам объявил Временное правительство «предателями» и «изменниками родины». 3-й конный корпус получил приказ форсировать движение на Петроград. Но в столицу крымские войска не вошли, потому что у Керенского обнаружился неожиданный союзник - большевики.

Контролируемый социалистическими партиями профсоюз железнодорожников призвал своих членов воспрепятствовать «контрреволюции». Эшелоны с крымскими войсками блокировались другими составами, на паровозах гасили топки и сливали воду, разбирали рельсы и стрелки на пути их следования. Телеграфисты отказывались обеспечивать связь. Солдатские вагоны наводнили агитаторы всех мастей. Специально для «туземцев» со съезда мусульман России был доставлен внук Шамиля. Корпус, рассредоточенный в эшелонах на расстоянии в 250-300 км от станции Дно до Луги, от Пскова до Ямбурга, лишенный связи со

¹ Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989, с.121-122.

ставкой, оказался парализованным. На близлежащих подступах к столице корпус ожидали 40-тысячные отряды Красной гвардии и войска петроградского гарнизона. К 31 августа все было кончено. Корнилов и его штаб арестованы, Крымов застрелился, мятеж, которого не было, подавлен.

Александр Федорович Керенский мог бы торжествовать, но он не чувствовал себя победителем. В июле он лишился возможной поддержки слева, теперь, в августе, он потерял и поддержку справа. Пламенный поборник демократии, стремившийся любой ценой избежать военной диктатуры, представлявшейся ему чрезмерным злом, Александр Федорович оказался совсем один, и дни его были сочтены. Однако были в этих событиях и свои победители - большевики. «Корниловский мятеж» буквально за три дня превратил их из «немецких шпионов» в «спасителей революции». И Ленин немедленно воспользовался предоставленным ему шансом.

Октябрьский финал

В последние, критические августовские дни «Корниловского мятежа» Ленин оставался на нелегальном положении в столице Финляндии Гельсингфорсе - обвинение в «немецком шпионаже» снято не было и ордер на арест Владимира Ильича оставался в силе. Поэтому плоды победы большевиков над «генеральской контрреволюцией» и лавры «спасителя революции» достались не ему.

31 августа 1917 года большевистская резолюция, призывавшая к созданию правительства без буржуазии, впервые получила большинство в Петроградском Совете. С момента образования, то есть с марта 1917 года, Президиум Петроградского Совета состоял исключительно из меньшевиков и эсеров. Среди них были такие наиболее известные и авторитетные политические деятели как Чхеидзе, Церетели, Чернов, Дан, Скобелев, Гоц и Анисимов. Теперь все они заявили о своем намерении сложить полномочия, если результаты голосования 31 августа не будут признаны недействительными и прежнее руководство не получит вотум доверия. Большевики, чтобы затушить политическое значение голосования по составу президиума, предложили пропорциональное представительство: пусть в президиум войдут не только представители прежнего большинства (эсеры и меньшевики), но и новые «спасители революции».

Маневры большевиков в Петроградском Совете в конце концов увенчались успехом. Когда были оглашены результаты голосования на заседании 9 сентября по вопросу о пропорциональном представительстве, большинство членов прежнего президиума демонстративно покинули зал, всем своим видом выражая крайнее раздражение и негодование. Руководство Петроградского Совета было полностью реорганизовано. В состав нового

президиума вошли два эсера, один меньшевик и четыре большевика (Троцкий, Каменев, Рыков, Федоров). Лев Давидович Троцкий, недавно выпущенный из тюрьмы, где он находился с июля месяца, сменил Чхендзе на посту председателя. «Большевизация» Советов, о которой Ленин говорил еще весной, становилась реальностью, и на повестку дня снова встал лозунг «Вся власть Советам».

Еще недавно в нашей исторической науке вопрос о роли личности в истории решался однозначно: историю делают не цари и герои, а народные массы, т.е. классы-антагонисты. Теперь, непредвзято оглядываясь на произошедшее, можно согласиться с оценкой Троцкого, который утверждал, что, не будь Ленина в Петрограде в октябре 1917 года, революционного переворота не совершилось бы. Не будь во главе партии большевиков такого вождя как Владимир Ильич Ленин с его невероятным напором, страстью, фанатичной целеустремленностью, талантом пропагандиста и полным отсутствием традиционной морали (для Ленина было морально только то, что шло на благо революции, т.е. благая конечная цель оправдывала любые средства ее достижения), история России в двадцатом веке могла выглядеть совсем по-другому.

Как минимум дважды за 1917 года Владимиру Ильичу удавалось убедить, подтолкнуть, заставить свою партию перейти на крайне радикальные позиции, порой весьма далекие от ортодоксального марксизма. Везд и сам его призыв к превращению буржуазно-демократической революции в социалистическую противоречил марксистской теории смены экономических формаций. О каком построении социалистического общества можно было говорить в аграрной России, поставленной первой мировой войной на грань общенационального кризиса? Об этом говорил патриарх российской социал-демократии Георгий Валентинович Плеханов. Его мнение разделяли большинство политических лидеров той поры, в том числе и члены Центрального Комитета РСДРП(б).

И только Ленин, находясь в Цюрихе, ясно видел все ошибки своих соратников. Там, в революционном Питере, они явно что-то недопонимали. Вместо того, чтобы продолжать углублять революцию, цексисты (члены ЦК) и редакция «Правды» пошли на поводу у соглашателей - меньшевиков и эсеров. Это же надо! Упустить такой шанс повалить слабое Временное правительство в условиях, когда фактический контроль за гарнизоном находился в руках у Петроградского Совета. Каждый день отсрочки дает возможность министрам-капиталистам упрочить свои позиции. А они там даже не поставили архиважный вопрос о власти! Они удовлетворились функцией контроля над буржуазным Временным правительством на том виде ли основании, что считают февральскую революцию буржуазной. Они не видят уникальной возможности для пролетарской партии перехватить власть и перейти от буржуазно-

демократического этапа революции непосредственно к социалистическому. Подобные ошибки простительны недалекому Шляпникову, слабо разбирающемуся в вопросах теории Сталину, но как может допускать такие просчеты Каменев! Одно за другим из Цюриха в Петроград летят ленинские «Письма из далека». Набатным колоколом звенит в них призыв к социалистической революции, к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Подобная постановка вопроса пугает даже ближайших друзей и соратников. Каменев как главный теоретик в тогдашней редакции «Правды» решает: Старик у себя в Швейцарии совсем оторвался от жизни - письма не печатать.

Позднее Троцкий так опишет эту ситуацию: «Ленин неистовствовал в цюрихской клетке, изыскивая пути выхода». Но повлиять на позицию большинства ЦК из своего швейцарского далека не мог. Для этого требовалось его личное присутствие в революционном Петрограде.

В Петрограде Владимир Ильич оказался 3 апреля 1917 года. На Финляндском вокзале его встречали представители рабочих, революционные солдаты и матросы, а броневой дивизион даже предоставил один из своих броневиков. Его-то Ленин и использовал как трибуну для своего первого обращения к народу. Свою короткую речь он закончил энергичным призывом: «Да здравствует социалистическая революция, товарищи!» Но когда на следующий день, 4 апреля, Ленин изложил руководителям партии свои «Апрельские тезисы», большая часть большевистских лидеров встретила их с недоумением и враждебностью. Ленин среди собственных соратников оказался в меньшинстве.

Надо отдать должное ленинскому напору, энергии, способности убеждать и вести за собой колеблющихся - уже на Апрельской Всероссийской конференции партии большевиков, открывшейся в Петрограде 24 апреля 1917 года, ему удастся переломить ход событий в свою пользу.¹ Принятая здесь резолюция о войне отражала бескомпромиссное осуждение Лениным войны и военных усилий правительства. Временное правительство осуждалось как орудие буржуазии и союзник контрреволюции, пролетариат призывался к организации и вооружению для самозащиты. Однако, хотя позиции «умеренных» большевиков и были поколеблены, даже после Апрельской конференции они продолжали оставаться достаточно прочными и вынуждали Ленина считаться с собой. Ярче и последовательнее всех линию «умеренных» отстаивал Л.Б.Каменев. К слову сказать, во вновь избранном после конференции составе ЦК Каменев и его сторонники получили пять из девяти мест. По сути, «умеренные» предлагали легальный путь борьбы за власть, когда партия большевиков будет играть роль оппозиции и

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989, с.20.

добиваться своих целей путем оказания давления на существующее правительство. Это был цивилизованный путь «западного» парламентаризма.

Подобная постановка вопроса сближала позиции «умеренных» большевиков со взглядами эсеро-меньшевистских вождей Советов и порождала у последних надежду найти в конце концов общий язык. Точка зрения Ленина, как крайне экстремистская, в расчет не принималась - у каждой партии были свои чудачки. Но Владимира Ильича парламентская «игра в бирюльки» не устраивала. Ему была нужна не борьба за власть, а сама эта власть. И он нацеливает свою партию на ее захват.

Партию большевиков от прочих аморфных образований, носящих подобное название, отличала большая сплоченность, дисциплина и целеустремленность. Создаваемая как организация профессиональных революционеров, она была тем самым инструментом, который по мысли Ленина и должен был обеспечить захват власти. В условиях, когда эта власть фактически зависла между Временным правительством и ЦИК Советов, задача ленинской партии максимально облегчалась - стоило только завладеть инициативой в Советах, и как зрелый плод она сама падала в руки вождя большевиков.

Фактически уже апрельская конференция с подачи Ленина дала большевикам установку на социалистическую революцию (другими словами - захват власти). Правда, открытыми оставались вопросы «Когда?» и «Где?», но Владимир Ильич мог торжествовать - его позиция перестала быть точкой зрения левого экстремиста-одиночки и стала официальной партийной линией. А ведь прошло всего 19 дней с момента его возвращения из-за границы! Что же касается дальнейшего, то как любил говаривать вслед за Наполеоном Ленин: «Главное связаться в бой, а там посмотрим».

По мере углубления общенационального кризиса в стране менялось и отношение партийных соратников к идеям Ленина. Но еще стремительнее менялось отношение самых широких масс к политике Временного правительства. Эйфория первых дней революции и всеобщее опьянение свободой прошли довольно быстро, а нехватка жилья, продуктов питания, одежды, топлива и сырья, рост безработицы становились все острее и острее. И вот уже рабочие Петрограда пишут премьер-министру: «Берите назад свободу с революцией, нам лучше жилось прежде, без свободы... ни к чему эта свобода, да будь она проклята с вами вместе, если мне приходится целую неделю обходиться без хлеба и голодному ложиться спать».¹ Что на это могло ответить Временное правительство? Что оно могло ответить десяткам миллионов крестьян, ожидавших решения аграрного вопроса? Что оно могло ответить миллионам солдат,

¹ Кулешов С. «Писать о феврале навзрыд» // Родина. №2. 1996, с.88.

вот уже три года гниющих в окопах первой мировой войны? Оно могло лишь призывать к единению всех сил нации для победоносного завершения войны и откладывать решение главных проблем до созыва Учредительного собрания.

А между тем все больше людей обращали свои взоры к большевикам - ведь они предлагали очень простые решения самых сложных проблем: земля - крестьянам, фабрики - рабочим, мир - народам. Мало кто представлял себе как могут быть реально выполнены все эти лозунги. Это была чистой воды политическая демагогия и сознательное завышение своих обещаний. Едва ли сам Владимир Ильич сомневался в этом. Но для него куда важнее было, чтобы в мужицкие головы запала его мысль: «Владение помещичьей землей отдать сразу местным крестьянам» «без выкупа, без всякой платы». И вот уже десятки миллионов крестьян видят в этом решении высшую справедливость, свою сермяжную правду. И гудят деревни растревоженными ульями, требуя от Временного правительства именно такого решения аграрного вопроса. Решение откладывается - без избранного всенародно Учредительного собрания правительство не может взять на себя ответственность за подобный шаг. Очень хорошо - потирает Ленин руки от удовольствия - пусть крестьяне увидят, кто их настоящий друг, а кто нет. С такой же легкостью решает вождь большевиков и другой болезненный вопрос - вопрос о мире. Солдаты устали от жестокой многолетней бойни? Они не знают, за чьи интересы должны умирать в окопах, а правительство предлагает им вести войну до победного конца? Очень хорошо - мы предложим им «справедливый мир без аннексий и контрибуций». Вряд ли Владимир Ильич не понимает, что ни одно правительство воюющих стран не подпишет мир на подобных условиях. Но для него куда важнее заручиться поддержкой этих десяти миллионов людей в солдатских шинелях. Ведь в их руках находится оружие и очень важно, куда они его повернут. Вдвойне это важно, когда ставка в политической игре - власть. Не случайно много лет спустя китайский последователь Владимира Ильича Великий кормчий Мао скажет: «Винтовка рождает власть». Ленин вполне мог бы с этим согласиться.

Стремительная радикализация требований рабочих, крестьян и солдат, рост их недовольства дают в руки Владимира Ильича еще один аргумент в споре со своими «умеренными» соратниками. Он получает возможность упрекать Каменева в том, что тот оторвался от масс и отстаёт от развития революции в России. Теперь он всегда для оказания давления на умеренную часть ЦК будет ссылаться на «просьбы трудящихся». Не случайно в 1917 году Ленин так часто будет повторять свой призыв «слиться с массами».

Подобная политика вскоре начнет приносить плоды. О популярности партии большевиков (и, следовательно, ее вождя) свидетельствует стремительный численный рост РСДРП(б): если в феврале 1917 года партия насчитывала 23 тысячи членов, то к июню в ее рядах было уже около

200 тысяч человек. Именно это подвигло Владимира Ильича как раз в июне 1917 года, во время работы I Всероссийского съезда Советов, открыто, на всю страну заявить свои претензии на власть. На реплику лидера меньшевиков Церетели, что в сложившихся тяжелых условиях ни одна из существующих партий не может целиком взять власть и ответственность за вывод страны из кризиса на себя, Ленин ответил: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком». В зале съезда раздались жидкие аплодисменты и громкий хохот - из 1090 делегатов только 105 были большевиками. Заявление Ленина сочли неудачной шуткой. Но когда 18 июня организованная по призыву ВЦИК Советов демонстрация в поддержку Временного правительства вышла под большевистскими лозунгами, всем стало ясно, что Ленин говорил вполне серьезно. Но коль скоро эсеро-меньшевистский съезд Советов отказал Владимиру Ильичу в мандате доверия и взять власть мирным путем не удалось, на заседании Петроградского комитета РСДРП Ленин недвусмысленно заявил: «Мирные манифестации - это дело прошлого».

Но вооруженная манифестация 3-4 июля едва не закончилась для Ленина арестом, а партию большевиков едва не смела с политической арены в небытие. Однако Владимир Ильич извлек из июльских событий очень важный урок: как бы ни были слабы министры Временного правительства - добровольно они власть не отдадут. Следовательно в повестку дня встал вопрос не о вооруженных манифестациях, а о вооруженном восстании. Власть нужно вырвать силой. И подавление «Корниловского мятежа» стало новым шансом, второй попыткой для вождя большевиков.

Пока Керенский, лишившийся на этот раз поддержки справа, пытался найти выход во Всероссийском Демократическом совещании, таком своеобразном Предпарламенте, созванном еще до выборов в Учредительное собрание 14-18 сентября 1917 года, а вышедшие из тюрем и подполья большевики осваивались с новыми ролями в Советах, Ленин стонал от нетерпения. Возможно тогда он единственный из вождей многочисленных тогда политических партий понимал, что критический момент, когда власть Временного правительства рухнет, и ее можно будет легко подобрать «валяющуюся на мостовой», наступает. И наступает быстро. И вновь как в марте месяце Ленин бомбардирует ЦК РСДРП(б) письмами, на этот раз из своего финляндского «недалека».

Владимир Ильич пишет одну за другой статьи, записки, письма, похожие на программы или директивы. Ленин из Выборга, куда он перебрался, чтобы лучше осуществлять свое влияние на Центральный Комитет, присылает в Петроград свое знаменитое письмо «Марксизм и восстание». В нем он выражает абсолютную убежденность в победе выступления

Демонстрация 18 июня 1917 года в Петрограде

В.И. Ленин в Разливе. 1917. Рис. художника П. Васильева

большевиков. Он требует, не теряя ни минуты, организовать штаб восстания, арестовать генеральный штаб и правительство, мобилизовать рабочих, занять телеграф, вокзалы, мосты, банки. Не без революционного пафоса Ленин восклицает: «Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти...» Он с полной уверенностью заявляет, что убежден: «99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь - это значит уже победить весь мир».¹ Уж кто-кто, а Владимир Ильич знал, что помощь немцев большевикам и преследовала эту цель - вывести Россию из войны и дать Германии шанс победить на Западном фронте. А ведь еще три месяца назад, в июне, Ленин публично клялся, что не думал и не думает о сепаратном мире. Он решительно «против сепаратного мира»! А теперь полная готовность к миру и уверенность в сепаратном перемирии. В этом весь Ленин: прагматик до мозга костей. Кроме революции и власти - ничего священного.

В своем движении к цели Ленин всегда придерживался циничного прагматизма: ничего святого, неизменного, нерушимого. Мало ли что говорил Владимир Ильич в июне; обстановка изменилась... Еще Никколо Макиавелли в своем знаменитом «Государе» заявил: «Мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, когда нужно, обвести вокруг пальца...».²

Ленинские статьи и публицистика тех дней яростно клеймят правительство Керенского (хотя после «Корниловского мятежа» Временное правительство перестало быть хоть сколько-нибудь буржуазным и превратилось в однородно-социалистическое, сплошь состоящее из правых эсеров и меньшевиков), клеймят и «соглашателей» из среды своей собственной партии. Это те самые «умеренные», которые еще в апреле-мае выступали против позиции Ленина, а теперь после июля и вовсе хотят действовать только легальными методами через будущий Съезд Советов, через Учредительное собрание. Настойчивее всех эти позиции отстаивали в партии большевиков Каменев и Зиновьев.

Действительно, говорили они, почему бы не дожидаться уже назначенного на ноябрь Учредительного собрания? После победы над «генеральской контрреволюцией» большевики могут рассчитывать на выборах если не на большинство, то как минимум на весьма солидную фракцию. Через эту свою фракцию в Учредительном собрании партия сможет оказывать серьезное влияние на работу будущего правительства страны. По сути Каменев, Зиновьев и их сторонники в партии большевиков выступали за парламентский путь политической борьбы.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.34. С.245, 247.

² Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М., 1999, с.95.

Но это-то как раз и не устраивало Владимира Ильича. В таком случае ему была предуготована роль главы, пусть и влиятельной, но все же одной из многочисленных фракций Учредительного собрания. А Ленин хотел не парламентской говорильни (этой по его выражению «игры в бирюльки»), а власти, причем власти, целиком и полностью принадлежащей его партии. Ну а то, что Учредительное собрание должно было выражать волю народа, Ленина нисколько не волновало. Когда это в России учитывали мнение народа?

Ленин не только не хочет ждать Учредительного собрания, он не хочет ждать даже II съезда Советов, намеченного на 25 октября, где его партии уж точно обеспечено большинство. «Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, ничего не может дать!»- восклицает Владимир Ильич. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд».

Что же делать? У Ленина готов план: «Победа восстания обеспечена теперь большевикам: мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить внезапно и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота... девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3-5 июля, ибо не пойдут войска против правительства мира...» В случае несогласия с этим планом Ленин шантажирует соратников своим уходом из ЦК. Он пишет, что уже замечал в реакции ЦК «тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться...» К слову сказать, Ленин умело пользовался такими ультиматумами. И они часто приносили ему желаемый результат.

Одну из своих статей-обращений к Центральному Комитету Ленин так и озаглавил - «Кризис назрел». Это было очевидно не только вождю большевиков. Один из лидеров меньшевиков Н.Н.Суханов так описывал ситуацию в стране осенью 1917 года: «Никакого управления, никакой органической работы центрального правительства не было, а местного - тем более. Развал правительственного аппарата был полный и безнадежный. А страна жила. И требовала власти, требовала работы государственной машины... Даже разговоры о земле застопорились на верхах, в то время как волнение низов достигло крайних пределов. В Петербурге мы перешли предел, за которым начался голод со всеми последствиями... Не нынче-завтра армия должна была начать поголовное бегство с фронта... Положение на железных дорогах становилось угрожающим. Вся пресса, снизу доверху, в разных аспектах, с разными тенденциями и выводами, но одинаково громко и упорно вопила о близкой экономической катастрофе...».¹

Однако в Центральном Комитете РСДРП(б) читают кричащие ленинские письма, соглашались, но почти ничего не делают. Более того членов ЦК пугает и шокирует радикализм

¹ Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1999, с. 276.

вождя. Ведь если подобные планы Ленина станут известны Временному правительству, это даст в руки Керенского доказательства, чтобы снова обрушить репрессии на большевиков, как это уже было в июле. Поэтому члены ЦК принимают решение уничтожить все письма Ленина о восстании, кроме одного, а самим продолжить легальную работу в Советах и Демократическом совещании.

И Ленин, находясь на нелегальном положении в Выборге, изменить здесь ничего не мог. Он чувствовал, что должен быть в Петрограде, среди членов ЦК, среди всех тех, кто сегодня реально держит нити управления партией и другими массовыми организациями, которые находились под ее влиянием. Но рисковать собой Владимир Ильич не любил - в этом плане он был очень осторожен. Только когда были получены гарантии Центрального Комитета и был разработан безопасный маршрут (с запасными вариантами) Ленин рискнул и перебрался из Выборга в Петроград. Это произошло 7 октября 1917 года. Вот тогда-то подготовка к вооруженному восстанию и пошла по-настоящему полным ходом.

По прибытии в Петроград Ленин настоял на уходе большевиков из Предпарламента, «чтобы не сеять иллюзий» у масс. Он никому не хотел отдавать свой главный козырь: обещание народу немедленного мира. Психологический расчет был точен: народ пойдет не столько за большевиками, сколько за миром, который в обыденном сознании представлялся как всеобщая панацея, универсальное избавление от всех бед и лишений. Ленинская пропагандистская машина, запущенная весной на немецкие деньги, теперь давала блестящий результат. Идея немедленного мира уже так глубоко вошла в общественное сознание, что никто больше не хотел ни ждать, ни думать, что будет после большевистского мира.

Ленинский напор, его уверенность заражали соратников. Установка на немедленное вооруженное восстание уже воспринимается большевиками как нечто вполне естественное. 5 октября закрытое заседание Петроградского комитета РСДРП одобряет ленинское предложение о подготовке вооруженного восстания. 7 октября аналогичную резолюцию принимает Московский комитет РСДРП.

И вот 10 октября состоялось чрезвычайно важное заседание ЦК РСДРП, на котором обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Из 21 члена ЦК присутствовало чуть больше половины - 12. Среди них были Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Оппоков).

Среди вопросов, стоявших в повестке заседания, не было вопроса о вооруженном восстании. В целях конспирации он был обозначен как «текущий момент». Докладчиком о текущем моменте и выступил Ленин. Он подчеркнул, что «политически дело совершенно созрело» и вопрос теперь за военно-технической подготовкой. Как искусный заговорщик Ленин

не рассчитывал на поддержку большинства населения. Он констатировал, что Учредительное собрание «явно будет не с нами». Отдавая себе отчет, что Учредительное собрание, выражающее волю миллионов людей, будет не с большевиками, Ленин тем не менее настаивает на захвате власти. Это его истинная цель (а все остальное политическая демагогия, призванная скрыть главное).

Владимир Ильич ожидал возражений, сопротивления, как это было в апреле, но ЦК (те, кто присутствовал на заседании) согласился с предложением Ленина начать подготовку восстания и осуществить его в ближайшее время. Резолюция принимается десятью голосами против двух. Этими двумя были Каменев и Зиновьев. Обосновывая свою позицию, Каменев, сторонник участия большевиков в будущем Учредительном собрании, заявил: «Партия не опрошена. Такие вопросы десятью не решаются». Это потребовало еще одного, расширенного заседания ЦК, которое состоялось 16 октября и еще раз подтвердило ленинскую резолюцию.

Но еще до этого расширенного заседания Петроградский Совет создал Военно-революционный комитет (ВРК). Официально этот комитет, который возглавлял левый эсер П.Е.Лазимир, создавался с целью мобилизации населения Петрограда для обороны от немцев (осенью 1917 года немецкое командование осуществило высадку десанта на Моонзундские острова). По существу же большевики использовали этот легальный орган как штаб восстания. Ведь, по мысли Ленина, они, готовя восстание, «оборонялись против контрреволюции». ВРК фактически контролировал гарнизон Петрограда в 150 тысяч человек. Без соответствующей резолюции ВРК не должны были выполняться распоряжения и приказы даже командующего гарнизоном, назначенного Керенским полковника Полковникова. Созданный 12 октября, Военно-Революционный Комитет на вполне легальных основаниях осуществлял техническую подготовку восстания. И здесь главная роль и заслуги, конечно же, принадлежали Троцкому.

В течение считанных дней Троцкому удается установить контакт с четырьмя десятками воинских частей столичного гарнизона (всего их было около 180), с Красной гвардией, почти с 200 заводами, с полутора десятками районных комитетов, что в общей сложности могло обеспечить большевикам поддержку 20-30 тысяч вооруженных людей. Ударным отрядом восстания должны были стать моряки Балтийского флота, которые должны были в решающий момент прислать свой отряд из Кронштадта. Впрочем, сам Троцкий довольно критически оценивал свое воинство: «Гарнизон был многочисленным, но не хотел драться. Отряды моряков не обладали нужной численностью. Красной гвардии не хватало умения». Реально же в октябрьских событиях примет участие около 6-7 тысяч солдат и матросов и примерно 30 тысяч красногвардейцев.

Для Временного правительства, которое несомненно знало о подготовке восстания, трагизм ситуации заключался в том, что теперь за него никто не хотел сражаться. Имея в столичном гарнизоне около 150 тысяч человек, его командующий полковник Полковников докладывал Керенскому, что «в распоряжении правительства нет никаких войск».¹ Столичный гарнизон в массе своей предпочитал «держать нейтралитет», выжидая кто же в противостоянии между Временным правительством и большевиками выйдет победителем.

Между тем время до начала работы II Всероссийского съезда Советов стремительно приближалось. Он должен был открыться в Петрограде 25 октября 1917 года. Поэтому Ленин, который никак не хотел связывать захват власти с открытием съезда (если он возьмет ее сам, а не получит от делегатов съезда, то этой властью ни с кем не нужно будет делиться), приказал выступить 24-го.

Фактически в этот день отрядам большевиков удалось поставить под свой контроль мосты через Неву, два из трех вокзалов. Все происходило настолько буднично, без сопротивления, без эксцессов и стрельбы, что многие современники происходившего узнали об этом как о свершившемся факте. Вот что пишет Н.Н.Суханов: «Сопротивления не было оказано. Начиная с двух часов ночи (25 октября), небольшими силами, выведенными из казарм, были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телеграфное агентство. Группки юнкеров и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах... Город был совершенно спокоен. И центр, и окраины спали глубоким сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осенней ночи».² Керенский утром выехал (со стороны это походило на бегство) «навстречу верным войскам с фронта». Никаких других мер по предотвращению переворота Временное правительство не делало и сделать, видимо, уже не могло. Во главе с Коноваловым министры обосновались в Зимнем дворце, дожидаясь когда министр-председатель вручит их с фронтовыми частями.

В полдень 25 октября в Смольном под председательством Троцкого состоялось экстренное заседание Петроградского Совета. В своей речи перед собравшимися он заявил: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует. Отдельные министры подвергнуты аресту. Другие будут арестованы в ближайшие часы». Речь Троцкого была встречена восторженными выкриками и аплодисментами. К этому времени Ленин тоже уже был в Смольном, куда он перебрался накануне с конспиративной квартиры.

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989, с.247.

² Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1999, с. 291.

В эти же часы должен был открыть свою работу и Всероссийский съезд Советов. Однако начало по просьбе Ленина было отложено (фактически он начнется в 22.40). Что же заставляло Ленина колебаться? Во-первых, он с минуты на минуту ждал сообщения об аресте Временного правительства в Зимнем дворце, а во-вторых, Ленина смущал тот факт, что из 670 делегатов съезда только 300 были большевиками.¹ Конечно, по сравнению с первым съездом численный рост был почти втрое, но без поддержки левых эсеров (более 100 делегатов) набрать необходимое большинство Ленин не мог. Поэтому он хотел поставить присутствующих перед фактом, а сообщения о взятии Зимнего все не поступало.

Причем не поступало оно до самого вечера и, в конце концов, съезд пришлось начинать до ареста Временного правительства. А в это время на Дворцовой площади перед Зимним дворцом разворачивались драматические события. Немногочисленные отряды большевиков с разных направлений подтягивались к Зимнему. Но силы защитников Временного правительства были совсем уж мизерны: неполный женский ударный батальон (чуть больше 300 человек), рота юнкеров (около 150 человек) и 40 георгиевских кавалеров во главе с безногим капитаном на протезах. Дальше начался штурм. Впрочем, выглядел он вовсе не так, как это принято показывать в кино.

Все проходило в страшной неразберихе. Первоначально сигналом к штурму должен был послужить красный фонарь, поднятый на сигнальной мачте Петропавловской крепости. Но в нужный момент фонаря найти не сумели, поэтому сигнал к штурму подали холостым выстрелом с крейсера «Аврора».

Дальше, по всем канонам военного искусства, последовала артиллерийская подготовка. Зимний дворец был обстрелян из тяжелых 152-миллиметровых орудий Петропавловской крепости. Выпущено было около 30 снарядов, впрочем в основной массе с недолетом (они упали в Неву). До цели долетело только 2 снаряда; один попал в карниз дворца - при его разрыве даже не было раненых, а второй вообще не взорвался. Противники большевиков потом со злорадством будут утверждать, что артиллеристы в тот вечер были пьяны. Не известно как дело обстояло с артиллеристами Петропавловской крепости, а вот многие из революционных солдат и матросов, ворвавшихся в Зимний дворец, первым делом устремились в подвалы, где находились знаменитые царские зинные погреба. Немногочисленная охрана дворца сопротивления не оказывала - отсюда и восторговшие Ленина малые потери (всего шесть убитых и около пятидесяти раненых). Произошло это приблизительно около 2 часов ночи, уже 26 октября. Тогда же специально посланный в Зимний комиссар ВПК Антонов-Овсенко и

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989, с.311.

произвел арест министров Временного правительства, препровожденных затем в Петропавловскую крепость.

Последовавшее далее в Зимнем дворце кратко можно охарактеризовать как погром и грабеж. В подвалах главным лозунгом текущего момента стал лозунг «Допьем царские остатки». А наверху лобознательные граждане, видимо на память об историческом событии, добывали себе сувениры. По оценке специальной комиссии полностью было расхищено «20 ящиков обиходного столового серебра и мелких предметов из золота, а также 10 ящиков фарфора и изделий из бронзы». «Стоимость всего похищенного не превышает миллионов двух или трех». Но как меланхолически отмечает тот же источник: «Несравненно, в этом отношении, ощутительнее утрата целого ряда исторических реликвий...».¹

Но главные события происходили в ту ночь все-таки не в Зимнем, а в Смольном. Там, по предложению меньшевика Мартова, съезд Советов должен был осудить насилие, которое творил Ленин и большевики над их товарищами из состава Временного правительства. Призыв Мартова услышан не был. Вернее меньшевики и правые эсеры на съезде оказались в меньшинстве. В знак протеста они покинули заседание съезда, тем самым как бы добровольно передав Ленину всю полноту власти. В ту же ночь было сформировано полностью большевистское правительство - Совет Народных комиссаров во главе с Лениным. Владимир Ильич обладал гениальным чувством «текущего момента» - по его предложению Съезд Советов принимает знаменитые «Декрет о мире» и «Декрет о земле». Это сразу же обеспечило Ленину и его партии массовую поддержку населения, а затем позволило большевикам устоять в кровопролитной гражданской войне. Но это была уже совсем другая эпоха. А последняя страница истории старой России была перевернута 25 октября 1917 года...

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. №2. 1993.
3. Волкогонов Д.А. Ленин. - Политический портрет. В 2-х кн. М., 1999.
4. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.
5. Карр Э. История Советской России. Кн.1: Том 1 и 2. Большевистская революция 1917-1923. М., 1990.
6. Керенский А.Ф. На историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

¹ Сушко В.Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года // Вопросы истории. №8-9. 1996. С.154.

7. Кулешов С. «Писать о феврале навзрыд» // Родина. №2. 1996.
8. Масси Р. Николай и Александра. Петрозаводск, 1995.
9. Мельгунов С.П. Осада Зимнего дворца // Вопросы истории. №1. 1993.
10. Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987, с.179.
11. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989.
12. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990.
13. Розенталь И. Когда отказываются пожать руку царю // Родина. №7. 1995.
14. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.
15. Сушко В.Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 года // Вопросы истории. №8-9.1996.
16. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РУССКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв. И ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ САМОДЕРЖЕЦ.....	6
БРОСОК В КАПИТАЛИЗМ.....	14
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГОДОВ.....	39
ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА.....	69
«СНАЧАЛА УСПОКОЕНИЕ, А ЗАТЕМ РЕФОРМЫ».....	84
РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914-1918 ГГ.....	95
Восточно-Прусская операция 1914 года.....	100
Галицийская операция.....	106
Завершающие операции 1914 года.....	109
1915 – год «Великого Отступления».....	114
«Брусиловский прорыв».....	126
СМЕРТЬ «СВЯТОГО СТАРЦА».....	134
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА.....	142
Восемь дней, которые решили судьбу империи.....	142
Приказ № 1 и его последствия.....	148
Русская революция и «немецкие деньги».....	155
«Мятеж» генерала Корнилова.....	160
Октябрьский финал.....	167

Банникова Наталья Федоровна

Журавлев Сергей Иванович

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Очерки по отечественной истории конца XIX - начала XX вв.

Редактор Н.С.Куприянова

Корректор Т.И.Щелокова

Лицензия ЛР № 020301 от 30.12.96 г.

Подписано в печать 30.08.2000. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,6.

Усл. кр.-отт. 10,8. Уч.-изд. л. 11,5.

Тираж 500 экз. Заказ **66**. Арт. С - 7 (ДЗ) / 2000.

Самарский государственный аэрокосмический университет
имени академика С.П.Королева.

443086 Самара, Московское шоссе, 34.

ИПО Самарского государственного

аэрокосмического университета.

443001 Самара, ул. Молодогвардейская, 151.